

Humaniora
Huma

DISSERTATIONES
PHILOLOGIAE
URALICAE
UNIVERSITATIS
TARTUENSIS

12

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Пространственная семантика
местных падежей коми языка
(когнитивный анализ)

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Пространственная семантика
местных падежей коми языка
(когнитивный анализ)

Институт эстонского и общего языкознания философского факультета
Тартуского университета, Тарту, Эстония

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора
философии (уральские языки) 6 ноября 2012 г. советом Института эстон-
ского и общего языкознания Тартуского университета

Научный руководитель: Тыну Сейлентхал, доцент уральских языков и
хунгарологии Тартуского университета

Оппонент: Галина Александровна Некрасова, кандидат филологических
наук, старший научный сотрудник Института языка, литера-
туры и истории Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук, Сыктывкар, Россия

Защита состоится 27 декабря 2012 г. в 14:15 в Сенатском зале Тартуского
университета

Диссертационная работа осуществлена при поддержке Социального фонда
Европейского Союза и Программы родственных народов Эстонии

ISSN 1406–2631
ISBN 978–9949–32–194–0 (print)
ISBN 978–9949–32–195–7 (pdf)

Copyright: Nikolay Kuznetsov, 2012

University of Tartu Press
www.tyk.ee
Order no. 604

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приехав в октябре 1994 г. на учебу в Тарту, я и представить себе не мог, что на многие годы буду связан учебными узами с Тартуским университетом. Но судьба (вероятно, не только) распорядилась именно так. Сначала бакалавриат, затем магистратура, и, наконец, докторантура.

Большинство лет обучения в Тартуском университете я был стипендиатом Программы родственных народов Эстонии. И нет сомнений в том, что без этой поддержки моя учеба здесь не могла состояться. Поэтому спешу выразить огромную благодарность Программе и людям, стоящим за ней, за предоставленную возможность получить образование в стенах Тартуского университета.

От всей души хочу поблагодарить своего научного руководителя, наставника и старшего коллегу доцента Тьну Сейлентхала, по-отечески относившегося и поддерживавшего меня как при написании диссертации, так и в годы моей учебы в университете.

Выражаю огромную благодарность рецензентам старшему научному сотруднику Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, кандидату филологических наук Галине Александровне Некрасовой и эмерит-профессору Таллиннского университета Ану-Реэт Хаузенберг за объективную оценку диссертации, ценные советы и критические замечания.

Выражаю признательность профессору общего языкознания Тартуского университета Ренатэ Паюсалу, прочитавшей рукопись диссертации и давшей полезные комментарии. Также благодарю ее за некоторые идеи для дальнейшего исследования в области падежной семантики коми языка.

Я глубоко признателен куратору Центра коренных финно-угорских народов им. Пауля Аристэ при Тартуском университете Кади Сарв за постоянную готовность помочь и, в частности, за редактирование и корректуру эстонского текста выводов по диссертации.

Выражаю искреннюю благодарность коллегам по работе в Эстонском литературном музее и в Тартуском университете, регулярно интересовавшимся ходом написания диссертации и стимулировавшим тем самым ее осуществление. Особую благодарность хочу выразить своему непосредственному начальнику в Эстонском литературном музее заведующей отделом фольклористики Маре Кыйва, с абсолютным пониманием и поддержкой относившейся к моему исследованию и ко мне на всем протяжении моей работы в музее.

Выражаю искреннюю благодарность своей семье, в первую очередь любимой подруге жизни Инге за веру в меня, вселение уверенности, сопереживание и терпение, а также своим дочерям Эрике и Норе, не без участия которых затянулась моя учеба в докторантуре.

С огромным удовольствием выражаю благодарность всем, кто каким-либо образом содействовал осуществлению и публикации настоящего исследования.

Посвящаю памяти своих родителей.

Тарту, 12 ноября 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ.....	11
1.1. Объект исследования.....	11
1.2. Новизна и актуальность темы.....	12
1.3. Цели и задачи исследования.....	13
1.4. Методика исследования.....	14
1.5. Источники и материал.....	14
1.6. Основные положения, выносимые на защиту.....	16
1.7. Структура и содержание исследования.....	16
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	18
2.1. Основные понятия и термины.....	18
2.1.1. Языки.....	18
2.1.2. Падежная терминология.....	19
2.1.3. Когнитивная терминология.....	21
2.2. Падеж.....	22
2.2.1. Типы падежей.....	23
2.2.1.1. Классификация местных падежей.....	23
2.2.2. Падежи в финно-угорских языках.....	29
2.3. История изучения местных падежей коми языка.....	33
2.3.1. Местные падежи коми языка в грамматиках XIX века.....	33
2.3.2. Местные падежи коми языка в исследованиях XX века.....	38
2.3.2.1. Об(общаю)щее описание.....	38
2.3.2.2. Исследование отдельных падежей и падежных групп.....	39
2.3.2.3. Историко-этимологический аспект.....	42
2.3.2.4. Диалектологический и сравнительный аспект.....	47
2.3.2.5. <i>Varia</i>	48
2.4. Когнитивный подход в языкознании.....	49
2.4.1. Когнитивная лингвистика.....	49
2.4.1.1. Основные принципы когнитивной лингвистики.....	50
2.4.1.2. Содержание когнитивной лингвистики.....	52
2.4.1.3. Структура когнитивной лингвистики.....	54
2.4.2. Когнитивная грамматика Р. Лангакера.....	57
2.4.2.1. Основные положения.....	58
2.4.2.2. Организация грамматики.....	59
2.4.2.3. Значение в когнитивной грамматике.....	61
2.4.2.4. Энциклопедическая семантика.....	63
2.4.2.5. Конструал.....	64

2.4.3.	Организация значения. Полисемия.....	76
2.4.3.1.	Семантические сети.....	77
2.4.3.2.	Теория прототипов.....	78
2.4.3.3.	Радиальные сети.....	81
2.4.3.4.	Сетевые модели.....	82
2.4.4.	Образ-схема.....	84
3.	ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ КОМИ ЯЗЫКА.....	88
3.1.	Местные падежи коми языка.....	88
3.1.1.	Классификация.....	88
3.1.1.1.	Внутриместные падежи.....	91
3.1.1.2.	Внешнеместные падежи.....	92
3.1.1.3.	Пролатив.....	93
3.1.1.4.	Приблизительно-местные падежи.....	94
3.1.2.	Статистика.....	94
3.2.	Матрица когнитивных областей для местных падежей.....	96
3.2.1.	Физическое пространство.....	96
3.2.2.	Абстрактное пространство.....	98
3.2.3.	Событийное пространство.....	98
3.2.4.	Социальное пространство.....	99
3.2.5.	Время.....	102
3.2.6.	Состояние.....	103
3.2.7.	Шкала.....	105
3.2.8.	Область абстрактных отношений.....	106
3.2.9.	Выводы.....	108
3.3.	Внутриместные падежи.....	109
3.3.1.	Центральные значения.....	110
3.3.2.	Периферийные значения.....	114
3.3.2.1.	Локализация AD.....	116
3.3.2.2.	Локализация APUD.....	120
3.3.2.3.	Локализация на теле.....	120
3.3.2.4.	Локализация DOMUS.....	125
3.3.2.5.	Пересечение физического и событийного пространства.....	126
3.3.2.6.	Специфические употребления иллатива.....	126
3.3.2.7.	Специфические употребления элатива.....	129
3.3.3.	Непространственные значения инессива.....	129
3.3.4.	Непространственные значения иллатива.....	129
3.3.5.	Непространственные значения элатива.....	130
3.4.	Пролатив.....	132
3.4.1.	Центральные значения.....	134
3.4.1.1.	‘маршрут’.....	134
3.4.1.2.	‘проход’.....	135
3.4.1.3.	‘сцена’.....	136

3.4.2. Периферийные значения	138
3.4.2.1. ‘точка приложения’	138
3.4.2.2. ‘локатив’	139
3.5. Аппроксиматив	140
3.5.1. Инвариант	140
3.5.2. Прототипическое значение	141
3.5.3. Расширения прототипических значений	143
3.5.4. Периферийные пространственные значения аппроксиматива	145
3.5.5. Сетевая модель пространственных значений	150
3.6. Эгрессив	152
3.6.1. Пространственная семантика	154
3.6.1.1. Направление	154
3.6.1.2. Отправной пункт	154
3.6.1.3. Распространение движения или действия	156
3.6.1.4. Удаленность от ориентира	157
3.6.1.5. Локализация IN	158
3.6.2. Непространственная семантика	158
3.7. Терминатив	160
3.7.1. Пространственная семантика	160
3.7.1.1. Предельность действия	160
3.7.1.2. Крайняя точка траектории и удаленность	162
3.7.1.3. Локализация IN	162
3.7.1.4. КОНТАКТ	164
3.7.2. Непространственная семантика	164
3.8. Приблизительно-местные падежи	165
3.8.1. Пространственная семантика	166
3.8.1.1. Аппроксиматив-инессив	167
3.8.1.2. Аппроксиматив II	168
3.8.1.3. Аппроксиматив-элатив	169
3.8.1.4. Аппроксиматив-пролатив	171
3.8.1.5. Аппроксиматив-эгрессив	173
3.8.1.6. Аппроксиматив-терминатив	174
3.8.2. Непространственная семантика	175
3.9. Функциональные параллели местных падежей	175
3.9.1. Послеложные конструкции	176
3.9.2. Послеложные форманты	177
ВЫВОДЫ	183
СОКРАЩЕНИЯ	192
ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ	194
БИБЛИОГРАФИЯ	195

КОККУВÕТЕ. Komi keele kohakäänete ruumisemantika (kognitiivne analüüs).....	206
SUMMARY. The spatial semantics of locative cases in the komi language (cognitive analysis).....	220
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Краткий справочник по падежной терминологии ...	235
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Краткий справочник по когнитивной терминологии.....	238
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	242

1. ВВЕДЕНИЕ

Уже в самом названии исследования обозначены его объект (пространственные значения местных падежей коми языка) и метод (когнитивный анализ). Однако, для получения целостного представления об исследовании будет правильно сделать более детальную аннотацию всей работы, охарактеризовав ее содержание по пунктам.

1.1. Объект исследования

Объектом настоящего исследования являются падежи коми языка, традиционно называемые местными, локальными или пространственными. В центре внимания находятся исторически первичные пространственные значения¹ этих падежей, как примарные, основные и наиболее частые функции, так и второстепенные, редкие и даже единичные употребления в различных контекстах. Рассмотрение непространственных функций, например выражение местными падежами темпорального значения, различных предметных связей и др., несмотря на их осмысление по моделям пространственных значений и в пространственных терминах, в работе ограничивается простым перечислением. Такой выбор обусловлен особой ролью пространственных значений в семантической эволюции маркеров местных падежей, результатом которой является падежная полисемия, предполагаемой примарностью пространства в отношении других областей, а также ограниченным объемом диссертационной работы.

Под пространственными функциями падежей понимается обозначение ими физического положения, действия или движения траектора² относительно пространственного ориентира. Т. е. фигуранты отношений, как правило, являются предметами или явлениями реального материального мира и наблюдаемы зрительно. При этом действия и движения могут быть фиктивными и производиться ментально. В подобных случаях пространственный компонент метафоризован, но, тем не менее, ясно присутствует. Такие употребления располагаются на периферии спектра пространственных значений местных падежей.

Определенные ограничения касаются также морфологии местных падежей. А именно, объектом исследования являются исключительно употребления показателей местных падежей внутри именных словоформ.

¹ Термин *значение* в настоящей работе понимается широко и принципиального разграничения между понятиями *функция*, *значение* и *употребление* не делается. Цитируя Л. Витгенштейна (1994: 99), можно сказать, что «для большего класса случаев – хотя и не для всех, – где употребляется слово «значение», можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке». То же самое можно сказать и применительно к значению грамматических морфем.

² Термин в когнитивной лингвистике (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2 и пункт 2.4.2.5.3).

Другие средства выражения пространственных отношений, в морфологической структуре которых фигурируют маркеры местных падежей, например серийные послелогои или наречия, в настоящей работе не рассматриваются в качестве прямого объекта исследования. В силу объема и специфики темы системы послелогов и пр. должны быть исследованы отдельно. Тем не менее, в работе они получают некоторое освещение в качестве функциональных соответствий местных падежей.

Функционирование местных падежей в современных диалектах коми языка также должно стать предметом специального исследования. Настоящая же работа ограничивается, в основном, рассмотрением падежей литературного языка. Диалектные особенности некоторых падежей, тем не менее, рассматриваются, но исключительно в случае, если они представляют интерес в функциональном плане или каким-то иным образом резко отличаются от литературной нормы. При этом их включение в работу несет дополнительный, сравнительный характер, не представляя собой исчерпывающего анализа.

Происхождение и развитие рассматриваемых падежей не является прямым объектом исследования, поэтому соответствующие главы в работе несут, скорее, ознакомительный характер, не претендуя на полноту описания. Тесно связанный с проблематикой генезиса падежей вопрос структурного состава падежных маркеров современного коми языка также является второстепенным в настоящем исследовании. Тем не менее, где это действительно необходимо с точки зрения семантики, структурной характеристике падежей уделено более пристальное внимание. Последнее утверждение не касается фонетических различий или алломорфов одного и того же падежа, имеющих место быть в различных диалектах коми языка.

Коротко говоря, работу можно охарактеризовать как **когнитивный анализ выражения пространственных отношений местными падежами в именных словоформах литературного коми языка.**

1.2. Новизна и актуальность темы

Научная новизна исследования, безусловно, состоит в используемом научном подходе. Методы возникшей во второй половине 1970-х годов так называемой когнитивной лингвистики до настоящего времени недостаточно применялись в коми языкознании вообще и в рассмотрении категории падежей в частности.

Данное направление дает возможность пересмотреть известные сведения и научные решения при помощи новых методов, описать и объяснить вопросы сущности категории падежей и ее семантической структуры с иных теоретических позиций. Когнитивная парадигма предлагает иные методы верификации результатов научного исследования.

Актуальность темы видится несомненной на фоне того, что большинство работ по семантике падежей, как правило, ограничивается простым перечислением их значений (Некрасова 2011: 42). Нет сомнения в том, что выделение и классификация основных и специфических падежных значений, рассмотрение взаимосвязей как между отдельными значениями одного падежа, так и между разными падежами и т. п. станет центральной темой еще не одного исследования.

Настоящая работа является первым опытом изучения пространственной семантики местных падежей коми языка в когнитивном ключе.

В силу отличного от традиционного аспекта рассмотрения падежей коми языка с привлечением новых методов анализа в материале диссертации могут содержаться дискуссионные вопросы, связанные с пересмотром существующих взглядов и представлений. Возникающие в связи с этим противоречивые ситуации, возможно, отчасти обусловлены еще недостаточно развитой формой новых знаний и поэтому требуют своего разрешения в будущем.

1.3. Цели и задачи исследования

Актуальность выбранной темы и новизна научного подхода определили цель и задачи данной работы.

Целью исследования является описание и когнитивный анализ пространственных значений местных падежей коми языка. Цель работы состоит не в критике и тем более не в опровержении уже имеющихся выводов и решений по падежной семантике, но в предложении и представлении новых решений и трактовок.

Пространственная семантика рассматривается через призму когнитивного подхода посредством использования понятийной аппаратуры когнитивной лингвистики. В этом плане интересны не только различные возможности употребления падежей, но и способы представления носителями коми языка окружающей действительности, т. е. как они думают, используя тот или иной падеж в том или ином значении.

Обозначенная цель работы предполагает решение следующих основных задач:

- Классификация местных падежей коми языка;
- Изображение внутренней организации семантики местных падежей в виде матрицы когнитивных областей;
- Представление употребления местных падежей в различных пространственных функциях;
- Рассмотрение пространственных значений по принципу центр–периферия и описание взаимосвязей между наиболее прототипическими и периферийными употреблениями;

- Анализ наиболее специфических пространственных значений с точки зрения их принадлежности к категории.

1.4. Методика исследования

Теоретической и методологической основой работы послужили труды по когнитивной лингвистике, рассматривающей язык в неразрывной связи с другими когнитивными способностями человека, его знаниями об окружающем мире, опытом и т. д. с привлечением эмпирических данных других дисциплин (Скребцова 2000: 6–7; Ченки 2006: 340; Broccias 2006: 108–109).

В потенциале когнитивной лингвистики как отдельного направления исследования языка сомневаться не приходится. О результативности методов, применяемых в когнитивной лингвистике, свидетельствует множество работ по разным языковым явлениям в различных языках мира (см., например, Janda 1993 и др.), в том числе родственных коми языку (см., например, Trigel 2001; Trigel 2003; Veismann 2009 и др.), в том числе по падежам (см., например, Leino 1989: 161–219; Leino 1990: 12–58; Onikki-Rantajääskö 2001; Vainik 1995 и др.).

Работа опирается также на авторитетные исследования в области падежной семантики коми и других языков.

Анализ пространственной семантики местных падежей коми языка проводится во многом посредством интроспекции, опираясь на языковую компетенцию, знания и опыт автора как носителя коми языка.

1.5. Источники и материал

Все случаи использования падежей, подвергаемые анализу, взяты из письменных источников. Условно материал можно разделить на две части. С одной стороны, источниками послужили различные произведения художественной литературы, газетные и журнальные статьи, некоторые научные тексты (см. ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ). С другой стороны, в качестве материала для анализа использованы, так сказать, «готовые» примеры употребления падежей из различных словарей, грамматик и лингвистических исследований по коми языку (см. БИБЛИОГРАФИЯ). Но и «готовые» примеры авторами соответствующих работ взяты, в свою очередь, также в художественных, фольклорных, публицистических и пр. текстах. Так или иначе, я думаю, что для данной работы годны любые источники, поскольку достижение обозначенной цели – пересмотрение известных сведений и научных решений (см. 1.3) – при помощи новых методов (см. 1.4) не предполагает обязательного представления и использования в качестве эмпирической основы исследования совершенно нового материала.

Критериями отбора материала для исследования послужили ограничения и принципы, обозначенные в пункте 1.1. В остальном, цель работы предполагает в качестве объекта рассмотрения различные употребления местных падежей во всевозможных контекстах. Объем контекста в примерах употребления падежей, представленных в работе, варьируется, но в каждом конкретном случае соблюдается принцип его достаточности для правильного понимания значения падежной формы. В соответствии с этим же принципом в отдельных примерах возможны некоторые сокращения (на это указывает значок <...>), но без влияния на семантическое содержание падежного употребления.

Каждый пример падежного употребления на коми языке вместе с контекстом представлен в отдельной строке в курсиве и пронумерован. Слово или конструкция в форме рассматриваемого падежа выделена из остального текста жирным шрифтом. В переводе на русский язык соответствующие формы или конструкции подчеркнуты. Переводы примеров также даны в отдельной строке.

Отдельные грамматические формы на коми языке даны прямо в тексте, без вынесения в отдельную строку и/или без нумерации. Это, как правило, бесконтекстные словоформы, члены парадигм и пр., не являющиеся основными эмпирическими данными, а составляющие вспомогательный материал для сравнения и лучшего понимания анализа.

Полное поморфемное членение и глоссирование примеров в работе не приводится. В целях лучшего визуального восприятия материала суффиксы соответствующих падежей отделены от остального слова черточкой: *джодж-ын* 'на полу'. В дополнение к морфемному членению непосредственно за словоформой в круглых скобках представлено глоссирование грамматических показателей: *пельпом-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG). В случае кумулятивного выражения в одном маркере вместе с падежной формой другой грамматической категории, в глоссах между обозначениями грамматических показателей ставится точка: *чужӧм-ас* (INESS.POSS3SG).

Примеры представлены в орфографии источника. Изменения касаются лишь выделения словоформ в тексте в соответствии с вышеуказанными принципами представления материала в работе. Одинаковое выделение форм применяется как в случае оригинального материала, так и в случае примеров из предыдущих грамматических работ.

Разные местные падежи имеют в коми языке разную частотность использования, одни фигурируют в текстах в разы чаще, чем другие. Более того, некоторые падежные формы в силу своей специфичности встречаются крайне редко. К сожалению, соответствующие масштабные исследования на основе объемных текстовых корпусов, за исключением некоторых попыток представления числовых характеристик отдельных серийных падежей, отсутствуют. Вопросы статистики падежей в настоящей работе детально не рассматриваются. Тем не менее, некоторые тенденции, наблюдаемые в частотности местных падежей коми языка, получают в

работе предварительное освещение (см. 3.1.2). В плане анализируемого материала в рамках данной работы важно, скорее, то, чтобы выражение местными падежами пространственных отношений было представлено по возможности полным спектром различных падежных употреблений. Поэтому выводы и обобщения будут касаться не статистики, а исключительно содержательной стороны использования падежей.

1.6. Основные положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Методы когнитивной лингвистики вполне применимы к описанию падежной системы коми языка;
- Когнитивный подход к описанию полисемии позволяет гибко рассматривать принадлежность наиболее специфических употреблений местных падежей к категории;
- Инструментарий когнитивной грамматики делает возможным наглядно и обозримо представить падежные значения и их взаимосвязи;
- Семантика местных падежей коми языка имеет внутреннюю организацию в виде матрицы когнитивных областей;
- Понимание и интерпретация отдельных падежных употреблений во многом зависит не только от вербального контекста языковой единицы, но и от многих других факторов, в том числе экстралингвистических.

1.7. Структура и содержание исследования

Диссертация состоит из предисловия, вводной, теоретической и аналитической частей, заключения, списка сокращений, списка источников примеров и использованной литературы, а также двух приложений.

В первой вводной части кратко определяется объект исследования, обосновывается актуальность темы, раскрывается новизна работы, излагаются цели, задачи и методы исследования, характеризуются источники и материал, послужившие для него основой. В заключении введения обозначены основные положения, выносимые на защиту, и дано краткое содержание диссертации.

Во второй части диссертационной работы представлены теоретические основы исследования. В первой главе этой части разъясняются основные понятия и термины. Вторая глава посвящена типологии и классификации местных падежей, а также краткой характеристике падежей в финно-угорских языках. В третьей главе второй части представлена краткая история изучения местных падежей коми языка. В четвертой главе говорится о когнитивном подходе в языкознании, в частности, представляются основ-

ные принципы и содержание когнитивной лингвистики, объясняются ключевые моменты в когнитивной грамматике Р. Лангакера, описывается подход когнитивистики к объяснению явления полисемии.

Третья часть работы посвящена анализу пространственной семантики местных падежей коми языка. В первых главах третьей части представлена классификация местных падежей коми языка, а также внутренняя организация в виде матрицы наиболее частых когнитивных областей. Последующие главы содержат представление выражения пространственных отношений местными падежами в когнитивном ключе, т. е. исходя из принципов когнитивной лингвистики и используя ее понятийную аппаратуру и инструментарий. В этих главах приведен иллюстративный материал по употреблению падежей и дана интерпретация конкретных примеров. Третью часть завершает глава о функциональных параллелях местных падежей коми языка в виде послелогов и послеложных формантов.

В заключение работы приведена общая характеристика работы, основные выводы и обобщения по исследованию, оценка решения поставленных задач и наиболее значимые результаты.

В приложениях в качестве дополнительного, справочного материала представлены списки наиболее важных терминов по падежной семантике и когнитивной лингвистике.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследователями падежей в разное время предлагались разные методы описания сущности категории падежа и его семантической структуры. Различия между ними видятся, прежде всего, в понимании природы падежного значения. Можно выделить четыре основных концепции (подробнее см. Некрасова 2002: 25–27):

- 1) **Парадигматический** (или морфологический) **подход**, в основе которого лежит анализ падежной семантики с точки зрения структурных оппозиций падежей. Подход характеризуется принципом «одна падежная форма – одно значение».
- 2) **Синтагматический** (или синтаксический) **подход**, в основе которого лежит принцип первичности синтаксических функций относительно морфолого-семантических. С точки зрения этого подхода, сами падежные формы не имеют семантики, их значение выводится из общей семантики синтагмы.
- 3) **Логико-семантический подход**, представляющий собой теорию чистого падежного значения в отрыве от формы. В рамках этого подхода выделяются «глубинные» или семантические падежи (семантические роли), количество которых в работах разных исследователей варьируется.
- 4) **Системно-функциональный подход**, в основе которого лежит принцип взаимодействия и взаимообусловленности значений грамматической формы и контекста. Этим подходом признается обусловленность развития языковых единиц от коммуникативных функций.

В настоящем исследовании применяется принципиально новый в коми языкознании подход к рассмотрению падежной семантики. В рамках когнитивного подхода, широко используемого в мировой лингвистике, предлагается анализ семантики местных падежей коми языка с применением понятийной аппаратуры и инструментария когнитивной лингвистики.

2.1. Основные понятия и термины

2.1.1. Языки

Под обозначенным в названии работы **коми** языком понимается **зырянское наречие** (вариант/группа диалектов) коми языка. В целях различения от коми-пермяцкого наречия в литературе он может также называться **коми-зырянским языком**.³

³ Помимо этих двух, в качестве третьего наречия коми языка можно назвать несколько обособленный исчезающий коми-язвинский диалект, зачастую относимый к коми-пермяцкому наречию, но отличающийся как от первого, так и второго (КЯД 3).

Настоящая работа основана на коми-зырянском языковом материале.

На сегодняшний день коми-зырянский и коми-пермяцкий варианты имеют нормированную литературную форму и в большинстве случаев называются близкородственными, однако самостоятельными коми(-зырянским) и коми-пермяцким языками. Обоснованность такого дифференцирования и вопросы таксономии в настоящей работе не рассматриваются.

Термин *коми* в данном исследовании синонимичен термину *коми-зырянский*. *Коми* используется в качестве основного, *коми-зырянский* употребляется лишь в случае необходимости разграничения собственно коми-зырянского от коми-пермяцкого.

2.1.2. Падежная терминология

В русском языке термин *падеж* образован от глагола *падать*, как и в ряде других языков (например, *Fall* в немецком), и является калькой от латинского *cāsus* ‘падение’, что в свою очередь калькирует греческое *ptōsis*, производное также от глагола со значением ‘падать’ (Blake 2004: 18; Haspelmath 2009: 506). Первоначально термин относился как к именам, так и глаголам и указывал на отклонение (отпадение) от принятой стандартной формы (Blake 2004: 18).

Подобная же калька – *у́сан* от глагола *устьны* ‘падать’ – еще в XIX в. была создана Г. С. Лыткиным (Г. С. Лыткин 1884) для обозначения падежа в коми языке. Аналогичное обозначение – *усӧм* – использовалось и несколько позднее (см., например, Разманов 1930), однако широкого распространения не получило. В современном коми языкознании в качестве термина для обозначения понятия падежа официально используется нововведение *вешлӧг*, образованное от глагольного корня со значением ‘менять, изменять’. Этот неологизм призван заменить русское заимствование *падеж*.

Большинство латинских названий местных падежей образовано путем комбинирования различных предлогов с основой *lātivus* (корень *lāt* образует причастие совершенного вида от *fero* ‘нести’), к примеру, так образован *аблатив* (*ablātivus* < *ab* ‘от, из, с’ + *lātivus*), либо с основой *essivus* от *esse* ‘быть’ (Blake 2004: 152). Используемые в качестве префиксальных элементов предлоги (см., например, Blake 2004: 153; Creissels 2009: 617) указывают на конкретный тип пространства, например *суперессив* указывает на локализацию на поверхности объекта, а элемент *ин-* в названиях *инессив* и *иллатив* – на нахождение внутри и движение вовнутрь объекта соответственно (подробнее см. 2.2.1.1).

Как и в других областях грамматики, падежная терминология понимается не всегда однозначно. Различия наблюдаются как в номинации падежных групп, так и отдельных падежей. С одной стороны, в одни и те же термины специалисты разных школ, разного происхождения, окружения и пр. вкладывают несколько разное и даже радикально отличающееся

содержание, с другой стороны, лингвисты используют разные термины для очень схожих и даже идентичных понятий. (Haspelmath 2006: 505)

Коми лингвистическая терминология, как и терминологическая база финно-угорского языкознания вообще, формировалась параллельно на базе латинского и русского языков, а в более поздний период еще и на базе собственного языкового материала (Некрасова 2009b: 100). В конечном итоге, это привело к сосуществованию нескольких терминологических систем, что нашло выражение в терминологической синонимии и полисемии. Возможно, именно падежная терминология может служить наиболее ярким примером такого положения дел.

В падежной терминологии русскому названию некоторых падежей может соответствовать несколько латинских терминов, например, *местный* падеж может называться *инессивом* и *локативом* (ОФУЯ 1976). И наоборот, латинскому названию может соответствовать несколько русских терминов, например *иллатив* в литературе по различным финно-угорским языкам может называться *вступительным* (например, Бубрих 1949), *входным* (например, ГСУЯ 1962) или *вносительным* (например, ОФУЯ 1976). (Некрасова 2009: 101–102)

Такая ситуация характерна, скорее, для терминосистемы целой группы родственных языков, но есть исключения и в рамках отдельных языков, например *достигательный* падеж в разных работах по коми языкознанию назывался *каузативом* (например, Бубрих 1949), *конзекутивом* (например, ОФУЯ 1976), *консекутивом* (например, Федюнова 1998). Терминологическая полисемия и синонимия объясняется разными причинами (подробнее см. Некрасова 2009: 101–102).

Номинация падежей, как и любых других языковых явлений, как правило, отражает их семантику. Некоторые падежи имеют одно единственное значение и в этом случае их названия идеально отражают их содержание, например *преклюзив* (*сравнительный* падеж) с маркером *-ся* в коми языке. Иногда падежи имеют два основных значения и в подобных случаях им могут даваться двойные названия (Плунгян 2003: 172), например *каузалис-финалис* (*причинно-целевой* падеж) в венгерском языке (Майтинская 1979). Это наименее двусмысленный, но наиболее громоздкий способ номинации (Плунгян 2003: 172).

Зачастую падежи имеют целый ряд значений, являясь полисемичными. Для более точного отражения значений подобных падежей в их названиях могут также использоваться составные термины, что достаточно распространено в литературе (Haspelmath 2009: 511). Действительной необходимости в составных терминах нет, поскольку весь спектр использования не может содержаться в названии, а так или иначе должен быть описан отдельно, и описательные многосоставные названия просто-напросто непрактичны (Haspelmath 2009: 511). В подобных случаях выход видится в предпочтении одной, наиболее центральной функции падежа для его названия (Плунгян 2003: 172). Типологически корректное название

опирается на основное значение (Плунгян 2003: 171), необязательно являющееся первичной функцией падежа.

Двойные названия используются также для обозначения падежных маркеров позднего происхождения, образованных путем сложения двух других падежных суффиксов. В этом случае название нового падежа обычно состоит из названий его составляющих, например, *приблизительно-местные* падежи в коми языке *аппроксиматив-иллатив*, *аппроксиматив-инессив* и т. д. (Некрасова 2009: 105–106)

Также при номинации падежей могут использоваться сложные прилагательные, нумерация и словосочетания (Некрасова 2009: 106–107), например удмуртские падежи, образованные от послелогов с основой *дин'*, разными исследователями называются семантически эквивалентными терминами: *приблизительный инессив* = *приблизительно-местный* = *жилицно-местный* = *инессив II* и т. д. (Некрасова 2009: 103).

Обилие названий падежей, существующее в описаниях падежных систем, затрудняет использование таких работ в ходе типологических исследований (Строева 2012: 174). Скорый консенсус в отношении многих терминов маловероятен, терминологическую полисемию трудно ликвидировать в одночасье (Haspelmath 2009: 505). Поэтому во избежание криво толков в конце работы в качестве приложения (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1) представлены наиболее важные термины в том значении, в котором они используются в настоящем исследовании.

2.1.3. Когнитивная терминология

Развитие лингвистики в рамках когнитивной науки в последние десятилетия XX века означало проникновение в нее массы новых терминов. Термины приходили из разных наук, поэтому их понимание напрямую зависит от науки-источника и от того, насколько специальный характер он имеет (Кубрякова и др. 1997: 8).

В силу типичных для междисциплинарных исследований различий в теоретических взглядах разных авторов и относительной новизны когнитивной парадигмы, с еще не устоявшейся окончательно терминологией когнитивной лингвистики имеются некоторые сложности. В понимании едва ли не каждого ключевого понятия существуют значительные разночтения (Кубрякова и др. 1997: 9). Даже термин *когнитивный* учеными понимается по-разному (Кондратьева 2008: I: 140). По причине отсутствия единого понимания этого термина, из-за некоторой его расплывчатости и неясности (подробнее см. Кубрякова 2001) многие «когнитивные» исследования не являются таковыми, а «кто-то просто использует научную фразеологию этого направления» в силу ее модности (Плунгян & Рахилина 1994: 117; см. также Попова & Стернин 2007: 17). С другой стороны, во многих работах, не называемых когнитивными, выполняются именно когнитивные задачи (Рябцева 2000: 178–189).

Различия в терминологических базах имеют не только языковой характер (англизированная и русскоязычная терминология), но и разными когнитивными школами зачастую используется разная терминологическая аппаратура. В целях разрешения сложившейся ситуации и демонстрации общности многих моментов различных направлений предпринимались попытки если не унифицировать, то хотя бы сопоставить термины, выявить сходства и различия разных терминологий. В качестве примеров разработки русскоязычной когнитивной терминологии можно назвать «*Краткий словарь когнитивных терминов*» (Кубрякова и др. 1997), «перевод» основных терминов когнитивной парадигмы на язык Московской семантической школы в статье Е. В. Рахилиной (2000с: 3–15), контрастивное описание теории когнитивной метафоры и теории регулярной многозначности в одном из разделов монографии А. П. Чудинова (2001: 28–37) и т. д.

В конце работы в качестве приложения (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2) представлен краткий список ключевых когнитивных терминов, используемых в настоящей работе, и дано их краткое объяснение. Более детальное содержание отдельных терминов излагается в теоретической части исследования.

2.2. Падеж

Падеж есть 1) словоизменительная категория, обозначающая отношение слова к другому слову или целому высказыванию, а также 2) отдельный представитель этой категории (Некрасова 1998: 336; Blake 2004: 1, 197).

Количество падежей и устройство падежных систем в разных языках и группах языков значительно варьируется в зависимости от типа языков. В языках индоевропейской группы количество падежей относительно невелико: во французском языке – один, в английском и шведском – по 2, в немецком – 4, в русском – 6, в литовском и польском – по 7 падежей (Nakulinen 1979: 98). Зато эти языки имеют развитую систему префиксов (Alvre 1987: 55). Число 2 можно считать теоретическим минимумом, тогда как теоретического максимума для числа падежей не существует (Мельчук 1998: 334).

Меньшее количество падежей в современных индоевропейских языках относительно их количества в предполагаемом индоевропейском языке-основе (7 падежей) говорит о том, что в этих языках преобладала тенденция к уменьшению числа падежей. В финно-угорских языках доминировала противоположная тенденция, что привело к образованию исключительно развитых падежных систем в языках этой группы (см. 2.2.2).

2.2.1. Типы падежей

Традиционно падежам приписывается множество функций или значений (Blake 2004: 29). Говорить о четкой ясности в разделении функций, как правило, не приходится. В одних случаях классификация основывается на синтаксических характеристиках падежей, в других – на их семантических свойствах, а при отсутствии явных критериев разделения – просто на интуиции исследователя, и для определенных систем разными авторами придумываются разные классификации. (Blake 2004: 30)

Так или иначе, функционально падежи могут быть разделены на прямой (*direct*) – именительный падеж – и косвенные (*oblique*), т. е. все остальные. Кроме того, разными авторами в разное время для разных языков предлагались и другие варианты разделения. С точки зрения содержания с некоторой долей условности зачастую делается разделение, так сказать, на более абстрактные (или преимущественно синтаксические), выражающие различные субъектные и объектные отношения, и более конкретные (или преимущественно семантические), выражающие различного рода специфические семантические отношения. Для номинации этих двух групп падежей используются различные пары терминов, например, Мартин Хаспельмат (Haspelmath 2009: 508) со ссылкой на работы предшественников перечисляет следующие:

<i>грамматические (grammatical)</i>	<i>семантические (semantic)</i>	(Blake 2004: 31)
<i>относительные (relational)</i>	<i>обстоятельственные (adverbial)</i>	(Bergsland 1997: 54, 74–75)
<i>грамматические</i>	<i>конкретные (concrete)</i>	(Jespersen 1924: 185)
<i>центральные (core)</i>	<i>периферийные (peripheral)</i>	(Blake 2004: 32)
<i>абстрактные (abstract)</i>	<i>конкретные</i>	(Lyons 1968: 295; Лайонз 1978: 312)

Собственно говоря, основа для такой классификации во всех случаях кажется схожей (Haspelmath 2009: 508): к первому типу относятся падежи, накладываемые глаголом на аргументы, а в форме падежей второго типа стоят обстоятельственные слова с наречной функцией (*adjunct*). Такое противопоставление не является жестким, граница между ними достаточно условна, к тому же существует переходная зона, поэтому во многих случаях целесообразно говорить, скорее, о синтаксических и семантических употреблениях падежей, а не о характере самих падежей (Мельчук 1998: 327–328).

2.2.1.1. Классификация местных падежей

Местные падежи, относящиеся к группе конкретных падежей, получили свое название благодаря своим основным функциям – выражению пространственных отношений. Пространственные отношения в наиболее общем смысле понимаются как «соположение в пространстве какого-либо

предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира» (Всеволодова & Владимирский 1982: 6).

Среди десятков параметров дифференциации средств выражения пространственных отношений в отдельных языках основными обычно считаются **локализация**⁴ и **ориентация**⁵ (Князев 1999: 182). По характеру пространственной ориентации и локализации местные падежи могут проявлять спецификацию внутри своей группы.

2.2.1.1.1. Ориентация

По типу **ориентации** (локативной роли), т. е. характеру направления развёртывания события относительно ориентира (Мельчук 1998: 58), как правило, местные падежи делятся на четыре основные группы: обозначение 1) **местонахождения**, 2) **исходного** (удаление) и 3) **конечного** (приближение) **пунктов** и 4) **маршрута** (Плунгян 2002: 65).

В языках с флективной падежной системой используется, по меньшей мере, два местных падежа, например два падежа для выражения местонахождения и источника имеется в индоевропейских языках. Цель отдельным падежом выражается во многих уральских языках, и лишь падеж для выражения маршрута (пути) встречается не так часто. (Blake 2004: 151)

Помимо исходного и конечного пункта, движение может быть ориентировано и по 5) **исходному** и 6) **конечному направлению**, при этом крайние пункты движения не обязательно известны (Плунгян 2002: 70–71). В различных языках мира отдельным падежом может выражаться также 7) **весь путь с достижением конечного пункта** (подробнее см. Haspelmath 2009: 515–516). Эти особые средства выражения ориентации зачастую относят к локативным ролям обозначения исходного (источник) и конечного (цель) пунктов (см., например, Кондратьева 2011: 148–149).

Таким образом, наиболее богатая система насчитывает семь ориентаций (Мельчук 1998: 58–59). При номинации падежей, выражающих локативные роли, так сказать, в чистом виде (без обязательного указания на локализацию), в разных языках используются различные синонимичные термины (см., например, Мельчук 1998: 58–59, 336–337; Плунгян 2002: 66; Плунгян 2003: 171, 177; Haspelmath 2009: 515):

⁴ В Blake 2004: 151 или Haspelmath 2009: 515 именуется (*относительной*) *ориентацией* – (*relative*) *orientation*.

⁵ В Усачёва 2012a и 2012b называется *типом движения*, в Haspelmath 2009: 515–516 именуется *направлением* – *direction*.

1) 'МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ'	<i>эссив, локатив</i>
2) 'ИСХОДНЫЙ ПУНКТ'	<i>элатив, аблатив</i>
3) 'КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ'	<i>латив, аллатив, директив</i>
4) 'МАРШРУТ'	<i>пролатив, транслатив, перлатив, просекутив, медиатив</i>
5) 'НАПРАВЛЕНИЕ ОТ'	<i>рецессив</i>
6) 'НАПРАВЛЕНИЕ К'	<i>аппроксиматив, ориентатив, директив, адверсив, версатив</i>
7) 'ПУТЬ С ДОСТИЖЕНИЕМ ЦЕЛИ'	<i>терминатив, лимитатив</i>

Каждый из семи указанных типов ориентации находит морфологическое выражение в системе местных падежей коми языка (см. 3.1.1).

2.2.1.1.2. Локализация

Локализация (тип пространства) конкретизирует пространственную ориентацию объекта относительно ориентира в терминах геометрической конфигурации (Мельчук 1998: 52; Плунгян 2003: 175). Термин *локализация* не является общеупотребительным, а сама категория почти никогда не функционирует в качестве автономной, будучи тесно связанной с адлогами и семантическими падежами (Мельчук 1998: 332).

Собственно говоря, локализация есть «указание на положение определенного участка пространства относительно определенного ориентира» (Плунгян 2002: 66). Пространство вокруг ориентира делится на так называемые *топологические зоны* (в англоязычной литературе – *region*, см., например, Svoigou 1994), как раз составляющие значения локализации (Плунгян 2002: 66; см. также рис. П-5 в Мельчук 1998: 53). Прежде всего происходит деление на внутреннюю и внешнюю зоны, затем на переднюю, заднюю, боковую, верхнюю и нижнюю части и т. д. Инвентарь локализации очень сильно различается по языкам (Мельчук 1998: 53; Плунгян 2003: 175).

В системах местных падежей финно-угорских языков наиболее часто маркируется внутреннее пространство и поверхность. Примером первого служат т. н. внутриместные падежи, а указание на поверхность находит выражение в т. н. поверхностно-местных падежах. Также местные падежи могут содержать указание на локализацию рядом с ориентиром.

В дагестанских языках, характеризующихся особенно разнообразной системой обозначения локализации, помимо маркеров внутреннего пространства и поверхности имеется еще множество показателей локализации. Например, маркировка 'на верхней горизонтальной поверхности' может контрастировать с маркировкой 'на боковой вертикальной поверхности'. Также различные показатели, варьирующиеся от языка к языку, могут содержать указание на локализацию 'перед', 'за', 'около', 'под' и др. Подробнее см. Алексеев & Атаев 1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1970: 110–156; Мельчук 1998: 53–55; Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516.

В работах по типологии маркеры локализации обычно обозначаются латинскими предлогами. Выбор определенных предлогов для обозначения локализаций у разных исследователей может не совпадать (ср. Алексеев & Атаев 1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1977: 51–58; Мельчук 1998: 53–55, 336–337; Плунгян 2002: 67–68; Плунгян 2003: 176; Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516, а также рис. II-5 в Мельчук 1998: 53). Ниже представлен основной набор топологических зон, предложенный В. А. Плунгяном в работе о глагольной ориентации (см. Плунгян 2002: 67–68):

Внешние локализации		Внутренние и контактные локализации	
APUD	‘возле’	IN	‘в(нутри)’
ULTRA	‘далеко от’	INTER	‘между/среди’
CIRCUM	‘вокруг’	PART	‘периферийная часть’
SUPER	‘над’	AD	‘поверхность’
SUB	‘под’	SUPER-C	‘верхняя поверхность’
ANTE	‘перед’	SUB-C	‘нижняя поверхность’
POST	‘за’	LAT-C	‘боковая поверхность’
LAT	‘сбоку (не перед и не за)’		

Языки мира делят пространство по-разному, с разной степенью детальности, используя разные параметры. Поэтому представленный список не является исчерпывающим.

Применительно к пермским языкам можно выделить еще одну локализацию, отсутствующую в списке В. А. Плунгяна – DOMUS в значении ‘место жительства’. Термин используется здесь вслед за М. Н. Усачёвой (2012а), заимствовавшей его в свою очередь из работы А. Д. Великорецкого (2002). Данная локализация обозначает место проживания определенного коллектива людей, как правило, семьи. Использование локализации DOMUS имеет некоторые ограничения и актуализируется лишь с определенными грамматическими формами ориентиров (см. 3.2.4, 3.3.2.4, 3.7.1.3). Однако его введение видится целесообразным.

Предлоги, обозначающие локализацию, присутствуют в качестве префиксальных элементов также в наименованиях соответствующих местных падежей в различных языках мира, например: *инессив* и *адессив* в эстонском языке, *субессив* в табасаранском языке, *антеэлатив*, *контэлатив* и *интерэссив* в агульском языке, *постэссив* в лезгинском языке, *апуддиректив* в лакском языке и т. д.⁶ В менее развитых системах используются обобщенные названия падежей без указания на локализацию, например

⁶ Префиксальные обозначения одной и той же локализации в наименованиях местных падежей в разных языках не всегда совпадают, например падеж, обозначающий местонахождение на поверхности ориентира, в эстонском языке принято называть *адессивом* (см., например, EKG), а в венгерском языке – *суперессивом*, тогда как *адессивом* в венгерском языке называется падеж, обозначающий местонахождение рядом с ориентиром (см., например, Balogh et al. 2000).

локатив для всех эссивов, *аблатив* для всех элативов, *транслатив* для всех пролативов и т. д. (Мельчук 1998: 337).

Локализация в дагестанских языках некоторыми исследователями (Кибрик 1977: 51; см. также, например, Ганенков & Мерданова 2002) выделяется в самостоятельную словоизменительную категорию. Многочисленные пространственные формы в этих языках образуют серии, схожие с группами внутриместных и прочих серийных падежей в финно-угорских языках. Однако показатели этих «падежей» считаются комбинациями маркеров не одной, а двух различных категорий (Ганенков & Мерданова 2002: 127), в то время как собственно пространственными падежами являются лишь несколько маркеров, указывающих на ориентацию. Неотделимость пространственных падежей от категории локализации, тем не менее, признается (см. Кибрик 1977: 60). В финно-угроведении такие комбинации называются именно падежами.

2.2.1.1.3. Ориентация и локализация

В языках могут иметься, так сказать, «чистые» показатели ориентации⁷, «чистые» показатели локализации и смешанные ориентационно-локализационные показатели (Плунгян 2002: 64). Часто маркеры локализации и ориентации не могут выступать независимо друг от друга, и сочетаются, образуя составные значения местных падежей (Мельчук 1998: 53, 58, 332). Относительная многочисленность групп местных падежей в финно-угорских языках есть как раз результат комбинирования обозначения пространственной локализации и ориентации (Blake 2004: 152). В данной языковой семье встроенная локализация наиболее систематически проявляется в прибалтийско-финских и в венгерском языках. В них локализации IN и AD⁸ контрастируют в составе двух трехчленных серий внутриместных и внешнеместных падежей, а в венгерском языке в пространственных падежах дополнительно выражается локализация APUD. В итоге, в венгерском языке это дает девять различных местных падежей.

В большинстве падежных систем языков мира выражение локализации и ориентации происходит кумулятивно, т. е. слитно (Плунгян 2002: 71). Это касается и местных падежей финно-угорских языков (хотя зачастую морфемное членение достаточно легко осуществимо), за исключением относительно недавно сформировавшихся падежных показателей (Плунгян 2003: 171). Реже встречается агглютинативная система, когда выражение локализации и ориентации формально отделено друг от друга (Плунгян 2003: 171, 177). Агглютинативная структура наиболее последовательно представлена, например, в дагестанских языках (Плунгян 2002: 71),

⁷ В. А. Плунгян (2002) иногда использует термин *ориентив*.

⁸ Здесь и далее различные типы локализации именуются по классификации В. А. Плунгяна (см. 2.2.1.1.2).

в которых маркеры ориентации и локализации морфологически и семантически прозрачны (Blake 2004: 152). В финно-угорских языках агглютинативная локализационно-ориентационная система представлена в меньшей степени, однако, тем не менее, имеет место быть.

В северно-кавказских языках маркеры местных падежей характеризуются высокой способностью регулярно сочетаться с показателями локализации. Так, в аварском языке образуется целых пять серий пространственных падежей⁹ (см. Алексеев & Атаев 1997: 46–50). И это далеко не предел – например, в табасаранском языке семь маркеров локализации в комбинации с шестью ориентациями образуют 42 местных падежа (Мельчук 1998: 54), а в некоторых других языках путем комбинирования маркеров локализации, ориентации, а также дейктических различий продуцируется свыше ста пространственных форм имени (подробнее см. Haspelmath 2009: 516).

Локализация также может выражаться лексически с помощью многочисленных пространственных предлогов и послелогов (Плунгян 2003: 176). В коми, как и в других финно-угорских языках (см., например, Кондратьева 2011), параллельно с падежными формами используются богатые системы послелогов. В послеложных конструкциях последовательно представлены ориентации и всевозможные локализации, в т. ч. не маркируемые падежами. См. также 3.9.1.

2.2.1.1.4. Топологический тип ориентира

Каждому объекту в языковой картине мира соответствует определенный *топологический тип* – функционально значимый класс форм, среди которых выделяются *поверхности*, *контейнеры* и др. (Рахилина 2000а: 245). Между языковой и математической топологией может проводиться различие (Талми 1999а; Talmy 2000). Например, *пол* в языковой картине представляется не объемным, а, скорее, в виде плоской поверхности.

В разных языках падежные маркеры или прочие аффиксы ведут себя по отношению к топологическому типу ориентира по-разному. В одних случаях они могут быть нейтральными по отношению, например, к величине объекта, к закрытости (полностью ли замкнута поверхность контейнера), к разрывности (является ли поверхность сплошной), к материалу и т. д. В других случаях, топологический тип ориентира может повлиять на выбор конкретного показателя локализации. Т. е. в зависимости от таких свойств ориентира, как величина, форма, физическая природа и т. д. в языках могут использоваться различные маркеры.

⁹ Кстати, Михаил Алексеев и Борис Атаев (1997: 47) называют их именно пространственными падежами, а не сочетанием показателей разных категорий: «Показатели пространственных падежей присоединяются к косвенной основе, осложненной показателем локализации (пространственной ориентации), образуя т. н. серии пространственных падежей».

В русском языке такая дифференциация усматривается в использовании предлогов *в* и *на* с различными типами ориентиров: например, *в переулке*, но *на улице* и т. д. (Плунгян 2002: 64–65). Также возможны случаи совмещения нескольких топологических типов в одном и том же ориентире, ср.: *в озере* (емкость) и *по озеру* (поверхность) (Рахилина 2000а: 245)¹⁰.

Во многих языках такая классифицирующая локализация используется намного более систематически, чем, например, в русском. К примеру, в некоторых дагестанских языках разными показателями производится маркирование ‘среди; внутри сплошной среды, совокупности’ и ‘внутри полого пространства’, важным является наличие/отсутствие верха–низа у ориентира и т. д. (подробнее см. Алексеев & Атаев 1997; Кибрик 1970 и др.), а в языке ацугеви различные морфемы со значением ‘в(нутрь)’ маркируют агрегатные состояния вещества ‘в твердую среду’, ‘в жидкость’, ‘в огонь’, ‘в пустое пространство (воздух)’ (Галми 1999а: 105).

2.2.2. Падежи в финно-угорских языках

Итак, для большинства языков, относящихся к финно-угорской группе, характерна многочисленность падежей. В силу различных критериев разграничения падежных форм от иных образований, количественные данные по падежам у разных авторов расходятся. В настоящей работе за основу взяты наиболее принятые точки зрения.

В литературном коми языке до недавнего времени традиционно выделялось 16 продуктивных падежей и 17 – в некоторых его (южных) диалектах (ССКЗД 466). На настоящий момент в литературном коми языке их число увеличено до 23 за счет диалектного преклюзива (сравнительного падежа) и целой серии т. н. приблизительно-местных падежей (см. ÖKK 59, 61, а также схему 10). В коми-пермяцком литературном языке выделяется 17, в диалектах их может быть до 28 также за счет приблизительно-местных, а также в связи с развитием внешнеместных падежей (Баталова 1982: 99–100). В литературном варианте близкородственного удмуртского языка 15 и в диалектах – от 12 до 21 падежа (Kel'makov & Saarinen 1994: 97). Вопрос о количестве падежей в венгерском языке разные авторы в разное время решали неодинаково (Колпакова & Галахова 1999: 4), единого мнения относительно количества падежей нет, однако большинство ученых называет цифру 17 (Bencédy et al. 1968: 200). Прибалтийско-финские языки также отличаются богатой падежной системой, например в эстонском и финском языках падежей по 14. В остальных финно-угорских языках их несколько меньше: в марийском языке – 13, в мокшанском – 11,

¹⁰ Лангакер называет такое явление *активными зонами* (*active zone*), являющимися частями трактора или ориентира, непосредственно участвующими в ситуации (Скребцова 2000: 132; Langacker 2008: 331–334).

в эрзянском – 10, в саамских – 8–9, в мансийском – 6 и в хантыйском – от 3 до 8 в зависимости от диалекта (Некрасова 2004: 5; Alvre 1987: 55; Nakulinen 1979: 97).

В отличие от индоевропейских, многим из финно-угорских языков исторически характерно увеличение количества падежей, что опровергает утверждение о развитии всех языков в сторону большей аналитичности (Nakulinen 1979: 98). Большая часть венгерских падежных суффиксов возникла в период самостоятельного развития венгерского языка (Hajdú 1966: 127), большинство падежей коми языка возникло лишь в общепермский период (ÖКК 60) и т. д. С другой стороны, можно отметить и обратную тенденцию в финно-угорских языках, например в ливском языке внешне-местные падежи используются редко; эссив отсутствует в большинстве эстонских диалектов, в вепском языке этот падеж по форме совпал с генитивом, а в ливском с дативом (Laanest 1975: 99, 105, 107).

Традиционно в уральский/финно-угорский праязык реконструируется 6–7 падежных маркеров:

по Hajdú 1981: 136:		по Alvre 1987: 54:	
Номинатив	∅	Номинатив	∅
Генитив	*-n	Генитив-инструменталис	*-n
Аккузатив	*-m	Аккузатив	*-m
Латив-датив I	*-j̥	Латив	*-k, *-n (*-j)
Латив-пролатив II	*-k		
Локатив I	*-na/*-nä	Локатив	*-na, *-nä (*-t, *-tt)
Локатив II	*-t		
Аблатив	*-ta/*-tä	Аблатив (сепаратив)	*-ta, *-tä

Суффиксы падежей в современных уральских языках зачастую содержат одинаковые компоненты, что объясняется многозначностью этих компонентов (т. н. первичных согласных). Причиной такой полисемии является то обстоятельство, что имевшихся/имеющихся согласных меньше, чем выражаемых ими функций (Pusztay 1987: 76). Нижеследующая схема иллюстрирует полисемию падежных маркеров, при которой разные суффиксы могли выразить одинаковое значение:

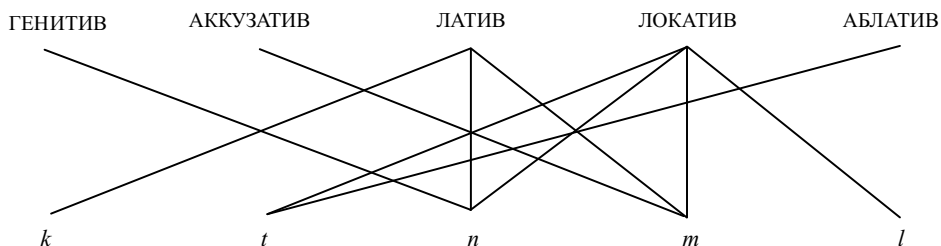

Схема 1. Падежные суффиксы и их функции в уральском языке-основе (по Pusztay 1987: 75)

Не всегда следы реконструируемых падежных суффиксов можно найти в современных языках. Так, в пермских и угорских языках нет следов генитива *-n* (Hajdú 1966: 118), или же, например, согласно Б. А. Серебренникову (1963: 77), в пермских языках нет следов древнего латива **-k¹¹*. Отсутствие в каком-либо конкретном языке явлений, реконструируемых в праязыке, традиционно объясняется их исчезновением в этом языке. Теория, основывающаяся на языковых контактах, дает иное объяснение отсутствию тех или иных явлений в отдельно взятых языках. Согласно этой теории, праязык являлся сочетанием разных языков и нынешние языки в этом случае – смешанного происхождения. Аго Кюннар считает (Künnap 1996: 510), что каждый уральский язык – также смесь языков. Поэтому не всегда имеется основание говорить об исчезновении ранних общих черт в том или ином языке, а дело может быть в том, что не для всех языков эти черты были характерны, т. е. их никогда и не было.

Маркеры разных падежей возникли в разное время. Под влиянием других языков и различных языковых процессов они могли менять свою форму и исчезать, но, как правило, не бесследно. Анатолий Юдакин в исследовании «Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков» (1997) делает попытку объяснить причину возникновения столь пестрой падежной системы в финно-угорских языках (в сопоставлении с другими группами языков). Сравнивая падежные системы разных языковых групп в диахронии, автор рассматривает эволюцию не одного какого-то падежа, а его развитие вместе с развитием других падежей. В своем анализе он говорит о смене падежных систем, а не отдельных падежей. Так, например, с его точки зрения (Юдакин 1997: 3), система с локативным **-n* сменяется системой с локативным **-t*, которая вытесняется затем системой с локативным **-s*, и, наконец, к последней подключается система с локативным **-l*. Изменения в падежной системе обусловлены затемнением или изменением семантики отдельных падежей (Юдакин 1997: 3–4).

Исследовав генезис прилагательных в кавказских языках, А. Юдакин приходит к выводу (1997: 11), что своими корнями прилагательные достигают местных падежей. Трансформация падежной системы, названная А. Юдакиным цикличностью языковых процессов, представляется им в виде несколько идеализированной схемы следующим образом (Юдакин 1997: 11–12). Местный падеж (локатив) дает начало абстрактным падежам генитиву и инструменталису, а генитив участвует в формировании имени прилагательного. Локатив формирует прилагательное со значением ‘находящийся (там-то)’, к существительному в местном падеже присоединяется десемантизированный атрибутивный показатель. Таким образом, один формант начинает входить в состав нескольких падежей и еще обозначать прилагательное. Во избежание омонимии в систему включается

¹¹ Согласно Alvre 1987: 71, они всё-таки имеются.

еще один местный падеж, но и его развитие происходит по схожему принципу.

Эту же методику А. Юдакин применяет к финно-угорским языкам. Для пермских языков он предлагает следующую схему развития локативов:

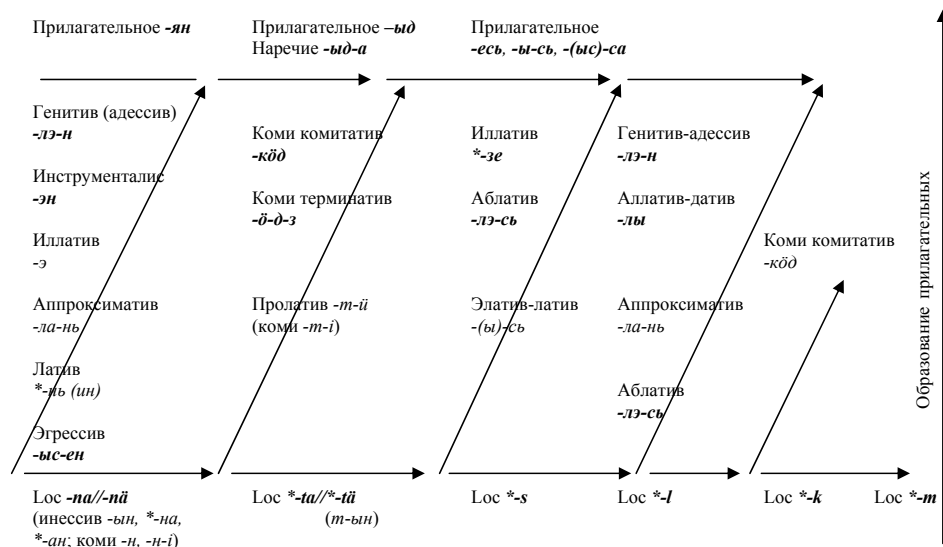

Схема 2. Система локативов в пермских языках (по Юдакин 1997: 167)

Нельзя также обойти без внимания точку зрения, противоположную традиционной, согласно которой, нет доказательств тому, что на раннем этапе развития уральских языков синтаксические взаимоотношения, соответствующие функциям падежей, выражались с помощью послелогов, впоследствии ставшими путем агглютинации падежными окончаниями. А именно, Вальтер Таули утверждает (Tauli 1966: 12–13), что вероятность такого предположения уменьшают, хотя и не исключают, следующие факты:

«<...> (1) послелогов в уральских языках главным образом имеют те же самые первичные и вторичные падежные суффиксы, как и в случае именного склонения, что указывает на то, что послелогов не древнее морфем, бытующих ныне в качестве падежных суффиксов:¹² (2) преобладающее большинство падежных суффиксов в уральских языках произошли не от послелогов путем агглютинации, а путем адаптации и секреции»¹³ (Tauli 1966: 12–13).

¹² Здесь В. Таули ссылается на Пааво Равилу (Ravila 1953: 45).

¹³ «<...> (1) the PPs of the U languages are mostly provided with the same primary and secondary case suffixes as occur in the declension of the noun, indicating that the PPs in general are not older than the morphemes which at present occur as case suffixes:² (2) the

В. Таули считает (Tauli 1966: 13), что мы не можем исходить из падежной системы некоего гипотетического праязыка, состоящей из пяти, шести или семи падежей, а лишь из ясно задокументированных падежей существующих языков.

Падежная система финно-угорских языков имеет долгую историю развития. С течением времени менялось количество падежей, их формы и значения. Новые падежные суффиксы появлялись путем 1) переосмысления элементов непадежного назначения, 2) агглютинации послелогов, 3) заимствования элементов из других языков, 4) слияния нескольких падежных формантов или иных элементов, 5) слияния падежного форманта с послелогом (наречием) (Майтинская 1979: 95). В современном развитии падежной системы в финно-угорских языках можно обозначить две противоположные тенденции: возникновение новых суффиксов и постепенное исчезновение старых (Некрасова 1987: 180).

2.3. История изучения местных падежей КОМИ ЯЗЫКА

Описанию местных падежей коми языка посвящено немало работ, охватывающих как современное состояние, так и историю развития падежей. Объем и характер настоящей работы не позволяет подробно охарактеризовать все исследования по этой теме. Впрочем, в этом нет необходимости. Но будет интересно и полезно ознакомиться с первыми описаниями коми падежей в грамматиках и прочих работах, охарактеризовать различные исследования по этой теме и взглянуть на современное состояние изучения коми падежей, чтобы получить представление о месте анализируемого материала в коми языке и его изученности.

2.3.1. Местные падежи коми языка в грамматиках XIX века

В XIX веке издается целый ряд грамматик коми языка.

Первая¹⁴ печатная грамматика коми языка была издана в 1813 г. под авторством **А. Флёрова**. В ней был представлен удорский диалект. Иван Куратов в рецензии¹⁵ на эту «**Зырянскую грамматику**» ее настоящим

great majority of the U case suffixes have not originated from PPs by way of agglutination, but by adaptation and secretion» (Tauli 1966: 12–13).

¹⁴ По свидетельству И. Куратова, еще раньше грамматическое описание коми языка было составлено его братом В. А. Куратовым (Тираспольский 2002: 94).

¹⁵ Была опубликована в № 43 «Вологодских губернских ведомостей» в 1864 г. (Куратов 1939: 134).

автором называет некоего **Филиппа Козлова**¹⁶, составившего свой небольшой рукописный труд еще в 1808 г., А. Флёрову же он приписывает лишь написание предисловия и двух параграфов (Куратов 1939: 120–121). И. Куратов подчеркивает бессмысленность данной грамматики с точки зрения коми языка, резко критикуя ее содержание:

«...автор ее что прежде всего открыл перед собою так это, вероятно, российскую Грамматику Ломоносова (1755 – Н. К.), потом переписал некоторые правила ее, перевел на зырянский язык некоторые примеры, приведенные в ней, дал своей копии другое название – и Зырянская Грамматика готова! Дешево и сердито» (Куратов 1939: 121).

Даже после беглого ознакомления с грамматикой А. Флёрова (или Ф. Козлова) приходится констатировать, что она не выдерживает критики. В нескольких строках одного из написанных А. Флёровым параграфов о наличии в коми языке трех грамматических родов (см. Флёров 1813: 8) автор успевает «показать все свое незнание зырянского языка» (Куратов 1939: 120–121). Что же касается падежной системы, то и описание склонения в коми языке, представленное автором в грамматике, также очень далеко от истины. Перечень падежей в рассматриваемом описании коми языка копирует латинскую падежную систему¹⁷ (Тираспольский 2002: 94): именительный, родительный, дательный, винительный, звательный и творительный (Флёров 1813: 9). В этом списке нет ни одного пространственного падежа. Суффиксы некоторых падежей названы предлогами и представлены вместе с послелогами в соответствующей главе (см. Флёров 1813: 36–37), причем сказано, что «на Зырянскомъ языкѣ предлогъ поставляется позади именъ...» (Флёров 1813: 36). Из маркеров местных падежей (в нашем понимании) в качестве «предлогов» названы инессив *ынъ*, иллатив *ӧ*, элатив *ысь* и терминатив *ӧть* (Флёров 1813: 37).

Еще до И. Куратова на подражание грамматики А. Флёрова русской грамматике указывал в своей работе «**Ueber den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische**» также **Андерс Йохан Шёгрэн** (Sjögren 1830: 151–152). В частности, предложенное автором «Зырянской грамматики» количество падежей в коми языке А. Шёгрэн

¹⁶ По словам Г. С. Лыткина (1884: II: I), данный труд «сочинил (семинаристъ-зырянинъ А. Шергинъ, но приписалъ себѣ) А. Флеровъ».

¹⁷ Такое копирование касается не только падежной системы, но и описания других грамматических явлений. Помимо типологически сходных или тождественных свойств латинского, греческого и коми языков, Г. И. Тираспольский (2002: 95) в качестве одной из языковых причин следования греко-латинской модели, в большей или меньшей степени свойственной и более поздним работам по грамматике, видит общую понятийную основу частей речи в языках мира, усвоенную и развитую еще в важнейшем грамматическом труде своего времени «Российской грамматике» М. Ломоносова. Ею, вероятно, руководствовался и Козлов, из-за чего, собственно, его и упрекал И. Куратов (1939: 121).

считает совершенно неверным, ибо их, по его мнению, должно быть не 6, а, по меньшей мере, 13 (Sjögren 1830: 154–155). В предложенной самим А. Шёгреном системе склонения (Sjögren 1830: 156) из падежных суффиксов с пространственным значением¹⁸ отсутствуют лишь *-лань*, *-ödз* и *-тi*. Названия некоторых падежей у А. Шёгрена отличаются от используемых в данной работе терминов, например эгрессив *-сянь* назван аблативом (Ablativus *-ssänj*), а пролатив *-öd* секутивом (Secutivus *-öd*) и т. д.

В грамматике Ханса Конона фон дер Габеленца «**Grundzüge der syrjänischen grammatik**» представлено также 13 падежей, среди них 6 падежей с пространственным значением (Gabelentz 1841: 8–10). Из падежных маркеров отсутствуют *-лань* и *-тi*, зато иллатив, пролатив и терминатив представлены двумя алломорфами. Форма пролатива у Габеленца названа транзитивом (Transitiv *öd, ed*), инессив имеет в качестве второго синонимичного названия локатив (Locativ *yn (n)*). Судя по приведенным автором примерам, выражение пространственных отношений не является примарным значением эгрессива, названного Габеленцом аблативом (Ablativ *sänj*).

В коми грамматике Матиаса Алексантери Кастрена «**Elementa grammatices syrjaenae**» (Castrén 1844), написанной на латинском языке на основе материалов по ижемскому диалекту коми языка, представлены все основные падежные суффиксы с пространственным значением, однако соотношение или не соотношение их к местным падежам отличается от принятой теперь категоризации. Интересно, например, что адессив и аблатив, не имеющие в современном коми языке пространственных функций, названы М. А. Кастреном пространственными аналогично таковым в финском языке, в котором они являются внешнеместными (Castrén 1844: 16, 20, 21). Пространственным назван также консекутив (Castrén 1844: 16, 22). И наоборот, эгрессив, по мнению М. А. Кастрена, не выражает пространственных отношений (Castrén 1844: 16, 22). Суффиксы пролатива *-öd* и *-тi* названы окончаниями просекутива (Prosecutivus *-äd (-öd)* и *-ti*), однако М. А. Кастрен делает оговорку, что *-ti* встречается больше в составе послелогов и наречий (Castrén 1844: 22). М. А. Кастрен также оперирует терминологией, отличающейся от используемой в данной работе. В случае некоторых падежей это отличие может даже создать некоторую путаницу: аппроксиматив *-лань* М. А. Кастреном назван аллативом (Allativus *-lanj*), эгрессив *-сянь* вторым аблативом (Ablativo 2. *-sänj*) и т. д.

В опыте грамматики зырянского языка Фердинанда Йоханна Видемана «**Versuch einer grammatik der syrjänischen sprache**» (Wiedemann 1847) суффиксы местных падежей также представлены в полном составе. Однако, описывая систему склонения коми языка, Ф. Й. Видеман не

¹⁸ Традиционно выделяемые в литературном коми языке местные падежи. Относительно малопродуктивные т. н. приблизительно-местные падежи с компонентом *-лань* не рассматривались в качестве падежей вплоть до конца XX века.

говорит о падежах как таковых, даже не называя их, а один за другим рассматривает конкретные суффиксы и их употребления. Так, например, он говорит, что *-ö*, *-e* имеют два совершенно разных значения (Wiedemann 1847: 26), имея в виду вокативное и иллативное значение этих суффиксов. Послелог *пыр* (*-pyr*) Ф. Й. Видеман считает суффиксом, сходным по значению с *-öd* (Wiedemann 1847: 29), а *-ty* и *-ti*, по его мнению, встречаются лишь в составе послелогов (Wiedemann 1847: 30). Качественным отличием грамматики Ф. Й. Видемана от предыдущих описаний можно считать то, что автор не ограничился перечислением лишь основных значений падежных окончаний, а значительно расширил их функциональный диапазон, попытавшись представить многозначность отдельных суффиксов.

Автор следующей по времени издания «**Грамматики зырянского языка**» (1850) **Павел Савваитов** был знаком со всеми вышеназванными трудами и использовал их в качестве источников и пособий (Савваитов 1850: VIII–IX). П. Савваитовым представлены все падежные суффиксы с пространственным значением, кроме *-mi*. Примечательно, что помимо перечисления различных значений, автор говорит также об употреблении падежных форм в качестве управления глаголов и пр. (например, Савваитов 1850: 106). Для называния падежей автор использует термины на основе русского языка, указывающие на первичные значения падежей: вступительный (иллатив), исходный (элатив), определительный (терминатив), местный (инессив), приблизительный (аппроксиматив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив) (Савваитов 1850: 104–109).

В своих первых работах о коми языке, печатавшихся в «Вологодских губернских ведомостях» в 1865–1866 гг.¹⁹, и некоторых рукописных текстах **Иван Куратов** достаточно критично отзывается о первых описаниях грамматики коми языка (Куратов 1939: 71). Он утверждает, что еще не знает «такой зырянской грамматики, которая была бы составлена после тщательных аналитических работ, без *idees fixes*» (Куратов 1939: 56). В частности, что касается падежной системы коми языка, по мнению И. Куратова, каждый из предыдущих авторов при ее описании руководствовался примером склонения в других языках: русском, немецком, «финских» и т. д. (Куратов 1939: 39). 17 падежей по П. Савваитову он называет уткой, поскольку «падежей в зырянском языке вовсе нет именно таких, какие воображает Савваитов, т. е. с известными окончаниями слов» (Куратов 1939: 55). Поэтому сам он обошелся бы вовсе без падежей (Куратов 1939: 40, 78), утверждая, что «сокровищница зырянских падежей в послеположениях» (Куратов 1939: 39). Т. н. послеположениями (*Postpositionen*) или особыми самостоятельными вспомогательными словами, употребляющимися для склонения и спряжения, И. Куратов ошибочно считает как падежные окончания, так и некоторые другие суффиксы (Куратов 1939: 29, 34), и пишет их отдельно от корней слов. 15 из 18 предложенных

¹⁹ №№ 23, 27, 31, 37, 18 (Куратов 1939: 129).

И. Куратовым послеположений для форм существительных (Куратов 1939: 131–132) в нашем понимании являются падежными окончаниями. 8 из них выражают пространственные отношения: *ысь, сянь, лань, öд, öдз, ын, ö, тi*. Причем одни из них, по его мнению, коренные и употребляются наиболее часто – *öд* и *тi*, *öдз* и *ын* (Куратов 1939: 34), а другие второстепенные, образуемые путем сложения коренных, например *лань*²⁰ и *сянь* (Куратов 1939: 35). Несмотря на ошибочное рассмотрение падежей в качестве вспомогательных слов, схема склонения в коми языке И. Куратовым представлена достаточно полно.

В коми грамматике **Ф. Й. Видемана** «**Grammatik der syrjänischen Sprache mit berücksichtigung ihrer Dialekte und des wotjakischen**», изданной в 1884 г., материал представлен в сопоставлении с близкородственными языками коми-пермяцким и удмуртским. Пространственные падежи в ней представлены (см. Wiedemann 1884: 120–124, 127–128, 131) в том виде, в каком они традиционно описываются до сих пор. Кроме того, автор указывает на возможность комбинирования суффикса апроксиматива *-лань* с иллативом и инессивом (Wiedemann 1884: 113), хоть и не выделяет эти комбинации в качестве отдельных падежных формантов.

«Грамматика зырянского языка» **Г. С. Лыткина**, представленная в его капитальном труде «**Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ**» (1884), составлена им по зырянским грамматикам М. А. Кастрена, Ф. Й. Видемана, П. Савваитова и пермяцкой грамматике Николая Рогова (1860) (Г. С. Лыткин 1884: VIII). За основу в ней взят сысольский говор коми языка, представляемый в сравнении с севернокамским говором коми-пермяцкого языка и удмуртским языком. Местные падежи у Г. С. Лыткина представлены 7 падежами, выделяемыми впоследствии и в работах других авторов. Пролатив (переходный у Лыткина) имеет три суффикса *öд, ты* и *jы* (Лыткин 1884: II: 5). Под *jы* он имеет ввиду, вероятнее всего, окончание в составе послелога *дырjы* ‘во время’ (Лыткин 1884: II: 39). В плане семантики падежей даны лишь соответствия их основных значений в русском языке.

Интересно также отметить, что конец XIX века можно назвать началом становления комиязычной лингвистической терминологии. А. Шёгрэн, М. А. Кастрен, Ф. Й. Видеман и др. использовали при описании падежей латинские термины. В работе Г. С. Лыткина впервые фигурируют названия падежей, созданные на базе собственно коми языкового материала. Многие из предложенных им терминов используются и в современной коми филологии.

²⁰ Интересно, что на его взгляд *лань*, кроме выражения отношений между словами, означает также страну и соответствует немецкому *Land* (Куратов 1939: 35).

2.3.2. Местные падежи коми языка в исследованиях XX века

2.3.2.1. Об(общаю)щее описание

Создание нормированного литературного языка на основе присыктывкарского диалекта в 1920-е годы зафиксировало систему склонения, согласно которой, имена в коми языке могут стоять в форме 16 падежей, 7 из которых пространственные, представленные 8 суффиксами. В качестве примера можно обозначить парадигму склонения в работе **В. И. Лыткина** «**Материалы по коми грамматике (обоих наречий)**» (1929: 18), не изменявшуюся вплоть до последнего времени. Русские названия падежей в сводной таблице В. И. Лыткина взяты у Г. С. Лыткина, а латинские у Ф. Й. Видемана.

Тойво Уотила в кратком очерке грамматики коми языка «**Syrjänische Chrestomathie mit Grammatischem Abriss und Etymologischem Wörterverzeichnis**» выделяет 8 местных падежей (Uotila 1938: 46–48). *-öd* и *-mi* рассматриваются им в качестве маркеров двух самостоятельных падежей просекутива (Prosekutiv *-ed*) и транзитива (Transitiv *-ti*) соответственно (см. также Uotila 1933: 99–102).

Более детально употребление местных падежей коми языка рассмотрено в «**Грамматике литературного коми языка**» **Д. В. Бубриха** (1949). Они объединены автором под названием пространственных (локативных) падежей. Русские и латинские названия Д. В. Бубрих считает условными и не вполне сообразованными друг с другом, поскольку, например, инессив буквально означает «внутрибывательный», а не местный, пролатив – «впередносительный», а не переходный. От используемых в настоящей работе терминов у Д. В. Бубриха отличается лишь название эгрессива, названного им делативом (отдалительным падежом). (Бубрих 1949: 27–28)

Примечательно, что кроме перечисления основных и многих второстепенных употреблений традиционно выделяемых падежей (Бубрих 1949: 45–53), Д. В. Бубрих (1949: 51–52) также говорит о группе образований на *-лань-* и приводит примеры их употребления. Он совершенно верно констатирует, что *-лань-* в этих образованиях показывает «место (или время) около чего-либо» (Бубрих 1949: 52). Однако Д. В. Бубрих не рассматривает их в качестве окончаний самостоятельных падежей, а суффикс аппроксиматива *-лань* и вовсе считает сокращением *-ланьö* (1949: 51).

В отличие от некоторых других авторов (Alvte 1987: 63; Lakó 1950: 219–243; Rédei 1978: 60; Uotila 1933: 99–102; Vászolyi 1968: 47–85; Wichmann 1923: 154–159 и др.) Д. В. Бубрих (1949: 53) не видит функциональной разницы между *-öd* и *-mi* пролатива, считая их употребление безразличным.

По мнению Е. С. Гуляева (1961: 7), данное Д. В. Бубрихом описание падежей «базируется в основном на материале переводной литературы, притом невысокого качества. Поэтому автору не удалось заметить много

оригинальных конструкций, встречающихся главным образом в произведениях популярных коми писателей, в фольклорных текстах и в устной речи».

Важным трудом в научном описании коми языка является «**Современный коми язык**» (1955). В работе рассмотрены лишь основные функции местных падежей (СКЯ 143–145), на основе которых они разделены на внутри- и внешнеместные (СКЯ 137–138, 147). Пролатив рассматривается в качестве одного падежа и утверждается, что «окончания *-öd* и *-mi* представляют остатки двух падежей, слившихся в одном переходном падеже современного языка» (СКЯ 145). Также поднимается вопрос о происхождении падежей, и высказываются некоторые догадки относительно генезиса падежных окончаний (СКЯ 147–148). Какой-либо позиции относительно словообразований с первым компонентом *-лань-* ожидать, к сожалению, не приходится, поскольку в работе ясно сказано, что «падежными являются в коми языке только те формы, которые выражены односложными суффиксами» (СКЯ 137).

Система склонения в описании грамматического строя коми языка на венгерском языке «**Chrestomathia Syrjaenica**», автором которого является **Карой Редей**, представлена 17 падежами (Rédei 1978: 60), 8 из которых местные. Все падежные суффиксы являются традиционно выделяемыми, количество же падежей увеличено за счет представления пролатива в качестве двух самостоятельных падежей транзитива (*-mi*) и просекутива (*-ed*).

Во многом по-новому освещена внутренняя структура коми языка в первой научной грамматике коми языка, написанной на коми языке, «**Õнія коми кыв. Морфология**» (2000). В коллективной работе коми лингвистов нашло отражение многое, не рассматривавшееся в уже имевшихся грамматиках. В частности, она, так сказать, официально утвердила за серией структурных образований с первым компонентом *-лань-* статус группы приблизительно-местных падежей в системе склонения имен в коми языке. В грамматике подробно описаны функциональные особенности 24 (вместо традиционных 16) падежей (ÕКК 59–95).

2.3.2.2. Исследование отдельных падежей и падежных групп

Помимо общего более или менее детального описания падежной системы, во второй половине прошлого века появились различные работы и статьи по отдельным падежам и падежным группам. В этих работах трудно выделить какой-либо главный аспект исследования, поскольку падежи в них рассматриваются разносторонне, более или менее комплексно: в них представлена и историко-этимологическая, и диалектологическая, и функционально-семантическая характеристика падежей. Вкратце в хронологическом порядке охарактеризуем некоторые из исследований.

Проблема дифференциации суффиксов *-öd* и *-mi*, впервые рассмотренных в качестве маркеров двух разных падежей **Юрьё Вихманом** (Wichmann 1923: 152–153, 154–159), была затронута Тойво Утилой (Uotila 1933: 99–102), утверждавшего, что отождествление этих двух суффиксов не представляется возможным с фонетической точки зрения (Uotila 1933: 101). Этой же проблеме посвятил специальную статью **Дьёрдь Лако** (Lakó 1950: 219–243), также убежденный в необходимости различения двух падежей с окончаниями *-öd* и *-mi*, названных им просекутивом и транзитивом. Он (Lakó 1950: 242) считает, что нужно обратить внимание на процесс протекания действия, поскольку с помощью этих двух падежей выражаются различные аспекты глагольного сказуемого. Исследовав различные употребления вышеназванных суффиксов, Дь. Лако приходит к выводу, что, кроме прочего, просекутив имеет пролативное значение, а транзитив выражает терминативный аспект действия.

За основу группирования падежей в некоторых исследованиях взяты общие семантические признаки или же генетическая связь падежных окончаний. Так, **Е. С. Гуляев** в своей диссертационной работе (1961) исследовал падежные суффиксы с элементом *c'*. Из местных падежей им детально рассмотрены значения элатива и эгрессива (Гуляев 1961: 1–209). В работе описываются не только продуктивные и активно используемые конструкции, но и единичные и даже редкие употребления. В его исследовании затронуты словообразовательные функции суффиксов местных падежей, а также рассмотрено их употребление в качестве управления в конструкциях с определенными глаголами. Помимо сопоставления с *c'*-овыми падежами в близкородственных языках, Е. С. Гуляев представляет различные гипотезы о генезисе падежей с элементом *c'*, однако в его работе это является второстепенным.

Проблему происхождения, развития и функционирования падежных суффиксов *-öd* и *-mi* в коми и удмуртском языках вновь поднимает в своей статье **Эрик Васойи** (Vászolyi 1968: 47–85). Автор приходит к выводу, что различия между ними имеют не столько семантический, сколько морфологический и лингвогеографический характер, за исключением лишь одного единственного момента, и то имеющего, скорее, стилистическую окраску (Vászolyi 1968: 52). Иными словами, они различаются, в первую очередь, по форме и диалектному распространению, а не по значению. Тем не менее, Э. Васойи (Vászolyi 1968: 65) задается вопросом, почему два этих суффикса называются маркерами одного падежа (например, Лыткин 1929: 18; Бубрих 1949: 53; СКЯ 145), тогда как *-лөн* и *-лысь*, имеющие аналогичные морфологические и морфосемантические взаимоотношения, но оба являющиеся, в сущности, генитивом, принято рассматривать в качестве двух самостоятельных падежей родительного и притяжательного соответственно (например, Бубрих 1949: 44; Лыткин 1929: 18; СКЯ 140–141). Кстати, их называют также адессивом и аблативом (например,

Бубрих 1949: 44; Лыткин 1929: 18; СКЯ 140–141; Uotila 1938: 46), хотя такой функции они (сегодня уже) не имеют (Vászolyi 1968: 65).

Описание падежей с элементом *л*, аналогичное работе Е. С. Гуляева (1961) по *с'*-овым падежам, представила в своей диссертационной работе **Г. А. Некрасова** (1987). Из местных падежей в ней рассмотрен аппроксиматив (Некрасова 1987а: 145–147), а также конструкции с первым компонентом *-лань-*, которым немногим раньше была посвящена отдельная статья Г. А. Некрасовой (1985). Упомянувшиеся уже в работе Д. В. Бубриха (1949: 51–52) словообразования автор (Некрасова 1987а: 180–192) представляет в качестве отдельной серии. Несмотря на отсутствие единого мнения относительно их категориальной принадлежности (см. Некрасова 1987а: 181; также Некрасова 1985: 147), по примеру Р. М. Баталовой (1975: 138–142) и Т. И. Тепляшиной (1981: 286), описавших аналогичные инновации в северно-удмуртских диалектах, впервые называет их приблизительно-местными падежами на основе общего для всей серии оттенка приближенности, придаваемого первым компонентом *-лань-*. При этом Г. А. Некрасова (1987а: 182–183; также 1985: 148) оговаривается, что термин условен, поскольку неточно отражает значения этих падежей, и является лишь рабочим вариантом.

К *л*-овым падежам коми языка Г. А. Некрасова вновь возвращается в анализе семантико-синтаксических функций падежей в пермских языках «Система *Л*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика» (2002). В работе рассматривается происхождение и развитие падежей с компонентом *л*, их взаимоотношения с другими падежами и послелогами. Помимо аппроксиматива, монография содержит детальное описание семантической структуры приблизительно-местных падежей в качестве отдельной серии в падежной системе коми языка уже без оговорок об их категориальной принадлежности (Некрасова 2002: 119–130).

Из работ последних лет несомненный интерес представляет исследование **М. Н. Усачёвой** «Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках» (2012а), в котором на общепермском фоне параллельно с удмуртским материалом, хотя в меньшем объеме представлены функции местных падежей коми языка. При выявлении функций этих падежей в пермских языках учитывается общая структура пространственной ситуации, для представления отдельных особенностей которой в исследовании предлагается специальный формализм. В работе с помощью динамического подхода исследуются тенденции развития рассматриваемых падежей, такие как нейтрализация оппозиции внешне- и внутриместных падежей и обозначение большинством из них в современных языках данной группы лишь типа движения (ориентации) и т. д. Работа М. Н. Усачёвой во многом перекликается с настоящим исследованием.

Одноименная диссертационная работа М. Н. Усачёвой (см. автореферат Усачёва 2012b) также посвящена исследованию пермских локативных

падежей. Кроме прочего, в работе содержится анализ семантики локативных падежей пермских языков, представленный в вышеописанном исследовании автора. В диссертации говорится о единых тенденциях в развитии систем локативных падежей в пермских языках, интенсивном образовании серийных показателей локализации, синонимии падежных форм и послеложных конструкций и пр. Предлагается единообразное описание функций локативных падежей и их эволюции от обозначения пространственных отношений к маркированию аспектуальных значений. Также в ней предлагаются возможные варианты дальнейшего развития системы средств выражения пространственных отношений в пермских языках. Наконец, в работе получает освещение психолингвистический эксперимент, проведенный с целью исследования функций локативных падежей бесермянского наречия удмуртского языка. Эксперимент не имеет прямого касательства к коми языку, однако представляет интерес в плане возможного аналогичного исследования коми падежей.

Функционированию местных падежей коми языка посвящен и ряд других исследований (см., например, Кузнецов 2010: 184–187; Кузнецов 2011a: 191–198; Кузнецов 2011b: 215–221; Некрасова 1987b; Некрасова 1990; Некрасова 1995: 36–47; Некрасова 2000; Некрасова 2009a: 9–22; Некрасова 2010: 185–194; Некрасова 2011; Kuznetsov 2012: 373–394). В качестве неспециального объекта исследования они фигурируют и во многих других работах (см. БИБЛИОГРАФИЯ).

2.3.2.3. Историко-этимологический аспект

Суффиксы местных падежей современного коми языка отличаются по способу и времени образования. Этот аспект также стал важным объектом внимания исследователей коми языка. На настоящий момент с помощью сравнительно-исторического метода выявлено происхождение маркеров местных падежей, а также их генетическая связь с соответствующими суффиксами в родственных языках.

Сведения по истории падежных форм коми языка содержатся в работах многих исследователей. Еще в конце XIX века **Йожеф Буденц** в сравнительно-исторической морфологии финно-угорских языков «**Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana**» (1884–1894) реконструировал некоторые падежные суффиксы. Среди прочего материала для сопоставления им использованы и данные по коми языку (Budenz 1884–1894: 381–382, 385).

Впервые вопросы хронологического развития падежных суффиксов в финно-угорских языках были рассмотрены **Йожефом Синней** в первом (1910), а затем во втором исправленном издании «**Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft**» (1922). Все падежные суффиксы он разделял на первичные и вторичные (Szinyei 1922: 55–71). Первичные падежи имелись уже в финно-угорском праязыке и были широко распространены в разных финно-угорских языках (из пространственных падежей это: локатив **-n*,

аблатив *-t ~ *-δ, латив *-k ~ *-γ латив *-s ~ *-z) или в отдельных группах языков (финско-пермский латив *-ń, угорский локатив *-t) (Szinnyei 1922: 55–63). Вторичные падежи в свою очередь делились на две группы (Szinnyei 1922: 63–71). К первой группе относились падежи, состоящие из словообразовательного суффикса и первичного падежного суффикса или из двух первичных падежных суффиксов: из финско-пермских это: адесив: *-l + локатив *-n; аблатив: *-l + *-t; аллатив: *-l + латив *-ń; инессив: *-s ~ *-z + локатив *-n; элатив: *-s ~ *-z + аблатив *-t; иллатив: *-s ~ *-z + латив *-ń. Ко второй группе вторичных падежей Й. Синнеи относил венгерские падежи, развившиеся из самостоятельных слов. Чем сложнее состав суффикса, тем позднее, по схеме Й. Синнеи, его происхождение. Семантику падежей Й. Синнеи определял лишь в общих чертах. К сожалению, в своем анализе он учел далеко не все падежи, а самодийские языки и вовсе остались вне анализа, и поэтому его схема не лишена ошибок (Серебрянников 1964: 7).

Одной из первых целостных работ по коми языку в этой области можно назвать труд **В. И. Лыткина** «Древнепермский язык» (1952). По имеющимся письменным языковым памятникам коми языка автор восстанавливает систему склонения в древнепермском языке и диалектах. Древние суффиксы Лыткин (В. И. Лыткин 1952: 102–105) представляет в сопоставлении с аналогами в литературном коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском языке и диалектах коми-зырянского языка. В древнепермском языке, по его заключению, местные падежи имели следующие суффиксы:

Таблица 1. Суффиксы местных падежей в пермских языках (по Лыткин 1952: 103)

Падежи	Древнепермские памятники		Коми-зырянский литературный язык	Коми-пермяцкий литературный язык	Удмуртский литературный язык	Современные диалекты коми
	древнепермский литературный язык	диалектизмы				
APR	—	—	лан'	лан'	—	
INESS	ын, он	'ин	ын	ын	ын	'ин, он
ELAT	ыс'	'ис', ис'	ыс'	ис'	ыс'	'ис', ис'
EGR	с'ан'	—	с'ан'	с'ан'	ыс'эн	
ILL	ө	'э, а	ө	ө	э	'э, ө, о
PROL	ти, өд (ыд)		ти, өд	өт	(э)ти	өт
TERM	өз'		өз'	өз'	оз'	

Бёрн Коллиндер в работе «*Comparative grammar of the uralic languages*» (1960) обобщает имеющиеся данные по истории падежей в уральских языках. Из пространственных падежей он различает локатив **-na ~ *-nä* и допускает возможность существования, по меньшей мере, еще двух лативных падежей латива-пролатива и датива-терминатива в уральском праязыке (Collinder 1960: 282). Также он (Collinder 1960: 296) допускает возможность существования в финно-угорском праязыке локатива (фиксатива или пролатива) **-tta ~ *-ttä*. По утверждению Б. Коллиндера (Collinder 1960: 292), адессив, аблатив и аллатив в пермских языках являются внешнеместными аналогично этим падежам в финском языке, а *-õd* и *-mi* он называет суффиксами пролатива (Collinder 1960: 297). Б. Коллиндер (Collinder 1960: 286–287) указывает на наличие у некоторых местных падежей непространственных значений, однако в целом семантика падежей у него остается второстепенной.

Систематическое и целостное изложение сведений по сравнительно-исторической морфологии пермских языков содержится в работе **Б. А. Серебренникова** «*Историческая морфология пермских языков*» (1963). Среди прочего материала предлагается реконструкция падежной системы в пермских языках. Автор (Серебренников 1963: 13–31) резюмирует гипотезы и мнения других исследователей о происхождении и взаимосвязях маркеров местных падежей в современных пермских языках, разбросанные по разным источникам, и описывает (Серебренников 1963: 46–77, 83–84) историю образования форм этих падежей. Б. А. Серебренников строит предположения по поводу того, где берут начало современные падежные суффиксы, какова была семантика тех или иных падежей, происходят ли падежные окончания из гипотетического праязыка или же возникли в период самостоятельного развития коми языка и т. д.

В результате анализа состава падежных суффиксов и учета архаических падежных окончаний в составе послелогов и наречий в современных пермских языках Б. А. Серебренников (1963: 46) установил для пермских языков следующую схему падежей местонахождения: суперэссив *-l*; локатив *-n* и его разновидности: адессив *-õn*, *-en*, инессив *-un* и *-an*; локативы *-t* и *-i*; лативы *-š*, *-ń*, *-a*, *-y-* (*i-*) и *-e*; аблатив *-t(a)*. В работе говорится также о диалектных разновидностях окончаний падежей, некоторые из которых не встречаются в пермских литературных языках (Серебренников 1963: 78–82).

Общие тенденции и «**Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках**» **Б. А. Серебренников** пытается выявить в следующей своей работе, которую, по его собственным словам (Серебренников 1964: 3), можно рассматривать в качестве краткого конспекта курса по исторической морфологии уральских языков. Общая характеристика реликтов реконструируемых в уральский язык-основу местных падежей в современном коми языке сводится, по Б. А. Серебрен-

никову (1964: 12–16, 18–19, 21, 24–25, 28–32, 36–42, 44–65, 66–68), примерно к следующему:

- Локатив **-na*, **-nä* уральского языка-основы, реликты которого имеются во всех уральских языках, в коми языке сохранился в форме инессива *-ын* и в окончаниях некоторых наречий (*сэп* ‘там’, *тан* ‘здесь’);
- Локатив **-t* содержится в окончании пролатива *-ті*, *-öd* и присутствует в застывших формах (*кытöп* ‘где’, *татöп* ‘здесь’);
- В пермских языках нет следов латива на **-ka*;
- Латив **-й* сохранился в некоторых наречных формах (*кымынь* ‘на взничь’) и в составе некоторых сложных падежных окончаний (аппроксиматив *-лань*, эгрессив *-сянь*);
- Палатализованный латив **-ś* содержится в составе терминатива *-ödз*, сложных суффиксов элатива *-ысь* и эгрессива *-сянь*, а также в некоторых диалектных наречиях и послелогах (*кытсьö* ‘куда’, *сэтсьö* ‘туда’, *дырсьы* ‘во время’). Б. А. Серебренников не исключает возможность существования также чисто лативного *-s*: суффикс *-лас* (*школалас дорэ муні* ‘ушел в направлении школы’), употребляющийся в говоре коми Кольского полуострова вместо аппроксиматива *-лань*;
- Реликты вокального латива **-a* обнаруживаются в застывших словах (*бара* ‘опять’, *кузя* ‘по’, диал. *дырья* ‘во время’), а также, возможно, в форме иллатива притяжательного склонения (*керкаас* ‘в его доме’);
- Вокальный латив **-e*, возможно, представлен в современном иллативе *-ö/-э*, содержится в сложных суффиксах пролатива *-öd*, терминатива *-ödз*, диалектных форм аппроксиматива *-лэнь* и эгрессива *-сень*;
- Остатки вокального латива **-i* встречаются в послелогах и наречных формах (*шöри* ‘пополам’, *дырий* ‘во время’) и в составе пролатива *-ті*;
- Аблатив **-ta* вошел в состав эгрессива *-ысьт*;
- В образовании сложных суффиксов принимал участие также падежеобразный суффикс **-l*.

О реконструируемых в уральский/финно-угорский язык-основу падежных маркерах и их реликтах в современных языках, особенно в венгерском, говорится и в монографиях Петера Хайду «**Bevezetés az uráli nyelvtudományba (a magyar nyelv finnugor alapjai)**» (Hajdú 1966)²¹ и «**Az uráli nyelvészet alapkérdései**» (Hajdú 1981)²². Автором (Hajdú 1966: 120–127) рассмотрены следующие суффиксы древних местных падежей: локативы **-na* и **-t*, аблативы **-ta* и **-l*, латив-дativas **-ń*, лативы **-k* и **-j*. Относительно следов древних местных падежей в нынешнем коми языке мнение П. Хайду по некоторым пунктам несколько отличается от точки зрения предыдущего автора: по аблативу **-ta* в пермских языках имеются лишь отрывочные и спорные данные (Hajdú 1966: 122), остатки лативного

²¹ Работа несколько раз переиздавалась, 5-е издание вышло в 1989 г.

²² Работа несколько раз переиздавалась, 3-е издание вышло в 1991 г.

*-k имеются в некоторых наречиях, от него же произошел суффикс иллатива (Hajdú 1966: 124, 125).

Особое внимание становлению падежной системы также уделено в «Исторической морфологии коми языка» В. И. Лыткина (1977). Из падежей с пространственным значением в финно-угорский язык-основу Лыткин (по Эрки Итконену (Itkonen 1957: 13–14)) реконструирует локатив *-na, *-nä, аблатив *-ta, *-tä, латив I *-k и латив II *-ń (Лыткин 1977: 19). Из местных падежей прапермского периода называются инессив *-in, элатив *-jś, иллатив *-ε < *-εk, аппроксиматив *-lań, эгрессив *-śań, *-jśen, пролатив *-ed, *-eti, терминатив *-εз, *-vi²³ и предлагается анализ развития каждого из падежных окончаний (Лыткин 1977: 21–30). Среди прочего, несмотря на различное происхождение -öd и -mi (от аблатива *-ta и локатива *-tt соответственно) Лыткин (1977: 28–29) считает, что в коми-зырянском языке они являются маркерами одного падежа и лишь изредка встречается их дифференцированное употребление.

Пауль Альвре в книге «Soome-ugri keelte ajalooline grammatika» в анализе развития падежных окончаний в языках финно-угорской группы рассматривает наличие древних финно-угорских падежей и в составе местных падежей коми языка (Alvre 1987: 63–76). Из анализа видно, в какой мере древние суффиксы сохранились как в близких, так и дальних родственных языках. В целом, картина соответствует описанию, представленному Б. А. Серебренниковым (1964), однако имеются отличия. П. Альвре не поддерживает мнение некоторых исследователей, считающих возможным происхождение просекутива (пролатива) -öd из маркера древнего аблатива (сепаратива) *-ta, *-tä (Alvre 1987: 69). В отличие от Б. А. Серебренникова (1964: 21), П. Альвре считает (Alvre 1987: 71), что следы латива *-k в коми языке имеются в некоторых наречиях: сэк, сэки ‘тогда’, аски ‘завтра’ (ср. асья ‘утренний’). По мнению П. Альвре, нет подтверждения утверждению Б. А. Серебренникова (см. Серебренников 1964: 29) о наличии следов древнего лативного *s в пермских языках. Здесь П. Альвре ссылается на анализ и вывод Э. Итконена (см. Itkonen 1966: 275–279) о том, что форма на -лас в значении аппроксиматива в конструкциях с послелогом дорэ на самом деле содержит посессивный суффикс 3 лица. (Alvre 1987: 76)

Остается непонятным, почему П. Альвре, назвав однажды -öd и -mi маркерами двух падежей просекутива и транзитива (Alvre 1987: 63), тем не менее, в сводной таблице падежей представляет их одним падежом просекутивом (Alvre 1987: 82).

Аналогичное с предыдущими работами представление развития суффиксов местных падежей содержится и в коллективном обобщающем труде «Основы финно-угорского языкознания» (1976: 143–149). Исто-

²³ Из современных пермских языков имеется только в коми-пермяцком и является функциональным соответствием терминатива -ödz в вертикальном измерении.

рическому развитию падежной системы коми языка посвящена также отдельная глава в монографии Р. Бейкера (Baker 1985: 127–158) и др. работы.

2.3.2.4. Диалектологический и сравнительный аспект

В нижеследующих работах представлено диалектологическое рассмотрение местных падежей коми языка, как во внутриязыковом плане, так и в сравнении с родственными языками и их диалектами. Несмотря на выделение в этих исследованиях диалектологического и сравнительного аспекта рассмотрения и представление их в отдельной главе, в них затрагиваются как историко-этимологическая, так и функционально-семантическая составляющие падежной системы.

Р. М. Баталова в монографии «**Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам**» (1982) дает ареальное описание диалектных явлений на территории распространения коми языка. В работе представлены варианты падежных суффиксов в различных диалектах и говорах (Баталова 1982: 108–114, 117–121). В результате сопоставления собственно коми языкового материала с диалектными данными в близкородственных языках автор выделяет наиболее архаичные падежные суффиксы. Также Р. М. Баталова использует данные лингвогеографии и обозначает на картах ареалы распространения отдельных падежных суффиксов.

Диалектологический аспект представлен и в монографии **Робина Бейкера** «**The development of the komi case system**» (1985) о развитии падежной системы коми языка. В исследовании рассмотрено происхождение и развитие падежей, их взаимоотношения с послелогом, а также инновации и вариации в различных диалектах зырянского и пермяцкого наречий коми языка. Следует заметить, что, кроме всего прочего, Р. Бейкер (Baker 1985: 231) не видит никаких оснований считать структурные образования с первым компонентом *-лань-* формантами независимых падежей, поскольку в данном случае *-лань-*, по его мнению, играет роль деривационного элемента.

О структуре и развитии пермских языков говорит в своей монографии «**Permiläisten kielten rakenne ja kehitys**» **Райя Бартенс** (2000). По сути, работу можно рассматривать в качестве сравнительной грамматики пермских языков. Местные падежи коми языка представлены в нем традиционными 8 суффиксами, но за счет рассмотрения пролативных *-öd* и *-mi* в качестве двух самостоятельных, хоть и общего происхождения (Bartens 2000: 107), падежей (см. также Alvre 1987: 63; Lakó 1950: 219–243; Rédei 1978: 60; Uotila 1933: 99–102; Vászolyi 1968: 47–85; Wichmann 1923: 154–159). Количество самих падежей у Р. Бартенс (Bartens 2000: 78) составляет также 8, а не 7. Описание местных падежей коми языка в исследовании Р. Бартенс касается как их развития (Bartens 2000: 84–89), так и семантики (Bartens 2000: 103–109).

Функционирование местных падежей коми языка в различных диалектах представлено также в отдельных монографиях по каждому из 10 диалектов (см. ВВД 74–76; ВСД 60–64, 68–71; ИД 43–45, 48–49; КЯД 44–47; ЛЛД 37–42, 46–47; НВД 36–40; ПД 22–25; ПСД 59–62, 67–71; ССД 30–35; УД 31–40).

2.3.2.5. *Varia*

В диссертационной работе **Е. А. Игушева** «Стилистика морфологических категорий коми языка» описывается, в частности, стилистика категории падежа (1990: 33–40). На основе фактического материала автор выявляет стилистические возможности падежной категории, прослеживая не только синонимические параллели падежных форм и послеложных конструкций, но и использование одних падежей в функции других для выражения отношения автора к сообщаемой информации. Е. А. Игушев утверждает, что даже частичное изменение падежной формы ведет к стилистическому выделению сообщения. Стилистическая окрашенность реализуется, например, в синонимическом использовании номинатива и элатива (33), аккумулятива и элатива (33–34), эгрессива и элатива (38–39), иллатива и терминатива (39–40), послеложных форм инессива, элатива и иллатива (43–44) и т. д.

Взаимосвязь местных падежей при выражении ими пространственных отношений впервые выявляется в небольшой, но отличающейся своим содержанием работе Г. А. Некрасовой (1989). Автор строит т. н. функциональную модель местных падежей, представляющую собой иерархическую систему на основе различного рода оппозиций.

Еще в одной из своих статей Г. А. Некрасова (2000: 30–41) рассматривает употребление двух падежных суффиксов в структуре одной словоформы. Автор устанавливает их статус, условия и сферу функционирования. В качестве одного или обоих компонентов в комбинациях суффиксов фигурируют также и маркеры местных падежей. Падежные суффиксы могут образовать новые сложные суффиксы, как это произошло в случае приблизительно-местных падежей, а также сохранять функциональную нагрузку, функционируя каждый как отдельный суффикс, либо изменять свое грамматическое значение.

Сочетаемости суффиксов местных падежей с одушевленными и неодушевленными существительными посвящена статья Г. А. Некрасовой (2006: 225–233) о дефектных парадигмах существительных в пермских языках. Анализируя различные падежные употребления, автор находит отсутствующие звенья в парадигме склонения одушевленных существительных.

О фонетическом составе суффиксов некоторых местных падежей говорится еще в одной статье Г. А. Некрасовой (2009: 9–22). В отличие от литературного языка, падежные морфемы в диалектах могут быть представ-

лены несколькими алломорфами, которые могут варьироваться в зависимости от структуры основы склоняемого слова. В статье автор детально описывает образование, изменение и употребление падежных алломорфов.

2.4. Когнитивный подход в языкознании

2.4.1. Когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика (*cognitive linguistics*), рассматриваемая как одно из направлений т. н. когнитивной науки (*cognitive science*) или когнитологии (Скребцова 2000: 8), представляет собой подход или даже группу теоретических подходов к исследованию естественного языка, при котором язык понимается как инструмент для усвоения, организации, обработки, хранения и передачи информации.²⁴ Н. Н. Болдырев (1998: 3) характеризует когнитивный подход как «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью и т. д.», а В. А. Маслова (2008: 4) называет его лингвистикой будущего.

Название данной теории обусловлено неразрывной связью языка с когницией (*cognition*):

«Язык есть явление, корни которого достигают самых глубинных познавательных и поведенческих механизмов человека, и сущность языка нельзя понять полностью вне связей с этими механизмами»²⁵ (Õim 1990: 1819).

Когниция одновременно обозначает как процесс достижения знания – познание, так и его результат – знание (Скребцова 2000: 6). Аналогично когнитивной психологии, когнитивная лингвистика предполагает, что наше взаимодействие с окружающим миром происходит через информационные структуры нашего разума. На ключевую роль этих посреднических информационных структур как раз указывает термин *когнитивный*. (Geeraerts & Cuyskens 2007a: 5)

Язык рассматривается в тесной связи с общими знаниями человека об окружающем мире, его опытом и пр. с одновременным привлечением эмпирических данных других дисциплин (Скребцова 2000: 6–7; Ченки 2006:

²⁴ В редакционном обращении первого выпуска журнала *Cognitive Linguistics*, изданного в 1990 году, было заявлено, что этот подход рассматривает язык как «*an instrument for organizing, processing, and conveying information*» (Geeraerts 2006a: 3).

²⁵ «Keele on nähtus, mille juured ulatuvad inimese kõige sügavamate tunnetus- ja käitumismehhanismideni, on nendega läbi põimunud. Keele olemust ei saa täielikult mõista neist seostest lahus» (Õim 1990: 1819).

340). Такой принцип был назван Джорджем Лакоффом²⁶ (Lakoff 1990: 40) *когнитивным обязательством* (*cognitive commitment*).

Однако, не стоит полагать, что другие подходы не являются когнитивными, скорее, разница состоит в степени когнитивности того или иного подхода и в этом смысле для когнитивной лингвистики принципиальным является вышеназванное когнитивное обязательство (Ченки 2006: 345). Понимание того, что язык является частью познания и что лингвистические исследования способствуют пониманию человеческого разума, разделяется многими подходами, как формальными, так и функциональными. В рамках функционализма когнитивная лингвистика выделяется подчеркиванием семиологической функции языка, признавая основополагающую роль языка в социальном взаимодействии, но настаивая и на том, что даже его интерактивная функция находится в серьезной зависимости от концептуализации. (Langacker 2008: 7–8) Т. е. если функционалисты сосредотачиваются на взаимодействующих коммуникативных факторах, то для когнитивистов основными являются факторы мыслительной деятельности (Ченки 2006: 345). В отличие же от формальных подходов когнитивная лингвистика отрицает проведение границ между языком и другими психологическими явлениями, считая лингвистические структуры неотделимыми от других базовых систем и способностей человека (памяти, восприятия, категоризации и др.) и рассматривая язык как составной аспект познания (Langacker 2008: 7–8).

2.4.1.1. Основные принципы когнитивной лингвистики

Когнитивная лингвистика – не отдельная теория, а целая совокупность пересекающихся и отчасти накладывающихся друг на друга теорий, придерживающихся некоего набора общих обязательств и принципов (Evans & Green 2006: 3; Evans et al. 2007: 3). **Фундаментальная идея** когнитивной лингвистики состоит в том, что, как говорилось выше, язык есть инструмент для организации, обработки и передачи информации. Следовательно, язык видится как хранилище знаний о мире, как структурированный свод содержательных категорий, которые помогают нам иметь дело с новым и хранить информацию о старом опыте (Geeraerts & Cuyskens 2007a: 5). Тем самым, прежде всего, это – явление семантическое (Geeraerts 2006a: 3), т. е. значение в когнитивной лингвистике является основным объектом исследования (Кронгауз 2005: 264).

²⁶ В переводах на русский язык встречаются также следующие варианты транслитерации этой фамилии: фонетически более правильный и близкий к оригинальному произношению *Лейкофф* (например, в Плунгян & Рахилина 1994) и полностью русифицированный *Лаков* (например, в Плунгян & Рахилина 2000; Рахилина 1998). В данной работе используется наиболее распространенный вариант написания и произношения фамилии Лакоффа. См. также Рахилина 2000a: 15.

Однако не только когнитивная лингвистика фокусирует внимание на значении, на семантику ориентированы и многие другие лингвистические подходы. Поэтому следует назвать следующие **четыре основных принципа**, одновременно выявляющие специфику когнитивной лингвистики на фоне других подходов и разъясняющие вышеназванную фундаментальную идею (по Geeraerts 2006a: 4–6):

- *Языковое значение зависит от ракурса*
(*linguistic meaning is perspectival*)

Значение – не объективное отражение внешнего мира, а способ его формирования. Значение можно назвать частным случаем отражения мира, рассмотрением его в определенном ракурсе. Понять суть этого пункта проще всего посредством пространственной перспективизации, обнаруживающейся в языковых выражениях. Самая объективная ситуация может быть рассмотрена лингвистически по-разному, например, использование выражений *in front of* ‘перед’ и *behind* ‘за’ зависит от точки наблюдения. Перспективизация – и не только пространственная – происходит повсюду в языке, и когнитивная лингвистика пытается ее проанализировать.

- *Языковое значение динамично и гибко*
(*linguistic meaning is dynamic and flexible*)

Поскольку значение имеет отношение к формированию внешнего мира, то новые события и обстоятельства в постоянно изменяющемся мире требуют, чтобы мы приспособляли наши семантические категории к преобразованиям и оставляли место для нюансов и ненормативных случаев. Поэтому язык вообще и значение как один из аспектов лингвистической системы в частности необходимо рассматривать в качестве не жесткой и устойчивой, но гибкой структуры. Например, говоря о птицах, нельзя обозначить какой-то жесткий набор категориальных признаков, относящихся ко всем птицам и только птицам, но возможно оперировать гибкой структурой фамильного сходства, способной охватить даже самые маргинальные случаи.

- *Языковое значение энциклопедично и неавтономно*
(*linguistic meaning is encyclopedic and non-autonomous*)

Значение, конструируемое нами в языке и посредством языка, не является отдельным независимым модулем разума, оно отражает наш общечеловеческий опыт. Лингвистическое значение является энциклопедическим и неавтономным, поскольку оно неотделимо от других знаний о мире и связано с другими нашими когнитивными способностями.

Человек – существо из плоти, а не разум в чистом виде, поэтому наша органическая натура влияет на опыт восприятия мира, который в свою

очередь отражается в языке. Например, использование выражений *in front of* и *behind* для концептуализации ситуации опирается на тот факт, что наше тело и взгляд имеют естественную ориентацию, проецируемую нами на объекты вокруг нас. Кроме этого биологического факта, мы имеем национально-культурную специфику и социальную идентичность. Поэтому язык воплощает в себе исторический и культурный опыт говорящих на нем. Снова говоря о птицах, следует сказать, что энциклопедический характер языка подразумевает принятие во внимание фактических знаний людей о птицах: важно не только общее определение птицы, но также все то, что мы знаем о пингвинах, страусах и пр. И эти знания в разных культурах могут отличаться: самыми типичными, привычными и легко узнаваемыми птицами в разных культурах могут быть разные птицы, а это оказывает влияние на знания людей о категории птиц.

- *Языковое значение основано на употреблении и опыте (linguistic meaning is based on usage and experience)*

Неавтономность лингвистического значения в отношении опыта иногда формулируется в виде утверждения, что значение основано на опыте. Эмпирическая природа лингвистического знания также может быть определена посредством важности языкового использования.

В языке имеется множество абстрактных структур, которым соответствуют конкретные фразы. Во многих языках эти структуры не являются непосредственно различимыми: то, что мы действительно видим, это просто последовательность слов. Поэтому возникает вопрос, каким образом конкретный уровень слов соотносится с абстрактным структурным уровнем (= лексика с синтаксисом)? Последовательности слов не существуют в абстракции, они всегда являются частью реальных высказываний, фрагментом общения. Т. е. языковой опыт есть опыт фактического использования языка, а не слова из словаря или модели из грамматики, по которым строятся высказывания. Поэтому когнитивная лингвистика называется моделью, основанной на употреблении языка (*usage-based model of grammar*), т. е. знание языка основано на фактической речи. Согласно этой модели, в отличие от традиционного разграничения уровней лингвистической структуры и языкового использования (*langue* и *parole*), по важности структурный уровень не ставится выше уровня использования.

2.4.1.2. Содержание когнитивной лингвистики

Предмет когнитивной лингвистики был намечен еще в лингвистических работах XIX века (Попова & Стернин 2007: 8). Но как самостоятельное научное направление когнитивная лингвистика довольно молода, она зародилась в 1970-е годы в США в качестве альтернативы генеративной теории Ноама Хомского (Скребцова 2000: 13; Янда 2000: 3; Evans & Green 2006: 3; Evans et al. 2007: 3), в некотором роде как реакция на пренебреже-

ние семантикой в лингвистических теориях того времени (Ченки 2006: 344). Сначала новое течение не пользовалось особой благосклонностью (Янда 2000: 3), но очень быстро завоевало многочисленных сторонников. Формально возникновение когнитивной лингвистики принято относить к 1989 году, когда на конференции в Дуйсбурге (ФРГ) было объявлено о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики и намерении издания журнала *Cognitive Linguistics* и серии монографий. Это событие, по словам одного из пионеров когнитивной лингвистики Рональда Лангакера²⁷ (Langacker 1991a: ix), «ознаменовало рождение когнитивной лингвистики как широкобазисного сознательного интеллектуального движения»²⁸.

На сегодняшний день когнитивная лингвистика стала очень популярным и в хорошем смысле этого слова модным направлением в языкознании. Направление это очень разнообразно и неоднородно, охватывая целое множество концепций и представлений, предлагаемых и проверяемых рядом исследователей. Несмотря на некоторую размытость границ этой области, в западной лингвистике уже сложилось устойчивое представление о ней, прежде всего, за счет ее институционализации (Скребцова 2011: 4). Среди наиболее известных имен, однозначно ассоциирующихся с когнитивной лингвистикой, помимо упомянутых Р. Лангакера и Дж. Лакоффа, можно также назвать Леонарда Талми, Рэя Джакендорффа, Жилия Фоконье, Чарльза Филлмора, Дирка Герартса, Уильяма Крофта, Адель Голдберг и др.

Труды американских ученых, становление и сущность современной когнитивной лингвистики на русском языке подробно освещены в работах Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1994: 34–47), Е. В. Рахилиной (Рахилина 1998: 274–323; Рахилина 2000b: 342–378; Рахилина 2000c: 3–15; Рахилина 2006: 370–389), Т. Г. Скребцовой (Скребцова 2000, Скребцова 2011) и др. (см., например, Демьянков 1994: 17–33; Лакофф 1995; Маслова 2008; Ченки 2006: 340–369; Янда 2000). Детальный обзор когнитивного подхода в языкознании на английском языке содержится, например, в Grosz 2006: 81–115; Croft & Cruse 2007; Evans & Green 2006; Geeraerts 2006b; Geeraerts & Cuyskens 2007b и др. Работы некоторых американских ученых изданы также в переводе на русский язык (см. Лакофф 1996; Лакофф & Джонсон 2004; Лангаккер 1992; НЗЛ XXIII; ЯИ 1995).

²⁷ В переводах на русский язык встречаются также следующие варианты транслитерации этой фамилии: Лангакр, Лэнекер (например, в Болдырев 2004), Ленекер (например, в Кубрякова и др. 1997), Лэнгекер (например, в Рахилина 1998), Лэнгакер (например, в Плунгян & Рахилина 2000) или Лангаккер (например, в Лангаккер 1992). В данной работе используется наиболее распространенный вариант написания и произношения фамилии Лангакера русскими лингвистами (см. также Рахилина 2000a: 15)

²⁸ «[...] marked the birth of cognitive linguistics as a broadly grounded, self-conscious intellectual movement» (Langacker 1991a: ix).

Когнитивная лингвистика сложилась в США. Российские же авторы «зачастую искаженно представляют суть данного направления, неправомерно расширяя или, наоборот, сужая его объем, выдавая периферийные явления за центральные и т. д.» (Скребцова 2011: 4). Существует мнение, что в России развилась собственная версия когнитивизма, некоторые предпосылки формирования которого наметились уже в начале XX века (Маслова 2008: 31, 32). Классический американский когнитивизм и российские структурно-семантические исследования развиваются параллельно, без интенсивного контактирования, в них используются разные терминологии, но их категориальные аппаратуры во многом пересекаются (Попова & Стернин 2007: 11–12; Рахилина 2000с: 13).

В России чаще используется термин *когнитивная семантика*, указывающий на особое внимание данного направления к семантической проблематике (Маслова 2008: 26, 28). На сегодняшний день можно говорить о нескольких направлениях (научных школах) в российской когнитивной лингвистике, разграничение которых в определенной степени условно (подробнее см., например, Попова & Стернин 2007: 13–17).

2.4.1.3. Структура когнитивной лингвистики

Течения и подходы в рамках когнитивной лингвистики очень разнообразны, отличаясь друг от друга своими установками, методиками анализа, терминологическим аппаратом и пр. В некоторых обзорных работах предпринимаются попытки классификации направлений в современной когнитивной лингвистике. Однако следует признать относительность таких классификаций.

Условно когнитивную лингвистику можно разделить на два основных раздела – *когнитивную семантику* и *когнитивный подход к грамматике*:

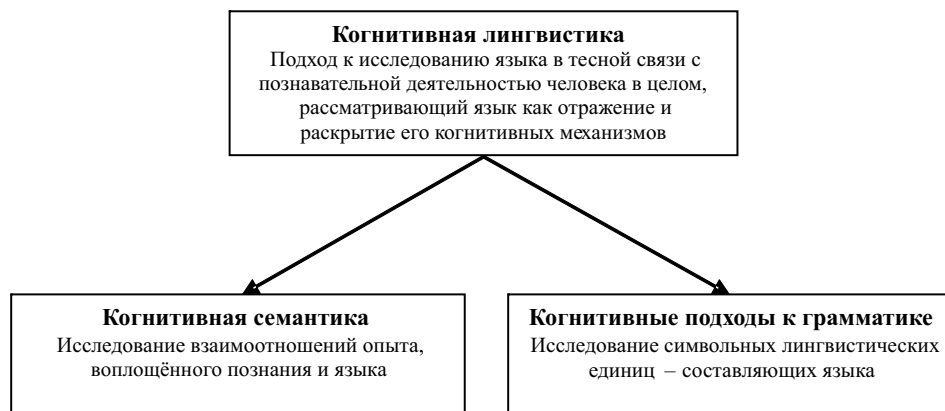

Схема 3. Исследование значения и грамматики в когнитивной лингвистике (по Evans & Green 2006: 50)

Когнитивная семантика касается исследования взаимоотношений опыта, концептуальной системы и семантической структуры, закодированной в языке. Иными словами, она рассматривает организацию знаний (*концептуальную структуру*) и понятийную классификацию (*концептуализацию*), т. е. пытается понять устройство человеческого разума и познавательной деятельности сквозь призму лингвистической семантики. (Evans & Green 2006: 48; Evans et al. 2007: 5) В отличие от этого, когнитивный подход к грамматике касается не столько разума, сколько устройства языковой системы (ментальной «грамматики»), отталкиваясь при этом от умозаключений когнитивной семантики, поскольку и в когнитивных подходах к рассмотрению грамматики значение является главным (Evans et al. 2007: 5).

Такое разделение несет формальный характер и призвано лишь для более ясного представления содержания когнитивной лингвистики как исследовательского направления. Между когнитивной семантикой и когнитивными подходами к грамматике нет четких границ, это не независимые друг от друга области исследования. Значение и грамматика, скорее, дополняют друг друга, являясь двумя сторонами одной медали: когнитивный подход к грамматике означает изучение языковых единиц и, следовательно, языковой системы в целом; когнитивный подход к семантике, в свою очередь, означает попытку понять, как языковая система касается концептуальной системы (Evans & Green 2006: 49). Несмотря на разделение на два ареала, большинством работ по когнитивной лингвистике признается необходимость исследования лексической семантики и грамматической организации совместно (Evans et al. 2007: 6). Неразделимость значения и грамматики демонстрируют и когнитивные теории, служащие теоретической базой данного исследования и описанные в некоторых последующих главах.

Более детальное графическое представление структурной организации когнитивной лингвистики с обозначением взаимосвязей между различными теоретическими подходами и выделением областей исследования можно видеть на схеме 4, которая также демонстрирует невозможность четкого разделения значения и грамматики и междисциплинарную природу когнитивной лингвистики:

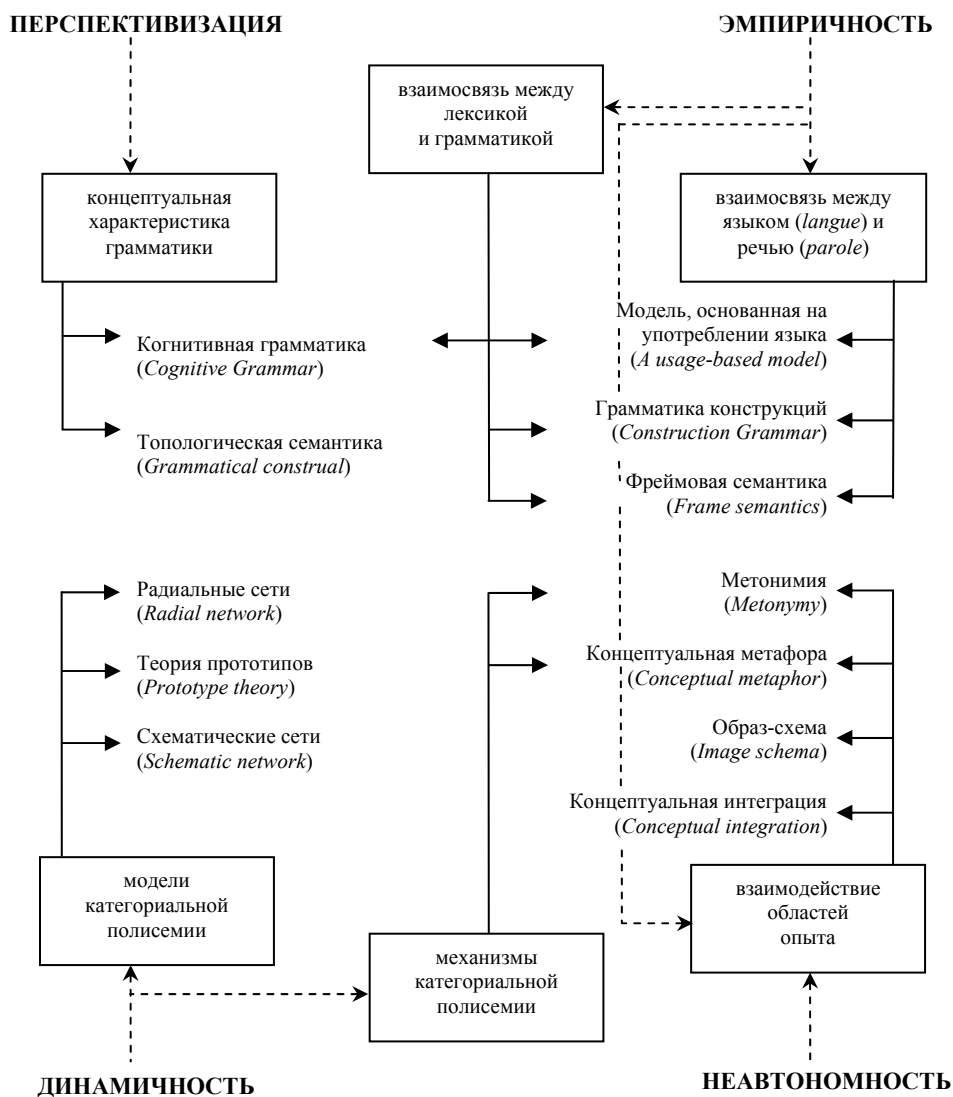

Схема 4. Схематическая структура когнитивной лингвистики (по Geeraerts 2006a: 19)

По углам схемы в качестве краугольных камней отмечены четыре основных принципа когнитивной лингвистики – перспективизация, эмпиричность, динамичность и неавтономность языка. Логическую связь между ними и двенадцатью концептами, занимающими в схеме среднее положение, представляют шесть областей исследования: концептуальная характеристика грамматики, взаимосвязи между лексикой и грамматикой, взаимосвязи между лингвистической структурой и языковым использованием,

поиск моделей полисемии, анализ механизмов полисемии, важность мышления на основе областей опыта. Стрелки указывают на ориентацию мотивированности от более общего к более частному. Например, механизмы категориальной полисемии являются одним из способов конкретизации динамического характера языкового значения, а концептуальная метафора, в свою очередь, – одним из этих механизмов. Промежуточный уровень между фундаментальными принципами когнитивной лингвистики и конкретными подходами к исследованию языка вносит в классификацию дополнительную тонкость. Введение областей исследования дает понять, например, что теория Р. Лангакера не только иллюстрирует зависящую от перспективизации природу грамматики, но также имеет дело с взаимосвязями между лексической структурой и морфосинтаксисом. Аналогично из схемы видно, что основанная на опыте природа грамматики включает не только вопросы освоения и архитектуры грамматики, но связана также и с областями опыта. (Geeraerts 2006a: 18, 20)

Используя термины категоризации (одна из стандартных тем в когнитивной лингвистике), можно сказать, что когнитивная лингвистика и сама структурируется на базе *фамильного сходства (family resemblance)* (Geeraerts & Cuyckens 2007a: 4).

2.4.2. Когнитивная грамматика Р. Лангакера

В соответствии с фундаментальными идеями когнитивной лингвистики, первичной функцией языка является категоризация (Кронгауз 2005: 264). В рамках рассмотрения вопросов категоризации изучение не только лексики, но и грамматики в тесной связи с лексикой видится возможным в когнитивной грамматике Р. Лангакера (Кронгауз 2005: 264).

Термин *когнитивная грамматика* может использоваться как в более широком, так и более узком смысле. В более широком смысле он близок и даже синонимичен термину *когнитивная лингвистика* (Кубрякова и др. 1997: 49). Кроме того, когнитивная грамматика может пониматься как общий термин для когнитивно ориентированных моделей языковой системы – когнитивных подходов к рассмотрению грамматики.

В более специальном смысле когнитивная грамматика является названием определенной теории. *Грамматика* здесь понимается широко, именно как «теория языка» (Скребцова 2011: 125). Как особый тип грамматического описания языка эта теория связывается с именем одного из теоретиков когнитивного направления в лингвистике Р. Лангакера. В этом значении когнитивная грамматика является одним из когнитивных подходов к описанию грамматики и ее следует рассматривать как часть когнитивной лингвистики. Во избежание путаницы и в целях выделения данной теории среди других когнитивных подходов к грамматике она зачастую называется по имени ее создателя когнитивной грамматикой Лангакера.

Именно в наиболее узком значении пойдет речь о когнитивной грамматике в этой главе. (О теории когнитивной грамматики Лангакера на русском языке см., например, Лакофф 1995: 143–184; Лангаккер 1992; Рахилина 2006: 370–389; Скребцова 2000: 110–136; Ченки 2006: 340–369; также см. Janda 2006; Langacker 1987; Langacker 1988: 49–90; Langacker 1991a; Langacker 1991b; Langacker 2006: 29–67; Langacker 2007: 421–462; Langacker 2008.)

2.4.2.1. Основные положения

Теория Р. Лангакера, развиваемая им с 1976 года, вначале называлась *пространственной* (*space grammar*) и лишь позже была переименована в когнитивную грамматику (Скребцова 2000: 110; Ченки 2006: 356; Langacker 1991a: 1). Первое всестороннее описание когнитивная грамматика получила в двух томах «*Foundations of Cognitive Grammar*» (Langacker 1987 и Langacker 1991b).

Анализ подобного рода во многом зависит от когнитивной интерпретации данных и общего понимания когнитивных способностей человека, что и отразилось в новом названии данной теории. Когнитивная грамматика основывается на тех же базовых принципах, что и когнитивная лингвистика в целом. Р. Лангакер резюмирует основные положения своей теории следующим образом:

«<...> эта модель предполагает, что язык не самодостаточен и не может быть описан без ссылки на когнитивные процессы <...>. Грамматические структуры не составляют автономную формальную систему или уровень репрезентации: вместо этого утверждается, что они символичны и предусматривают структурированную и конвенциональную символизацию концептуального содержания. Лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символьных единиц, лишь произвольно могущих быть разделенными на отдельные компоненты; в конечном счете, столь же бессмысленно анализировать грамматические единицы независимо от их семантического значения, как составлять словарь без включения в него значений лексических единиц. Кроме того, формальная семантика, основанная на условиях истинности, считается несоответствующей для описания значений лингвистических выражений. Одна из причин состоит в том, что семантические структуры характеризуются относительно знаний, объем которых неограничен. И второе – они отражают не только содержание ситуации, но также и то, как это содержание структурировано и истолковано»²⁹ (Langacker 1991a: 1)

²⁹ «<...> this model assumes that language is neither self-contained nor describable without essential reference to cognitive processing <...>. Grammatical structures do not constitute an autonomous formal system or level of representation: they are claimed instead to be inherently symbolic, providing for the structuring and conventional symbolization of conceptual content. Lexicon, morphology, and syntax form a continuum of symbolic units,

Предложенная вначале как радикальная альтернатива существующим теориям, развиваясь и совершенствуясь, когнитивная лингвистика заняла, скорее, промежуточное положение между формальным и функциональным подходом, что ясно отражено в том, что язык основывается на двух базисах – познании и социальном взаимодействии. Когнитивная лингвистика видится как теория, способная объединить и синтезировать результаты как когнитивной, так и функциональной традиции. (Langacker 2008: vii)

Когнитивная грамматика не является вариантом или прямым результатом ни одной другой лингвистической теории, а рассматривается в сочетании с многообразием современных исследовательских программ. Она сильно отличается в плане концепции организации грамматики и конкретных предложений относительно семантической структуры. (Langacker 1991a: 1–2)

2.4.2.2. Организация грамматики

Конечной целью лингвистического описания Р. Лангакер считает характеристику структур, составляющих языковую способность человека. Он характеризует языковое знание человека как *процедурное*, а не декларативное и определяет грамматику языка как *структурированный инвентарь конвенциональных языковых единиц* (*structured inventory of conventional linguistic units*), указывая тем самым, что грамматика не является порождающей и конструирующей. Термин *языковая единица* (*конструкция* в грамматике конструкций) обозначает *в совершенстве освоенную структуру* (*thoroughly mastered structure*), или когнитивный шаблон, которую говорящий может автоматически использовать как заранее собранный (*preassembled* или *prepackaged*) блок, не вникая в детали его внутреннего строения. Инвентарь структурирован так, что одни единицы могут функционировать как компоненты или подшаблоны других. (Лангакер 1992: 13, 15; Langacker 1987: 57; Langacker 1991a: 15; см. также Скребцова 2000: 111–113; Ченки 2006: 363–364) Структурированный инвентарь обычно представляется в виде таксономической сети, где каждая конструкция составляет узел сети (Croft & Cruse 2007: 262).

Грамматика предоставляет инвентарь символьных ресурсов, из которого составляются все более сложные структуры. На построение и пони-

divided only arbitrarily into separate components; it is ultimately as pointless to analyze grammatical units without reference to their semantic value as to write a dictionary which omits the meanings of its lexical items. Moreover, a formal semantics based on truth conditions is deemed inadequate for describing the meaning of linguistic expressions. One reason is that semantic structures are characterized relative to knowledge systems whose scope is essentially open-ended. A second is that their value reflects not only the content of a conceived situation, but also how this content is structured and construed». (Langacker 1991: 1)

мание речевых структур имеет воздействие не только языковая способность говорящего, но и его знание контекста, коммуникативные цели, эстетические суждения и любые другие аспекты общих знаний и когнитивных способностей. В результате новые структуры обычно отличаются от того, что могло бы быть алгоритмически выведено только из содержания языковых единиц, а зачастую даже противоречат ожидаемому результату (например, метафора или расширение значения). (Лангаккер 1992: 16; Langacker 1991a: 16)

В когнитивной грамматике постулируется три типа единиц: *семантические*, *фонологические* и *символьные*. Символьная единица «биполярна», имея семантический полюс (семантическая единица) и фонологический полюс (фонологическая единица): [[SEM]/[PHON]]. Иными словами, символьная единица есть сочетание значения и формы³⁰. Например, *pencil* ‘карандаш’ схематически изображается как [[PENCIL]/[pencil]], где прописными буквами обозначается семантическая структура слова, а строчными – фонологическая (орфографическое изображение). Т. е. когда мы думаем о карандаше PENCIL, мы автоматически выражаем это словом *pencil* и никак иначе. (Скребцова 2000: 113; Langacker 1991a: 16)

Морфемы, грамматические категории и конструкции, как и лексические единицы, также являются биполярными. Все они принимают форму символьных единиц и для описания грамматических структур, собственно, ничего более не требуется. Грамматические категории изображаются максимально схематично в виде схем построения (*constructional schema*): существительное как [[THING]/[X]], глагол как [[PROCESS]/[Y]] и т. д., где [THING] и [PROCESS] – абстрактные понятия, а [X] и [Y] – схематическое изображение фонологического содержания. (Скребцова 2000: 114; Ченки 2006: 364; Langacker 1991a: 16–17) Схемы построения слишком абстрактны и малополезны в коммуникативных целях, но они выполняют классифицирующую функцию, представляя общность ее разнообразных воплощений (Лангаккер 1992: 13).

Грамматическое правило или конструкция изображаются в виде одновременно сложной и схематической символьной единицы. Так, схема построения отглагольных существительных типа *teacher* ‘учитель’, *helper* ‘помощник’ и т. д. содержит схему глагола [[PROCESS]/[Y]] и грамматической морфемы [[ER]/[-er]] и выглядит как [[[[PROCESS]/[Y]]-[[ER]/[-er]]]. Реализуется схема, например, как [[[TEACH]/[teach]]-[[ER]/[-er]]]. Одна схема построения может являться компонентом другой и таким образом строятся более сложные схемы. Так, например, по схеме [[[[THING]/[X]]-[[PROCESS]/[Y]]-[[ER]/[-er]]]] регулярно образуются сочетания типа *pencil sharpener* ‘точилка для карандашей’, *taxi driver*

³⁰ Ср. в рамках грамматики конструкций под конструкциями обычно понимается единство значения и формы языковых выражений (Croft 2007: 463; Fillmore et al. 1988).

‘водитель такси’, *mountain climber* ‘скалолаз’ и т. д. При этом все элементы в квадратных скобках имеют статус языковых единиц. (Лангаккер 1992: 29–31; Скребцова 2000: 114–115; Langacker 1991a: 17–18) Семантический полюс составной структуры схемы построения представляет модель семантического построения, а фонологический полюс отражает темпоральную последовательность компонентов (Лангаккер 1992: 47–48), что в особенности наблюдается в схемах высокой сложности.

Лексика, морфология и синтаксис формируют единый континуум символьных единиц с различной степенью структурной сложности, конкретности, обобщенности, регулярности и пр. (Лангаккер 1992: 13–14; Скребцова 2000: 114; Ченки 2006: 364). Идея, согласно которой грамматика не строится на грамматических правилах с одной стороны и лексике с другой стороны, а состоит только из символьных единиц, как раз отличает когнитивную грамматику от генеративной грамматики (Geeraerts 2006: 7–8). Автор когнитивной грамматики утверждает, что «грамматика есть ни что иное, как модели (patterns) последовательного сочетания символических выражений для образования все более и более сложных выражений. Эти модели принимают форму схем построения, одни из которых включают другие в качестве составляющих» (Лангаккер 1992: 31).

Итак, вышеизложенное достаточно ясно демонстрирует, что Р. Лангаккер видит структуру грамматики языка иначе, чем это принято в традиционной парадигме. С одной стороны, он рассматривает ее несколько уже, поскольку видит в ней лишь однотипные символьные единицы. С другой стороны, его рассмотрение, наоборот, шире, поскольку грамматика охватывает язык целиком. (Vainik 1995: 26)

2.4.2.3. Значение в когнитивной грамматике

Значение в когнитивной грамматике приравнивается к *концептуализации*. Термин истолковывается достаточно широко: он охватывает как устойчивые понятия, так и впервые создаваемые концепты, а также сенсорный, кинестетический и эмотивный опыт человека, осознание им непосредственного физического, социального и языкового контекста речевых ситуаций и т. д. (Лангаккер 1992: 8, 9; Langacker 1991a: 2)

Толкование семантической структуры языкового выражения, называемой *предикацией* (*predication*), происходит, прежде всего, в фоновой системе, в которую входит выражаемое явление. Такой фоновой системой является семантическое пространство, состоящее из т. н. *когнитивных областей* или *доменов* (*cognitive domain*). (Скребцова 2000: 117; Langacker 1991a: 3)

«Все языковые единицы до некоторой степени контекстно-зависимы. Контекст, служащий для характеристики семантической единицы, упоминается как домен. Домены – обязательно когнитивные сущности <...>»³¹ (Langacker 1987: 147).

В качестве доменов могут служить любые виды концептуализации: опыт восприятия, концепт, концептуальный комплекс, сложная система знаний и т. д. Основная идея состоит в том, что одни концепты предполагают другие для своей характеристики. (Скребцова 2000: 117; Langacker 1991a: 3)

Домены образуют тот семантический фон, из которого выделяется концепт. К примеру, невозможно охарактеризовать понятие *гипотенуза*, не имея предварительного представления о прямоугольном треугольнике. Таким же образом понятие *локоть* предполагает в качестве когнитивной области понятие *рука*, *апрель* – понятие *год* и т. д. Это значит, что полное описание предикации должно объединить полное описание ее области и все иерархические уровни более основных концептов, от которых она зависит, вплоть до самых фундаментальных. (Скребцова 2000: 117; Ченки 2006: 358; Langacker 1991a: 3–4)

Идеология когнитивистики тесно связана с визуальными, образными представлениями и обычно концепты, как и другие теоретические конструкции этой теории, рисуются (ФДЧ). В качестве примера не визуального описания концепта обычно приводят всем известные списки свойств, характеризующих слова *bachelor* ‘холостяк’ или *mother* ‘мать’ (см., например, Lakoff 1987: 70–76).

К числу базовых, когнитивно несводимых областей (*basic domain*) Р. Лангакер относит опыт трехмерного пространства, время, гамму цветов, диапазон слышимых частот, шкалу температур, сенсорные ощущения, область вкусовых ощущений, эмоций и т. д. Некоторые предикации характеризуются по отношению к одной базовой области, например, цветовая гамма является таковой для понятия *красный*. Но в большинстве случаев для описания предикаций требуется ссылка на целый ряд когнитивных областей или *комплексную матрицу* (*complex matrix*). Р. Лангакер приводит в качестве примера достаточно обширную матрицу когнитивных областей для понятия *нож* (Langacker 1991a: 4–5):

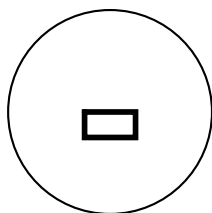
форма ножа
нож как режущий инструмент
нож как часть столового прибора
размер, вес, материал изготовления ножа
цирковые трюки с ножами и т. д.

³¹ «All linguistic units are context-dependent to some degree. A context for the characterization of a semantic unit is referred to as a domain. Domains are necessarily cognitive entities <...>» (Langacker 1987: 147).

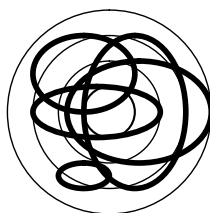
2.4.2.4. Энциклопедическая семантика

Для когнитивной грамматики характерна концепция *энциклопедической семантики*³² (см. Langacker 1987: 154–158; Langacker 2008: 39). Это означает, что семантическое содержание языковой единицы (сло́ва и т. д.) включает в себе все знания и опыт говорящего, которые она активирует в его сознании (Vainik 1995: 29). При этом одни детали содержания активизируются фактически при каждом использовании языковой единицы, являясь наиболее центральными, другие активизируются менее последовательно, а наиболее периферийные проявляются лишь в специальных контекстах. Поэтому следует говорить о степени *центрированности* (*centrality*) компонентов знаний, т. е. вероятности активации тех или иных аспектов в определенной ситуации использования языкового выражения. (Langacker 1987: 159; Langacker 2008: 39)

Для наглядности Р. Лангакер (Langacker 2008: 39) следующим образом изображает схему энциклопедической семантики в сравнении с т. н. словарным представлением лингвистического значения:

Словарная семантика

Энциклопедическая семантика

Схема 5. Схематическое изображение словарной и энциклопедической семантики (по Langacker 2008: 39).

Круг символизирует всю совокупность знаний говорящего о типе рассматриваемой единицы. В словарной семантике выделенный прямоугольник в центре круга обозначает небольшой дискретный набор характерных деталей, составляющих значение лексической единицы. В энциклопедической семантике серия концентрических кругов указывает на различную степень центрированности компонентов знаний. Каждый эллипс обозначает набор деталей, активизируемых в единственном случае. Таким образом, каждое использование может вызвать уникальный пример активации. (Langacker 2008: 38–39)

Разделение знаний на лингвистические и экстралингвистические, согласно принципу энциклопедической семантики, не важно, поскольку любые знания (в том числе, например, объем известной информации) влияют

³² Схожее явление названо Л. Талми (Talmy 2000: 21) *когнитивной репрезентацией*.

на поведение, значение и понимание выражений. Граница между собственно языковой и энциклопедической информацией произвольна.

2.4.2.5. Конструал

Для лучшего понимания языкового выражения недостаточно знать его фонтовую систему. Важна также внутренняя структура предикации. Смысл языкового выражения сводится не только к активируемому им концептуальному содержанию, но важно и то, как это содержание истолковано, рассмотрено (*construed*) говорящим, поскольку один объект или событие разными людьми может видаться и восприниматься по-разному (Danaher 2007). Смысл не является чем-то постоянным³³, а зависит от *конструала*³⁴ – способа восприятия, осмысления и интерпретации ситуации (*construal* в более поздних работах, например, в Langacker 2008, или *imagery* ‘образность, изображение’ в ранних работах, например, в Langacker 1991a):

«Выражаясь фигурально, содержание подобно сцене (явлению, действию), а конструал – видению сцены определенным образом. <...> То, что мы видим фактически, глядя на какую-либо сцену, зависит от того, насколько близко мы ее рассматриваем, на что конкретно мы смотрим, на какие элементы мы обращаем больше всего внимания и откуда мы на нее смотрим».³⁵ (Langacker 2008: 55)

Джон Тейлор (Taylor 2002: 589) определяет конструал как «процесс структурирования ситуации пользователем языка в целях ее лингвистического

³³ Значение языковой единицы чувствительно к контексту. Согласно экстремальному взгляду на связь значения и контекста, значение вне частных контекстов вовсе интеллигибельно, поскольку любое изменение в контексте вызывает изменение в семантическом содержании выражения (Cruse 2002: 30). Теория динамического конструала (*dynamic construal*, см. об этом Croft & Cruse 2004: 92–104) вообще утверждает, что на самом деле сами по себе слова не имеют смысла (Croft & Cruse 2004: 98) и лишь «конструалы, используемые по умолчанию» (*default construals*) создают иллюзию постоянства значения (Croft & Cruse 2004: 104).

³⁴ На русский язык *construal* возможно перевести как ‘толкование’ или ‘интерпретация’. Однако, содержание этого термина несколько шире, чем просто интерпретация. Поэтому во избежание кривотолков здесь используется оригинальный термин в кириллическом написании. Кстати, в отдельных случаях термин вообще дается в английской транскрипции (см., например, Соколова & Байдимирова 2011). Само понятие используется в психологии (см., например, Аронсон и др. 2002), однако в свете понимания языка как неотъемлемой части когнитивной деятельности человека процессы языкового конструала не отличаются от психологических.

³⁵ «It is hard to resist the visual metaphor, where content is likened to a scene and construal to a particular way of viewing it. <...> In viewing a scene, what we actually see depends on how closely we examine it, what we choose to look at, which elements we pay most attention to, and where we view it from». (Langacker 2008: 55)

выражения. Как правило, ситуация может быть рассмотрена альтернативными способами»³⁶.

Р. Лангакер выделяет следующие аспекты (*parameters of focal adjustments* ‘параметры фокусной корректировки’), призванные отразить конструал:

- спецификация (*specificity*), или конкретность
- фокусировка (*focusing*)
- выпуклость, или выделенность (*prominence*)
- перспектива (*perspective*)

2.4.2.5.1. Спецификация (*specificity*)

Языковые выражения имеют различный *уровень спецификации* или *конкретности* или, говоря альтернативными терминами, *степень детализации* (*granularity*) или *разрешение* (*resolution*). Спецификация предопределяет степень детализации информации: выражения с высоким уровнем спецификации описывают ситуацию более детально, и наоборот, чем меньше конкретности, тем схематичнее выражение. Таким образом, языковые выражения выстраиваются в своего рода иерархии, например *животное* → *пресмыкающееся* → *змея* → *гремучая змея* → *рогатая гремучая змея* (пример из Langacker 1991a: 7), где стрелкой обозначена ориентация от более схематичного к более конкретному выражению, т. е. каждое звено в этой цепочке является схематичным для следующего. (Langacker 2008: 55–56)

Схематизация имеет фундаментальное значение для познания. Также она играет значительную роль в процессе категоризации. Процесс схематизации происходит постоянно в любой области человеческого опыта. Когнитивная грамматика утверждает, что все лингвистические обобщения совершаются путем схематизации детальных структур. В семантике на основе схем и отношений категоризации выстраиваются семантические сети многозначных лексических единиц. Отношения схематичности важны не только для лексических единиц, но и для любых грамматических структур. (Langacker 2008: 55–56)

³⁶ «[The] process whereby a given state of affairs is structured by a language-user for purposes of its linguistic expression. Typically, a state of affairs can be construed in alternate ways» (Taylor 2002: 589).

2.4.2.5.2. Фокусировка (*focusing*)

Фокусировка включает в себя несколько моментов.

Выдвижение (*foregrounding*)

Выдвижение³⁷ концептуального содержания при обработке информации может быть метафорически описано как выделение *переднего плана* (*foreground*) и *заднего плана* (*background*) или фона. Выделенное содержание актуализируется относительно фона. Определенные виды выделенности (например, профилирование) могут считаться крайними случаями выдвижения или вынесения на передний план (актуализации). (Langacker 2008: 57)

Выделение переднего и заднего планов как метафорическое описание применимо к разным видам асимметрии. Как правило, они содержат отклонение от некоего основания и использование имеющегося опыта для интерпретации последующего. В перцепции это явление известно как *основание* или *обоснование* (*grounding*), базирующееся на различии *фигуры* (*figure*) и *фона* (*ground*). Также оно проявляется в категоризации: структура категоризации как основание для оценки находится на заднем плане, в то время как оцениваемая структура выдвигается на передний план. (Langacker 2008: 58)

Мы можем говорить о заднем и переднем планах в каждом случае, когда одна концепция предшествует появлению другой. Иными словами, языковые выражения предполагают фоновое знание как основание для их понимания.

Образование сложных структур (*composition*)

Большинство языковых выражений сложны по своей структуре, будучи собранными из меньших символических единиц (см. 2.4.2.2). Взаимоотношения между сложными выражениями и их составляющими соответствуют взаимосвязям между передним и задним планами. Иными словами, верхний и наиболее сложный по составу уровень многоуровневой структуры вынесен на передний план относительно остальных более низких уровней.

Разложимость (*analyzability*)

Сложные понятия рассматриваются на фоне составляющих семантических структур более низких уровней и различаются по *степени разложимости*³⁸, т. е. по тому, насколько салиентны составляющие подструктуры относительно сложного концепта. Вновь созданные выражения (например,

³⁷ Термин по Кубрякова 1997: 21–22.

³⁸ В российском языкознании соответствует понятию *внутренней формы* (Скребцова 2000: 126).

lipstick maker ‘производитель помад’ и т. п.) поддаются полному анализу, потому что они новые, а не предварительно собранные концептуальные единицы. Они построены на основе индивидуально символизируемых, т. е. когнитивно более выделенных, элементов (в данном примере *lipstick* и *maker*). (Langacker 2008: 61)

Согласно когнитивной грамматике (Langacker 1991a: 10; Langacker 2008: 61), значение сложного выражения включает в себя не только семантическую структуру, содержащую его совокупный смысл, но и т. н. *композиционный путь* или *путь составления* (*compositional path*) – порядок построения иерархии в виде конструкции из значений составных элементов выражения. Именно поэтому Р. Лангакер утверждает (Langacker 2008: 61), что никакие две сложные семантические структуры не могут быть идентичными, несмотря на вроде бы одинаковую совокупную значимость (*composite value*). Противопоставленные члены в парах типа *pork* ‘свинина’ и *pig meat* ‘мясо свиньи’ семантически неэквивалентны, поскольку достигают обозначаемых понятий разными композиционными путями. Понятие *pork* является семантической структурой с низкой степенью разложимости, не имеющей индивидуально символизируемых компонентов, его путь составления – вырожденный. В отличие от него, *pig meat* имеет когнитивно выделенные подструктуры (*pig* и *meat*) и поэтому содержит как сложную семантическую структуру (*pork*), так и указывает на существенность составляющих компонентов. (Langacker 1991: 10–11; Langacker 2008: 61–62)

Аналогичным образом дело обстоит с выражениями *triangle* ‘треугольник’ и *three-angled polygon* ‘треугольный многоугольник’. Понятия *три* и *угол* фигурируют в обоих выражениях, но менее существенны в первом, имеющем более низкую степень разложимости. В *three-angled polygon* эксплицируется принадлежность треугольника к многоугольникам, что не выделяется при употреблении *triangle*. Также семантически различаются *three-angled polygon* ‘треугольный многоугольник’ и *three-sided polygon* ‘трехсторонний многоугольник’ несмотря на содержание одинаковой информации. (Langacker 2008: 62)

Схожий принцип проявляется и в парах *father* ‘отец’ и *male parent* ‘родитель-мужчина’, *cousin* ‘кузен’ и *sibling’s child* ‘ребенок брата или сестры’ и т. д. (Langacker 1991: 10).

Сфера действия (*scope*)

Вещи могут видаться относительно разных областей по-разному. Поэтому в дополнение выдвигению вводится понятие *сферы действия* предикации, характеризующей каждую область в матрице когнитивных областей языкового выражения как некий фрагмент целого, служащий основанием для определения значения выражения.

Например, наш зрительный аппарат ограничивает то, что мы можем видеть в каждый конкретный момент времени, – это лишь часть нашего окружения. Аналогичное ограничение действует и в других областях когниции. Т. е. сфера действия всегда ограничена. Ограничение в абстрактном смысле не подразумевает наличие объективно заметных границ сферы действия предикации, оно может быть имплицитным, неточным, продиктованным субъективными рамками рассмотрения. (Langacker 2008: 62–63)

В случае некоторых выражений возникает необходимость различения максимальной сферы действия (*maximal scope*) в некоторой области, т. е. полный ее охват, и ограниченной непосредственной сферы действия (*immediate scope*), т. е. фрагмента матрицы областей, непосредственно важного для конкретной задачи. Их взаимоотношения могут быть описаны в терминах выдвижения: непосредственная сфера действия является выдвинутой на передний план относительно максимальной. (Langacker 2008: 63)

Различение максимальной и непосредственной сферы действия существенно для слов, связанных отношениями часть–целое. Рассмотрим пример. Ясно, что центральной в матрице когнитивных областей для концепта *локоть* является концепция человеческого тела. Однако локоть не характеризуется непосредственно относительно человеческого тела, а требует в качестве непосредственной когнитивной области концепцию руки. *Рука*, в свою очередь, становится непосредственной когнитивной областью для концептов *кисть* или *локоть* и т. д. Таким образом, выстраивается концептуальная иерархия, особенностью которой является то, что один концепт функционирует как непосредственная сфера действия для следующего, т. е. сферы действия различных концептов вложены друг в друга: *тело – рука – кисть – палец – сустав*. (Скребцова 2000: 124–125; Ченки 2006: 361–362; Langacker 1991a: 7–9; Langacker 2008: 63–64)

Части тела можно назвать самым ясным примером выделения сфер действия, но подобные иерархии имеются и в других областях человеческого опыта: *автомобиль – двигатель – поршень – кольцо* или *дом – дверь – петля – шуруп* (Langacker 2008: 64). Данное иерархическое представление имеет различные лингвистические проявления. Часть может быть маркирована сложным или составным словом, где первый элемент функционирует как непосредственная область для второго элемента: *fingertip* ‘кончик пальца’, *eyeball* ‘глазное яблоко’, *toilet seat* ‘сиденье для унитаза’, *piston ring* ‘поршневое кольцо’ и т. д. Результатом пропуска отдельных уровней иерархии могут быть неуместные выражения: например, о дверной петле *door hinge* неверно говорить **house hinge* ‘домовая петля’, а в качестве альтернативы *eyelash* ‘ресница’ невозможна комбинация **facelash* ‘лицевой хлыст’ и т. д. (Langacker 2008: 65)

2.4.2.5.3. Выпуклость (*prominence/salience*)

Выпуклость также является важным понятием когнитивной лингвистики. Прототипы характеризуются большей когнитивной выделенностью относительно других членов категории. Аналогично, категории основного уровня (*basic level category*) обладают большей выделенностью, нежели категории низшего или высшего порядка (Taylor 1995: 48; Taylor 2005: 50). Вообще, важное неравенство в плане выпуклости наблюдается между различными оппозициями: конкретное – абстрактное, реальное – мнимое, явное – скрытое и т. д. (Langacker 2008: 66).

Частными случаями выделения подструктур внутри предикации можно назвать *профилирование* (*profiling*) и *соположение траектора и ориентира* (*trajector/landmark alignment*). Обе эти структуры применяются строго в области семантики, а также полезны для грамматического описания.

Профилирование (*profiling*)

Концептуальное содержание служит некой основой для описания значения языкового выражения. Это *база* (*base*) – максимальная сфера действия (*scope*) всех когнитивных областей или матрицы областей в широком смысле слова, или непосредственная сфера действия активных когнитивных областей в узком смысле слова, относительно которой интерпретируется предикация. К примеру, для понятия *локоть* максимальной сферой действия является тело человека, а непосредственной сферой действия – рука. (Langacker 2008: 66; также см. рисунок в Langacker 2008: 64)

Определение сферы действия необходимо для концептуализации *профиля* (*profile*) – наиболее выделяемой подструктуры внутри основания, на которой фокусируется внимание. Иными словами, под профилем предикации подразумевается обозначающее ее языковое выражение, в то время как база есть энциклопедическое знание о том, что эта предикация обозначает. (Подробнее о профилировании см. Langacker 2008: 66–70.)

Профиль и база являются ключевыми в структуре схем (Рахилина 2006: 378), используемых Р. Лангакером для объяснения принципов конструирования языковых выражений. Профиль является наиболее выпуклой частью и в схеме выделяется жирным. Он несет семантическую ценность языковой единицы. Базой в схеме является все, кроме профиля. Взаимодействие между базой и профилем – это и есть семантическое содержание языковой единицы.

В качестве простого примера Р. Лангакер приводит слово *гипотенуза*, в схематическом изображении которого профилем является соответствующая сторона треугольника, а базой – сам треугольник. База может существовать без профиля – треугольник останется треугольником без выделения гипотенузы в качестве профиля. Однако профиль без базы теряет свою

семантическую ценность – просто отрезок уже нельзя назвать гипотенузой без наложения на треугольник. (Скребцова 2000: 119–120; Langacker 1991a: 5–6)

Теперь сравним понятия *радиус* и *гипотенуза*. Оба слова обозначают отрезки линии и вне базы они могли бы быть синонимами. Однако радиус предполагает в качестве базы понятие круга, а гипотенуза – понятие треугольника (Залевская 1999: 117). Иными словами, радиус и гипотенуза отличаются базами (или основаниями).

С другой стороны, на одной и той же базе могут быть профилированы разные детали. Например, общей концептуальной базой для понятий *локоть* и *кисть* можно считать как максимальную сферу действия в виде тела человека, так и непосредственную сферу действия в виде руки (см. рисунок в Langacker 2008: 64).

Выражение может профилировать как объекты (сущности), так и взаимоотношения между ними (см. Langacker 2008: 67–69, Langacker 2008: 98–100). Схематически взаимоотношения обозначаются линиями и стрелками, связывающими участников взаимоотношения. Имя профилирует предмет (Langacker 2008: 106), причем используемый в качестве технического термина *предмет* (или *вещь*) не ограничивается обозначением лишь физических объектов (Langacker 2008: 98). Глагол профилирует процесс (Langacker 2008: 112), происхождение которого во времени схематически маркируется временной стрелкой и передается произвольным количеством «срезов» развития взаимоотношений между участниками процесса (Langacker 2008: 99; см. также схему 6).

Также путем профилирования можно наглядно описать и объяснить явление метонимии, что есть не что иное, как смещение (*shift*) профиля. Иными словами, мы можем говорить о метонимии, когда выражение, обычно профилирующее один объект, вместо этого используется для профилирования другого объекта в той же самой когнитивной области.³⁹ (Langacker 2008: 69–70)

Все предикации в семантическом плане характеризуются наложением профиля на базу (Скребцова 2000: 120). Предикации могут быть двух типов: номинативные (*nominal*), к которым относятся существительные и именные фразы, указывают на сущности; реляционные (*relational*), к которым относятся глаголы, наречия, прилагательные, предлоги, падежи, послелогои и т. д., указывают на взаимоотношения между сущностями (Скребцова 2000: 120; Vainik 1995: 30).

В качестве наглядного примера Р. Лангакер предлагает сравнить семантику английских слов *go* ‘идти, уходить’, *away* ‘прочь’ и *gone* ‘ушедший’ (Langacker 1991a: 6–7; см. также Скребцова 2000: 121–122; Ченки 2006: 359–360):

³⁹ Для сравнения: в отличие от метонимии, метафора основывается на сходстве двух областей.

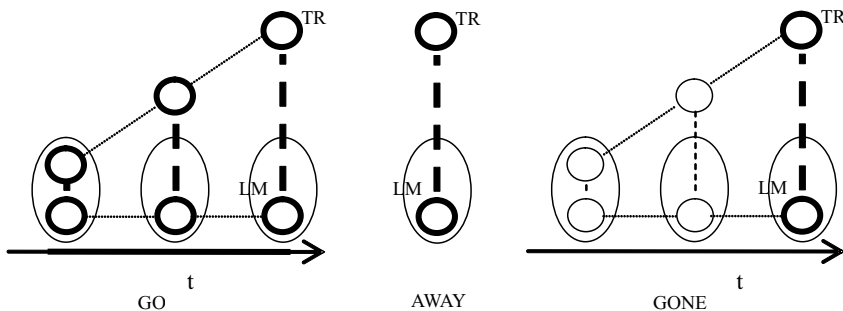

Схема 6. Схематическое изображение семантики английских слов *go*, *away*, *gone* (по Langacker 1991a: 6).

Все три схемы имеют схожие элементы. Глагол *go* обозначает процесс отдаления одного объекта от другого, неподвижного, и поэтому имеет в качестве когнитивных областей время и пространство. Схема передает последовательную смену состояний движущегося объекта (здесь схематично показано три состояния) относительно неподвижного ориентира во времени и пространстве. Все состояния образуют профиль⁴⁰. Точечные линии, соединяющие состояния между собой, указывают на то, что в течение всего времени в процессе фигурирует один и тот же движущийся (TR) и один и тот же неподвижный (LM) объект (Langacker 2008: 117). Наречие *away* характеризуется статичностью и поэтому предполагает в качестве когнитивной области лишь пространство. Схематическое изображение *away* повторяет последнюю конфигурацию в схеме *go*, показывая единичное состояние местонахождения траектора. Базой причастия *gone* является весь процесс, профилируемый глаголом *go*, однако профилируется только конечное состояние действия, как и в случае наречия *away*.

Однако, профилирование не единственная необходимая конструкция выделения подструктур внутри предикации.

Соположение траектора и ориентира (*trajector/landmark alignment*)

Будучи профилированы, участники отношений (фигуры в профиле) имеют различную степень выделенности. Участник, выделенный в большей степени, называется *траектор* (*trajector*). На нем сфокусировано основное внимание (*primary focus*), поскольку именно о его расположении, движении и пр. говорится в языковом выражении. Другая фигура, называемая

⁴⁰ Профиль процесса составляет как движущийся, так и неподвижный объект (*фигура* и *фон* соответственно в теории Леонарда Талми (см., например, Talmy 1975: 419; Talmy 2000: 311)). Поэтому отношения базы и профиля не повторяют противопоставление фона и фигуры. (Рахилина 1998: 293)

ориентиром или точкой отсчета (*landmark*), также когнитивно выделена, но является лишь вторичным семантическим фокусом (*secondary focus*), относительно нее определяется расположение траектора. (Langacker 2008: 70) Для выделения одного объекта относительно другого кроме пары *траектор–ориентир* в некоторых других лингвистических теориях используются также термины *figure* и *ground*, *locans* и *locatum*, *relans* и *relatum* и т. д. (Svorou 1994: 9).

Одни объекты скорее, чем другие, могут служить в качестве ориентира. Это, как правило, более крупные, недвижимые, сразу различимые и т. п. объекты (см. Talmy 2000: 183). Относительно них определяется положение меньших по размерам, более мобильных, менее различимых и пр. объектов. Однако больший размер не всегда является решающим в выборе ориентира: относительно небольшой объект может служить точкой отсчета, например, в силу его культурной значимости (Svorou 1994: 11).

Для понимания значения языковой единицы необходимы оба, как траектор, так и ориентир. Выражения могут иметь одинаковое содержание и профилировать те же самые отношения, но при этом отличаться по значению, поскольку в них различаются траектор и ориентир. (Langacker 2008: 70)

Предлоги *above* ‘над’ и *below* ‘под’ не являются синонимами, однако имеют одинаковое содержание: оба указывают на взаимное расположение двух предметов на вертикальной оси. Более того, выражаемые ими отношения совпадают: $X \text{ above } Y = Y \text{ below } X$. Отличие состоит лишь в разной степени выделенности участников этих отношений, т. е. в выборе траектора и ориентира: $X \text{ above } Y$ указывает на расположение X , а $Y \text{ below } X$ – на расположение Y . (Langacker 1991a: 9; Langacker 2008: 71)

Траектор и ориентир могут использоваться в рассмотрении положения не только физических объектов, но и чувств, ощущений, эмоций, ситуаций, а также абстрактных отношений, как то, темпоральное значение и т. д. (Svorou 1994: 9). Например, в случае одинаково профилированных слов *before* ‘до’ и *after* ‘после’, равно как и с предложениями *above* и *below*, отличие состоит также в выборе траектора и ориентира.

Асимметричная выделенность траектора и ориентира наблюдается в случае отражения как динамических, так и статических конфигураций. Также многие реляционные предикации могут иметь лишь одного участника в центре внимания. Например, в профиле глаголов типа *come* ‘приходить’ и *arrive* ‘прибывать’ фигурирует траектор, но нет ориентира (см. схему 3.8 в Langacker 2008: 69). (Подробнее см. Langacker 2008: 71–72.)

Для наглядности Р. Лангакер широко использует схематические рисунки. Предлагаются не точные и подробные толкования языковых единиц, а лишь условные схемы – зато такие, которые можно сравнить друг с другом (Рахилина 2006: 379). Следует заметить, что они должны сопровождаться вербальным комментарием или вербальной интерпретацией (Кронгауз 2005: 62). В схематических рисунках используются различные

условные обозначения, пометы, стрелки, линии и пр., имеющие определенные функции, при необходимости вводятся оси времени и пространства. Траектор обозначается TR, а ориентир – LM. Как важные детали в схеме могут присутствовать *наблюдатель V (viewer)*, *точка зрения VP (vantage point)*, *реципиент R (recipient)*, *поле зрения PF (perceptual field)* и т. д. (Скребцова 2000: 120)

2.4.2.5.4. Перспектива (perspective)

Данный аспект конструала предполагает наличие *наблюдателя (viewer или conceptualizer)*. Если концептуализацию можно метафорически назвать рассмотрением ситуации, то перспективу условно следует назвать *организацией обозрения*.

Организация обозрения (viewing arrangement)

Организация обозрения отражает взаимосвязь между наблюдателями и наблюдаемым, где наблюдателями являются говорящий и слушатель, осуществляющие языковую интерпретацию ситуации.

По умолчанию собеседники (говорящий и слушатель = наблюдатели) находятся в одном определенном месте, с которого они наблюдают и описывают происходящее вокруг них, например *it's warm here* 'здесь тепло' при общении лицом к лицу. Из-за статуса «по умолчанию» данный тип организации обозрения, так сказать, невидим, но становится более видимым, когда мы рассматриваем различные отклонения от него: содержание последнего примера в ситуации телефонного разговора будет касаться лишь говорящего, но не слушателя.

Важность организации обозрения наблюдается и во многих других ситуациях. Рассмотрим следующие примеры из Langacker 1991a: 12 и Langacker 2008: 75:

- a) *The hill falls gently to the bank of the river* 'Холм плавно спускается к берегу реки'
- b) *She's been asleep for 30 miles* 'Она проспала 30 миль'
- c) *The trees are rushing past at 90 miles per hour* 'Деревья проносятся со скоростью 90 миль в час'

В примере (a) ничего не спускается кроме ментального взгляда наблюдателя. В примере (b) продолжительность сна характеризуется посредством не временного, а пространственного расстояния. И наконец, в примере (c) в действительности находящийся в движении наблюдатель (например, едет на поезде) описывает наблюдаемое им посредством представления организации обозрения «по умолчанию», согласно которой, он имеет статическое положение.

С понятием перспективы тесно связаны такие факторы как ориентация и точка наблюдения (Langacker 1991a: 315).

Точка наблюдения

Во многих выражениях предполагаемая *точка наблюдения* или *положение в пространстве* (*vantage point*) непременно требуется в качестве составляющей их значения. Таковыми являются, например, дейктики. Также, например, в выражениях типа *in front of* ‘перед’ и *behind* ‘за’ она определяет расположение траектора по отношению к ориентиру. По умолчанию точка наблюдения – это фактическое местоположение говорящего и слушателя. Однако, это далеко не всегда так:

«Конечно, точка наблюдения, служащая для лингвистических целей, не должна обязательно совпадать с актуальным местоположением говорящего. Мы легко можем принять фиктивную точку наблюдения и представить, каким образом сцена видится оттуда. <...> Способность фиктивно принимать положение в пространстве или, по меньшей мере, приспособливаться к точке наблюдения позволяет нам описывать ситуацию с позиции слушателя или какого-либо иного индивида»⁴¹ (Langacker 2008: 76)

С таким же успехом точка наблюдения как описательная структура применима к другим, «непространственным» когнитивным областям, например ко времени (Langacker 1991a: 316; Langacker 2008: 76–77).

2.4.2.5.5. Субъективность – объективность изображения ситуации

С точкой наблюдения тесно связан еще один важный, хоть и едва уловимый аспект отражения ситуации – асимметрия *субъективности* (*subjectivity*) и *объективности* (*objectivity*) изображения ситуации, с помощью которых наблюдатель анализирует объект или ситуацию. Термины «субъективность» и «объективность», а также производные от них используются здесь в качестве технических терминов и не заключают в себе того же самого значения, как если бы мы говорили, например, о субъективном (личном, уникальном) и объективном (беспристрастном, основанном на твердых фактах) суждении (Langacker 1991: 316). В качестве иллюстративного объяснения сути этого явления Р. Лангакер описывает ситуацию наблюдения зрителем (субъектом) происходящего на театральной сцене

⁴¹ «Of course, the vantage point assumed for linguistic purposes need not be the speaker's actual location. We can easily adopt a fictive vantage point and imagine what the scene would look like from there. <...> This capacity to fictively adopt or at least accommodate a nonactual vantage point enables us to describe a situation from the perspective of the hearer or some other individual» (Langacker 2008: 76).

(объекта) (Langacker 2008: 77; см. также схему 7 в настоящей работе или схему 1 в Langacker 1991a: 317). Максимальная объективность восприятия достигается, когда объект отделен от наблюдателя и целиком расположен в поле его зрения, а наблюдатель полностью поглощен наблюдаемым. Включение наблюдателя внутрь ситуации характеризуется максимальной субъективностью. Большая часть случаев располагается на шкале между этими двумя крайними точками. (Подробнее об этом см. Langacker 1987: 128–132; Langacker 1991a: 316–318; Langacker 2008: 77.)

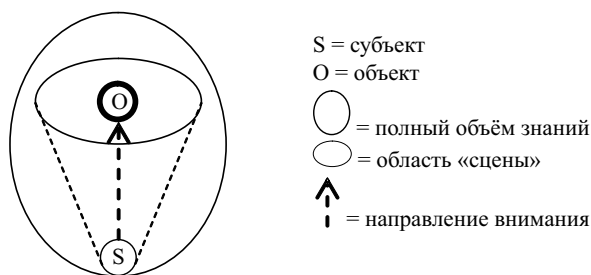

Схема 7. Схематическое изображение субъективности и объективности интерпретации (по Langacker 2008: 260).

Когнитивная грамматика Р. Лангакера, безусловно, наиболее полная и обстоятельная теория грамматики когнитивного лингвистического лагеря (Broccias 2006: 108; Evans et al. 2007: 24). Она имеет как различия, так и черты, общие с другими когнитивными моделями исследования языковых структур, такими как грамматика конструкций (*construction grammar*) Адель Голдберг (см. Goldberg 1995; Goldberg 2003: 219–224), радикальная грамматика конструкций (*radical construction grammar*) Уильяма Крофта (Croft 2007: 463–508) или теория блендов, известная также как концептуальная интеграция или смешивание (*conceptual integration/blending*) (см., например, Turner 2007: 377–393). Все они разделяют предположение, что язык не должен изучаться вне связи с другими когнитивными способностями человека; что он не состоит только из синтаксиса и лексики; что конвенциональные языковые единицы (конструкции), составляющие грамматику, могут быть любой длины и сложности и зачастую эти конструкции предварительно собраны и готовы для использования, их не надо «производить» каждый раз заново. (Broccias 2006: 108–109)

Тем не менее, несмотря на значительное единодушие в плане представления грамматики, важные различия между когнитивными подходами к грамматике состоят в том, что в них на первый план выдвигаются разные аспекты грамматики (Broccias 2006: 109).

2.4.3. Организация значения. Полисемия

Полисемия свойственна естественным языкам (Taylor 2003: 637), будучи регулярным и неизбежным языковым явлением. Поэтому она является одним из центральных вопросов семантики, лексикографии, перевода, изучения естественных языков (Taylor 2003: 637) и не может быть игнорирована семантическими теориями.

Парадокс состоит в том, что если в поиске объяснения явления полисемии лингвисты сталкиваются с множеством проблем, то в случае обычных носителей языка многозначность языковых единиц редко препятствует коммуникации, ведь обычно мы неосознанно, безо всяких усилий выделяем подходящий смысл из некоторого количества значений слов (Ravin & Leacock 2002: 1; Taylor 2003: 647). И это притом, что огромная масса слов имеет два и более значения, а наиболее общеупотребительные слова имеют тенденцию быть наиболее полисемичными (Ravin & Leacock 2002: 1). Чем более употребительным и распространенным является средство выражения, тем больше значений оно, как правило, имеет. Полисемия языковой единицы коррелирует с ее частотностью. (Leino 1993: 172)

Даже в случае наличия у лексемы трех значений возможны два типа связи между ними. При *радиальном* типе имеется пересечение всех трех значений. Их общая часть называется *инвариантом*. При *цепочечном* типе связи пересечения всех трех значений не наблюдается, крайние компоненты цепи связаны между собой посредством среднего. В этом случае выбирается *главное значение*, наименее зависимое от контекста (Курилович 2000: 184), от которого образованы остальные. В случае большего количества значений полисемия может быть и смешанного типа. Таким образом, значения могут формировать достаточно сложные и разветвленные *семантические сети* – структуры значений, связанных различными отношениями. (Кронгауз 2005: 126–128)

Не только лексические единицы, но и грамматические морфемы обладают широко разветвленной семантической структурой. Большинство показателей в языках мира являются многозначными, ведь иначе была бы необходимость в бесконечном множестве морфологических единиц (Ганенков 2002: 36, 37). В случае суффиксальной полисемии могут быть применены те же подходы и модели рассмотрения, что и в случае лексической многозначности.

Однако, традиционные подходы к описанию многозначности – «инвариантный» и «списочный» – не могут не вызывать сомнений и вопросов. Так, редко возможно найти инвариант, охватывающий все контекстные употребления языковой единицы, чаще же поиск такового приводит к абстракции настолько высокой степени, что теряется смысл его использования. В особенности это касается грамматических показателей. В случае «списочного» подхода, обычно реализуемого в словарях в виде перечисления множества значений, напрашивается вопрос, каким образом носители языка ориентируются в этом множестве. И даже если человек тео-

ретически может запомнить огромное количество единиц, то почему значения, тем не менее, организованы с помощью полисемии? (Рахилина 1998: 297–298)

Когнитивистика имеет особый подход к объяснению явления полисемии: с точки зрения когнитивной лингвистики изучение полисемии означает рассмотрение ее в качестве формы категоризации (Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 140).

2.4.3.1. Семантические сети

Семантическая сеть (*semantic network*) является одним из способов систематизации и представления знаний, соответствующим современным представлениям об организации долговременной памяти человека. Несмотря на варьирующуюся от автора к автору терминологию, структуру и пр. различных вариантов семантических сетей, основной формой их представления является граф, в котором вершины (узлы семантических сетей), соответствуют концептам, а направленные дуги (или ребра), соединяющие вершины, – отношениям между узлами-концептами.

По количеству типов отношений сети могут быть однородными (с одним типом отношений) и обозначаться одной стрелкой и неоднородными (количество типов отношений больше двух). Неоднородные сети более сложны для исследования.

По типам отношений сети бывают бинарными, связывающими два понятия. Бинарные отношения изображаются в виде стрелки между двух концептов. Также бывают N-арные сети, связывающие несколько концептов. При этом возникает сложность изображения подобных связей на графе таким образом, чтобы не запутаться.

Наиболее часто в семантических сетях используются отношения связи типа «часть–целое» (класс–подкласс, элемент–множество и т. п.), а также функциональные связи (определяемые обычно глаголами *производит, влияет* и т. д.), количественные (*больше, меньше, равно* и т. д.), пространственные (*далеко от, близко от, за, под, над* и т. д.), временные (*раньше, позже, в течение* и т. д.), атрибутивные (иметь свойство, иметь значение и т. д.), логические связи (*и, или, не*) и др. Количество типов отношений в семантической сети определяется ее создателем. В реальном мире количество отношений огромно. Между понятиями может даже использоваться, например, отношение «совершенно разные вещи» или «не имеют отношения друг к другу» (*солнце и кухонный чайник*).

Некоторые отношения между концептами представляют собой лингвистические падежи, такие как агент, объект, реципиент и инструмент. Другие означают временные, пространственные, логические отношения и отношения между отдельными предложениями.

В лингвистике отношения фиксируются в словарях и в тезаурусах. В тезаурусах в статье каждого термина могут быть указаны все возможные его связи с другими родственными по теме терминами.

Данная информационная модель удобна для представления и восприятия семантики естественного языка вообще и многозначности в частности. Однако ее недостатки проявляются, когда мы начинаем строить более сложные сети или пытаемся учесть особенности естественного языка.

2.4.3.2. Теория прототипов

Теория прототипов (*prototype theory*) представляет собой взгляд на полисемию как на категоризацию особого рода, в основе которой лежат прототипы, поэтому и сам подход часто называется прототипическим. Прототипическое представление значения считается центральным для когнитивного направления (Рахилина 2000с: 10). Данный подход к явлениям категоризации связывается с именем Элеоноры Рош (например, Rosch 1975) и других представителей когнитивной психологии. Понятие прототипа было введено Э. Рош в ходе исследований организации человеком естественных категорий (первые ее работы касались психологии восприятия цвета и пр.). В когнитивной психологии описывается две модели формирования прототипов: модель центральной тенденции, согласно которой, прототип – это хранящаяся в памяти абстракция, нечто среднее из всех экземпляров; модель частоты признаков, согласно которой, прототип – наиболее репрезентативный пример, отражающий наиболее часто встречающиеся признаки, свойственные некоторому набору экземпляров (Солсо 1996: 99).

Т. н. классический взгляд на категорию и показавший его несостоятельность витгенштейновский подход к категоризации представляются своего рода крайностями в рассмотрении вопроса. В платоновской традиции категории строго дискретны и основаны на соответствии членов категории некоторому списку обязательных свойств, в ней не допускается никакая двусмысленность или «степень членства» – объект либо принадлежит к категории, либо нет, но никак не может быть, так сказать, отчасти членом (*partmember*) категории (Givón 2001: 29).

Другой подход связывается с недискретностью, размытостью границ, случайностью в определении и именовании вещей (Кубрякова и др. 1997: 140). На взгляд Людвига фон Витгенштейна, значение крайне зависимо от контекста (Витгенштейн 1994: 94–95) и управляемо использованием (Витгенштейн 1994: 99). Категориальные взаимосвязи строятся на основе *фамильного (семейного) сходства (family resemblance)* (Витгенштейн 1994: 111; см. также Givón 2001: 30), т. е. члены одной категории могут объединяться по наличию каких-либо сближающих признаков, без обязательного соответствия необходимым свойствам, характеризующим категорию:

«<...> мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их «семейными сходствами», ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п.» (Витгенштейн 1994: 111)

Теория прототипов отказывается от обеих крайностей и занимает среднее положение между платоновским и витгенштейновским подходами к категоризации, являясь в некотором роде компромиссным вариантом (см. Givón 2001: 31–33). Согласно этому подходу, важно не только сочетание признаков, но и степень их значимости для отнесения объекта к определенной категории.

В основе теории прототипов лежит представление о том, что все категории имеют внутреннюю структуру, состоящую из центра и периферии (Кронгауз 2005: 115; Lakoff 1987: 41). Иными словами, одни члены категории являются более репрезентативными, чем другие. Прототип является «наилучшим примером» (*the clearest case, best example* (Rosch 1975: 193, 199)), эталонным членом категории и по нему можно опознать всю категорию в целом (Кронгауз 2005: 115). Тем самым, члены категории между собой не равны, что дает основание говорить о более и менее типичных членах категории (Скребцова 2000: 89), связанных между собой отношениями семейного сходства. В асимметрии между представителями категории заключается *эффект прототипичности* (Lakoff 1987: 41): более типичные располагаются ближе к центру, т. е. к прототипу, менее типичные – ближе к периферии. Степень членства в категории отражается в расстоянии остальных представителей категории от прототипа. И нет никакого установленного предела, насколько «далеко» они могут отступать от прототипа и все еще принадлежать к категории, если категоризатор проницателен или достаточно умен, чтобы найти некую черту сходства с типичными представителями. (Langacker 1991a: 266)

Центр является более значимым и устойчивым, а периферия менее существенна. Все значения, тем не менее, сводимы в единую сеть. Каждое значение в сети соединено с одним или несколькими другими, при этом стрелка указывает на направление от более центрального к более периферийному. Особенностью данной методики является возможность сопоставления одного значения сразу с несколькими схемами. (ФДЧ)

Со временем категория может дополняться новыми представителями, а прототипы могут меняться. Например, прототипические 50 лет назад велосипеды и автомобили ныне являются лишь маргинальными представителями своих категорий (Taylor 1995: 58).

Прототипы и концептуальные сети, центральными представителями в которых являются прототипы, не являются объективными особенностями мира, а представляют собой когнитивные конструкции, отражающие субъективное суждение о мире (Danaher 2007). Т. е. гибкость категорий, орга-

низованных вокруг прототипов, проявляется не только при эволюции языка, но и в индивидуальном употреблении человека (Кубрякова и др. 1997: 144). Кроме того, выделение прототипов обусловлено и культурными особенностями.

Исследования Э. Рош дали еще один важный результат – выделение *базисного уровня* категоризации (Кронгауз 2005: 116). Так был назван уровень, промежуточный между высшим и низшим в иерархии категорий (Кубрякова и др. 1997: 14). Как раз срединные категории являются психологически базисными. Именно концептами и категориями этого среднего уровня, а не самыми фундаментальными категориями оперирует человек в своей каждодневной жизни. (Кронгауз 2005: 148; Кубрякова и др. 1997: 15)

Психологическая базисность проявляется и в языке. Единицы базисного уровня обычно высокочастотны, структурно просты и исключительно информативны, они первыми усваиваются и образуют совокупность единиц, известную большинству говорящих и т. д. (Кронгауз 2005: 148; Кубрякова и др. 1997: 15).

Теория прототипов как подход к вопросам категоризации была заимствована лингвистами для описания структурной организации категорий и значений в языке. Прототипический подход получил развитие в работах Дж. Лакоффа (см., например, Lakoff 1987) и др. Поскольку язык неразрывно связан с общим когнитивным аппаратом (Lakoff 1987: 58), то языковые категории должны быть такими же категориями, иметь ту же структуру и вести себя так же, как другие когнитивные категории в нашей концептуальной системе (Янда 2000: 8; Lakoff 1987: 58). Это означает, что и в них должны наблюдаться прототипические эффекты. Дж. Лакофф наглядно демонстрирует это на примере маркированности (Lakoff 1987: 59–61), а также приводит примеры проявления прототипических эффектов в языковых категориях всех уровней из работ других авторов (Lakoff 1987: 61–67).

Центральные члены категории (более близкие к прототипу) проявляют иные характеристики, чем нецентральные: они обладают лучшей распознаваемостью, более быстрой идентификацией и усваиваемостью, большей частотностью и т. д. (Кронгауз 2005: 264–265; Lakoff 1987: 41–42). Обычно в качестве прототипического фигурирует наиболее конкретное, например пространственное, значение (Кронгауз 2005: 265). Периферийные значения обычно более абстрактны и в диахроническом плане являются более поздними, также они более ограничены в сочетаемости (Ченки 2006: 350).

Прототипический подход позволяет описывать нередко встречающиеся «проблемные» факты (например, некие периферийные употребления), демонстрируя их принадлежность к категории и объясняя их связь с прототипом. Вообще, когнитивная лингвистика учитывает все варианты (Янда 2000: 15) и при всей важности самой теории постоянно уточняется и

проверяется фактами (Янда 2000: 5, 14; Janda 2006: 6). По ходу описания семантические сети могут все больше усложняться, но в силу того, что их структура опирается на взаимосвязи, сохраняется постоянная ссылка на прототип и близких к нему членов категории. Исследователь же может оперировать необходимой ему детальностью сети без угрозы нарушения целостности категории. (Janda 1993: 6)

Данная модель предлагает гибкую трактовку взаимосвязей между значениями языковой единицы, т. е. между членами категории, помогая определять все усложнения постепенно, посредством уточнения или аппроксимации (Кубрякова и др. 1997: 143). Однако следует согласиться с Анной Вежбицкой (1996) и не противопоставлять прототипический подход другим, считая только его истинным: одно не должно исключать другого. Прототипы могут быть полезными в качестве одной из частей семантического анализа и только в сочетании с вербальными толкованиями, а не вместо них (Вежбицкая 1996: 215).

Прототипический подход применяется многими лингвистами для объяснения значения языковых единиц.

2.4.3.3. Радиальные сети

Значения полисемичных языковых единиц организуются в семантические сети, образуя категории, подверженные эффектам прототипичности. Различные употребления связаны между собой отношениями «семейного сходства» и образуют структуру радиального типа. От наиболее прототипических представителей, находящихся в центре общей структуры, отходят цепочки (отсюда – радиальная структура) менее представительных членов (см. Янда 2000: 8; Lakoff 1987: 40–46).

«В радиальных категориях менее центральные подкатегории понимаются как разновидности более центральных категорий»; «Эти разновидности произведены от центральной модели не по общим правилам; вместо этого они образуют цепь путем соглашения и должны рассматриваться один за другим. Расширения ни в коем случае не беспорядочны»⁴² (Lakoff 1987: 91)

Центральный представитель радиальной категории устанавливает когнитивную модель, мотивирующую нецентральные значения. Значения, сгруппированные вокруг центральной категории, связаны посредством множества возможных связей. (Lakoff 1987: 91; Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 148)

⁴² «Within radial categories in general, less central subcategories are understood as variants of more central categories»; «These variants are not generated from the central model by general rules; instead, they are extended by convention and must be learned one by one. But the extensions are by no means random» (Lakoff 1987: 91).

Важно то, что в этих структурах нет обязательного соблюдения необходимых условий принадлежности к категории в виде одной или нескольких общих для всех членов отличительных особенностей (Янда 2000: 8; Janda 2006: 14). Понимание значения связывается с прототипом, а не с необходимым списком условий, которым должна удовлетворять языковая форма, чтобы считаться правильно употребленной. С увеличением «расстояния» от прототипа сходство с ним уменьшается. Также один представитель категории может иметь несколько разных связей с прототипом, что естественно для естественного языка (Янда 2000: 10).

Радиальная структура хорошо объясняет полисемию, поскольку показывает единство всей категории при разнообразии ее членов (Янда 2000: 9). Такие сети часто используются когнитивистами в качестве метода описания значений языковой единицы, причем одинаково успешно как для объяснения лексической семантики, так и при анализе многих грамматических явлений (Янда 2000: 9). По словам Дж. Лакоффа (Lakoff 1987: 463), вообще грамматика есть «радиальная категория *грамматических конструкций*, где каждая конструкция соединяет когнитивную модель (характеризующую значение) с соответствующими аспектами языковой формы»⁴³.

2.4.3.4. Сетевые модели

Сетевая модель (*network model*), предлагаемая Р. Лангакером (см., например, Langacker 1991: 2–3) в качестве способа описания многозначности языковой единицы, отражает принципы организации и хранения информации в сознании человека. Сетевая модель, постулируемая как когнитивно адекватный способ представления полисемии, предлагается в качестве альтернативного, в некотором роде промежуточного между традиционным «инвариантным» и «списочным» описанием полизначности языковой единицы (Рахилина 2006: 382).

Данная модель представляет собой «синтез теории прототипов и категоризации на базе схем» (Langacker 1991a: 266). Она отражает принцип описания полисемии, согласно которой, все значения и конкретные употребления – узлы сети – взаимосвязаны и каждое значение может «породить» новое, образуя, таким образом, некую сеть (Рахилина 2006: 383):

⁴³ «a radial category of grammatical constructions, where each construction pairs a cognitive model (which characterizes meaning) with corresponding aspects of linguistic form» (Lakoff 1987: 463).

«<...> часто используемая морфема или лексическая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов. Они формируют определенную сеть, в которой одни смыслы являются прототипическими, а другие составляют расширения или уточнения прототипических смыслов или друг друга»⁴⁴ (Langacker 1991a: 35)

Значения и подзначения в сети связаны между собой отношением *схематизации* (*schematicity*) (фактически отношением генерализации/специализации (Скребцова 2000: 130)) или же отношением *расширения* (*extension*) значения. В качестве «образцового» примера обычно приводится сетевая модель для значений слова *ring* ‘кольцо, круг’ в английском языке:

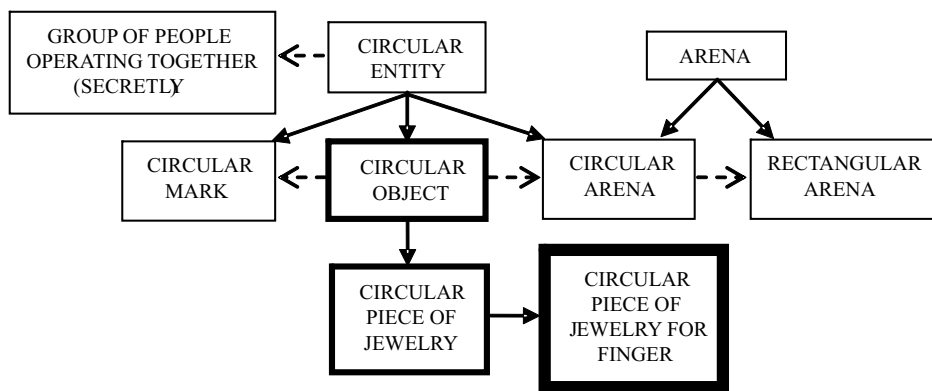

Схема 8. Семантическая структура слова *ring* (по Langacker 2008: 37).

В семантической структуре данного слова отношения схематизации, обозначенные на рисунке сплошными стрелками, связывают значение ‘нечто круглое’, например, со значениями ‘окружность’ и ‘круглый объект’ (в обоих случаях имеется в виду что-то круглое), а ‘круглый объект’, в свою очередь, со значением ‘круглое ювелирное изделие’. Обозначенные пунктирными стрелками отношения расширения значения в данной схеме связывают, например, ‘нечто круглое’ со значением ‘«кружок», (подпольная) группа людей’ (здесь можно наблюдать метафорический перенос значения).

Не все узлы в сети имеют одинаковый «вес». Например ‘нечто круглое’ является своего рода высшей точкой в схеме, а отходящие от нее стрелки фактически указывают на спецификацию. Также некоторые значения

⁴⁴ «<...> a frequently-used morpheme or lexical item has a variety of interrelated senses. They can be thought of as forming a network, where some senses are prototypical, and others constitute either extensions or specializations of prototypical value or of one another» (Langacker 1991a: 35).

могут быть относительно других более центральными, или прототипическими (помещены в жирные рамки). Например, *ring* как ‘круглое ювелирное изделие на палец’, т. е. ‘кольцо’ в нейтральном контексте имеет наибольшие шансы быть активированным.

В настоящем примере легко выделяются узлы и однозначно устанавливаются отношения между ними. В более сложных случаях их выделение не так очевидно и подчинено воле исследователя (Рахилина 2000с: 10).

Нельзя сказать определенно, насколько далеко «вверх» в процессе схематизации и насколько далеко «вниз» в процессе специализации говорящие могут развернуть сеть (Langacker 1988: 52; Langacker 1991a: 267). Конфигурация сетевых моделей в сознании разных людей различна. На это влияют их опыт и умение категоризировать. Однако это не может препятствовать общению, если совпадает достаточное количество узлов в сетях разных людей. (Langacker 1988: 52)

Посредством данного способа описания полисемии Р. Лангакер утверждает (Langacker 1988: 52; Langacker 1991a: 2–3), что никакая попытка свести все значения к одному узлу неосуществима. Таковыми могли бы быть прототип как основное или схема высшего порядка (*highest-level schema* или *superschema*) как наиболее абстрактное значение. Однако, навряд ли каждая языковая единица имеет ясно опознаваемое прототипическое значение, а говорящие постоянно выделяют схему высшего порядка, содержащую все значения (Langacker 1988: 52; Langacker 1991a: 3). Необходимая абстрактность всеобъемлющей суперсхемы лишила бы ее содержания (Langacker 1988: 52). Конвенциональное значение лексической единицы должно равняться всей сети, а не одному единственному ее узлу (Langacker 1991a: 3; Langacker 2008: 38).

Концепцию сетевых моделей, отображающих полисемию лексической единицы, можно применить и к описанию многозначности грамматических показателей. Смысл построения сетевых моделей видится в объяснении разнообразия значений, в описании способов перехода от одного значения к другому.

2.4.4. Образ-схема

Понятие *image schema* в русскоязычной литературе называется по-разному: *образ-схема*, *образная схема* (например, Ченки 2006), *схема образности* или *топологическая схема* (например, Рахилина 2000с). Наиболее частым и близким к оригинальному термину представляется понятие *образ-схема*, используемое в рамках настоящего исследования. Марк Джонсон, введший его в обиход (см. Johnson 1987; о понятии *image schema* см. также Намре 2005), дефинирует его следующим образом:

«Образ-схема – это повторяющаяся динамическая модель процессов восприятия и моторных программ, которая придает связность и структуру нашему опыту»⁴⁵ (Johnson 1987: xiv)

М. Джонсон употребляет этот термин для обозначения когнитивных гештальт-структур, получаемых на основании нашего физического, телесного опыта в процессе взаимодействия с миром. Апеллируя к простейшим формам и движениям человеческого тела (Рахилина 2000с: 5), образы-схемы являют собой результат сенсомоторной деятельности человека. Иными словами, их можно описать как схематизированные модели деятельности, получаемые из нашего каждодневного опыта (Langacker 2008: 32) и упорядочивающие наш ментальный мир на уровне физического восприятия и движения (Gibbs & Colston 2006: 240–241). Попросту говоря, они являются первичными средствами, с помощью которых мы создаем или устанавливаем порядок в опытных данных перцептивного характера (Johnson 1987: 30).

Образы-схемы в качестве первичных семантических моделей структурируют наш опыт на доконцептуальном уровне (Lakoff 1987: 275; Langacker 2008: 32). Именно образы-схемы дают нам возможность кодировать и обрабатывать получаемую инфомацию в одном и том же формате независимо от канала (визуального или языкового) поступления информации (Lakoff 1987: 440).

Конкретные телесные ощущения являются базовыми или элементарными (Clausner & Croft 1999: 23), но первичные пространственно-моторные значения можно легко переносить на окружающую действительность (Рахилина 2000с: 5). Через комбинацию и метафорическое проецирование они дают начало более сложным, абстрактным концептам (Рахилина 2000с: 6; Langacker 2008: 32), являющимся расширением физических концептов. Таким образом, происходит переход от конкретного значения к абстрактному, от пространства ко всему остальному⁴⁶.

Сложно представить список всех образов-схем, используемых в повседневном опыте. В процессе мышления, рассуждения и прочей ментальной деятельности человек использует порядка двух дюжин образов-схем (Gibbs & Colston 2006: 239). М. Джонсон предлагает селективный список из 27 наиболее значимых с его точки зрения образов-схем (см. Johnson 1987: 126).

⁴⁵ «An image schema is a recurring, dynamic pattern of our perceptual interactions and motor programs that gives coherence and structure to our experience» (Johnson 1987: xiv).

⁴⁶ Ссылаясь на прямую связь с пространственными «примитивами», Е. В. Рахилина предлагает переводить термин *image schema* как *топологическая схема* и утверждает, что «этот перевод, во-первых, подчеркивает, что образные схемы лежат в основе всех когнитивных «картинок», а во-вторых, акцентируют локалистскую идею» (Рахилина 2000b: 6).

В случае менее жесткого понимания *схемы* этот список может быть значительно увеличен. Так, Христофером Александром предложено 253 повторяющихся «модели», влияющих на наш опыт, но в понимании М. Джонсона они не являются образами-схемами. (Johnson 1987: 126) Суммируя списки разных авторов, В. Эванс и М. Грин (Evans & Green 2006: 190) предлагают следующий (неполный) перечень образов-схем:

ПРОСТРАНСТВО (<i>space</i>)	ВВЕРХ–ВНИЗ (<i>up-down</i>)
	ВПЕРЕД–НАЗАД (<i>front-back</i>)
	ЛЕВЫЙ–ПРАВЫЙ (<i>left-right</i>)
	БЛИЗКО–ДАЛЕКО (<i>near-far</i>)
	ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ (<i>centre-periphery</i>)
ВКЛЮЧЕНИЕ (<i>containment</i>)	КОНТАКТ (<i>contact</i>)
	ПРЯМО (<i>straight</i>)
	ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ (<i>verticality</i>)
	КОНТЕЙНЕР (<i>container</i>)
	ВНУТРИ–СНАРУЖИ (<i>in-out</i>)
	ПОВЕРХНОСТЬ (<i>surface</i>)
	ПОЛНЫЙ–ПУСТОЙ (<i>full-empty</i>)
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (<i>locomotion</i>)	СОДЕРЖАНИЕ (<i>content</i>)
	ИМПУЛЬС (<i>momentum</i>)
БАЛАНС (<i>balance</i>)	ИСТОЧНИК–ПУТЬ–ЦЕЛЬ (<i>source-path-goal</i>)
	ОСЕВОЕ (ЦЕНТРИЧЕСКОЕ) РАВНОВЕСИЕ (<i>axis balance</i>)
	ДВУСТОРОННЕЕ РАВНОВЕСИЕ (<i>twin-pan balance</i>)
	ТОЧЕЧНОЕ (ЛОКАЛЬНОЕ) РАВНОВЕСИЕ (<i>point balance</i>)
	РАВНОВЕСИЕ (<i>equilibrium</i>)
СИЛА (<i>force</i>)	ПРИНУЖДЕНИЕ (<i>compulsion</i>)
	ПРЕПЯТСТВИЕ (<i>blockage</i>)
	ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩАЯ СИЛА (<i>counterforce</i>)
	ОТКЛОНЕНИЕ (<i>diversion</i>)
	УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ (<i>removal of restraint</i>)
	ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ (<i>enablement</i>)
	ПРИТЯЖЕНИЕ (<i>attraction</i>)
ЕДИНИЧНОСТЬ– МНОЖЕСТВО (<i>unity-multiplicity</i>)	СОПРОТИВЛЕНИЕ (<i>resistance</i>)
	СЛИЯНИЕ (<i>merging</i>)
	МНОЖЕСТВО (<i>collection</i>)
	РАЗДЕЛЕНИЕ (<i>splitting</i>)
	ПОВТОРЕНИЕ (<i>iteration</i>)
	ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ (<i>part-whole</i>)
	МАССА–ИСЧИСЛЯЕМОЕ (<i>mass-count</i>)
	СВЯЗЬ (СОЕДИНЕНИЕ) (<i>link(age)</i>)
ТОЖДЕСТВО (<i>identity</i>)	СХОДСТВО (<i>matching</i>)
	НАЛОЖЕНИЕ (<i>superimposition</i>)
ЭКЗИСТЕНЦИЯ (<i>existence</i>)	УСТРАНЕНИЕ (<i>removal</i>)
	ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО (<i>bounded space</i>)
	ЦИКЛ (<i>cycle</i>)
	ОБЪЕКТ (<i>object</i>)
	ПРОЦЕСС (<i>process</i>)

Образы-схемы привлекательны для теории категоризации и концептуализации и применяются к описанию многих языковых единиц. К примеру, концепт *enter* ‘входить, вхождение’ может быть проанализирован как комбинация образов-схем ОБЪЕКТ, ИСТОЧНИК–ПУТЬ–ЦЕЛЬ, КОНТЕЙНЕР–СОДЕРЖАНИЕ (Langacker 2008: 32):

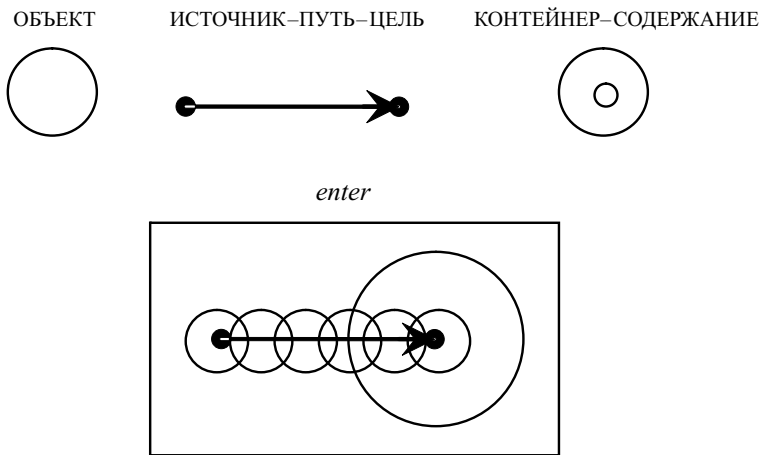

Схема 9. Комбинация образов-схем для концепта *enter* (по Langacker 2008: 33)

В контексте рассмотрения пространственных значений местных падежей коми языка наиболее важными являются такие образы-схемы, как, например, КОНТЕЙНЕР, ПОВЕРХНОСТЬ, ИСТОЧНИК, ПУТЬ, ЦЕЛЬ и т. д.

3. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ КОМИ ЯЗЫКА

3.1. Местные падежи коми языка

Система местных падежей литературного коми языка состоит из 13 членов (см. схему 10). Семь из них можно условно назвать традиционными, «первичными» падежами или падежами раннего происхождения: **инессив**, **элатив**, **иллатив**, **пролатив**, **аппроксиматив**, **эгрессив** и **терминатив**. Остальные шесть составляют падежную серию позднего происхождения: **аппроксиматив-инессив**, **аппроксиматив-элатив**, **аппроксиматив II**, **аппроксиматив-пролатив**, **аппроксиматив-эгрессив** и **аппроксиматив-терминатив**. Последние имеют в своем составе коаффикс *-лань-*, присоединяемый ко всем первичным падежным маркерам, за исключением аппроксиматива.

Наличие широкого спектра падежных форм с пространственной семантикой можно назвать одной из характерных черт коми языка. В системе склонения коми языка на основе общности основных значений они выделяются в отдельную группу наряду с субъектным, принадлежностными и объектными падежами (см. схему 10, а также, например, Некрасова 1998: 336; СКЯ 137–139; ÖKK 63, 64).

3.1.1. Классификация

В силу схожей семантической специфики отдельных местных падежей их принято объединять в следующие подгруппы (см. схему 10): внутриместные, внешнеместные (СКЯ 137–139, 147; ÖKK 63, 64) и с недавних пор – приблизительно-местные (ÖKK 63, 64).

За основу такого группирования взято выражение падежами характера локализации (см. 2.2.1.1.2), что отразилось и в названиях подгрупп. Однако на принципе классификации и на номинации отдельных подгрупп следует остановиться отдельно, поскольку тут не все так однозначно, как казалось бы.

Показатели внутриместных падежей действительно содержат указание на внутреннюю локализацию, выраженную кумулятивно с указанием на ориентацию. Выделение приблизительно-местных падежей в отдельную группу также соответствует такой классификации – в них также содержится указание на характер локализации, выражаемой в их случае агглютинативно⁴⁷.

⁴⁷ Кстати говоря, это можно рассматривать в качестве еще одного аргумента в пользу отнесения рассматриваемых суффиксов к падежным морфемам (см. также 3.1.1.4).

Субъектный	Номинатив	Ø	
Принадлежностные	Генитив	-лõн	
	Аблатив	-лысь	
	Датив	-лы	
Объектные	Аккузатив	-õс, Ø	
	Инструменталис	-õн	
	Комитатив	-кõд	
	Абессив	-тõг	
	Консекутив	-ла	
	Преклюзив	-ся	
	Инессив	-ын	} Внутриместные
Элатив	-ысь		
Иллатив	-õ		
Местные	Пролатив 1 и 2	-õд и -тi	} Внешнеместные
	Аппроксиматив	-лань	
	Эгрессив	-сянь	
	Терминатив	-õдз	} Приблизительно-местные
	Аппроксиматив-инессив	-ланьын	
	Аппроксиматив-элатив	-ланьысь	
	Аппроксиматив II	-ланьõ	
	Аппроксиматив-эгрессив	-ланьсянь	
	Аппроксиматив-пролатив	-ланьõд, -ланьтi	
	Аппроксиматив-терминатив	-ланьõдз	

Схема 10. Падежная система литературного коми языка, основное склонение (по СКЯ; ÖКК)

При типологическом рассмотрении некоторая нестыковка обнаруживается в случае подгруппы внешнеместных падежей. С одной стороны, такое деление и наименование соответствует классификации В. А. Плуменя (см. 2.2.1.1.2). Действительно, в отличие от внутриместных, падежи, называемые внешнеместными, в своих основных значениях не содержат касательства внутренних пределов ориентира (за исключением ряда периферийных употреблений), в чем и выражается их внешнеместность.

С другой стороны, в родственных коми языку венгерском или прибалтийско-финских языках так же – внешнеместными – принято называть иные падежи – поверхностно-местные. Аппроксиматив, эгрессив и терминатив в коми языке не являются такими же внешнеместными, как соответствующие трехчленные падежные серии в указанных языках. Дело в том, что в коми языке отсутствует двухъярусная система внутриместных и внешнеместных падежей, контрастирующих только на основе внутренней/внешней (точнее, поверхностной) локализации, как в венгерском или прибалтийско-финских языках. В системе коми языка подобного прямого противопоставления внутри- и внешнеместных падежей нет.

Основание говорить о прямом противопоставлении групп внутриместных и внешнеместных падежей в коми языке отсутствует по причине выражения ими не только разных локализаций, но и разных ориентаций. Вы-

ражаясь иными понятиями, эти падежи имеют различие на основе более чем одной оппозиционной пары дифференциальных признаков (см. ниже). Падежи внешнеместной группы не составляют параллельную внутриместным серию. В отличие от группы внутриместных падежей, ни один из падежей, называемых внешнеместными, не выражает статического местонахождения, т. е. состояния покоя объекта относительно ориентира, зато целыми двумя падежами представлена лативная ориентация. Т. е. структурная организация группы падежей, в которую входят аппроксиматив, эгрессив и терминатив, в плане указания ориентации не повторяет серийной структуры внутриместных падежей. Впрочем, по-видимому, эта группа вовсе не имеет какой-либо организации и представляет собой просто набор падежей. Для сравнения, в прибалтийско-финских языках между рассматриваемыми падежными сериями наблюдается одинаковая ориентационная дистрибуция.

Более того, даже во внутригенетической типологии (сравнении близкородственных языков) можно увидеть терминологические разногласия при использовании названия *внешнеместный* относительно определенных групп падежей. Ср. в некоторых диалектах коми-пермяцкого языка «послелогии с основой на выл- (вылын, вылӧ, вылісь, вылӧдз, вылӧт) трансформировались в падежные окончания -лын, -лӧ, -лісь, -лӧдз, и -лӧт, в результате чего образовалась новая группа местных падежей – внешнеместные» (Баталова 1975: 130). Т. е. при наличии в коми-пермяцком языке аппроксиматива, эгрессива и терминатива (см. Баталова 1975: 142), внешнеместными, однако, называются совершенно иные падежи, имеющие указание на поверхностную локализацию, как и в прибалтийско-финских или венгерском языках.

Вообще говоря, аппроксиматив, эгрессив и терминатив в коми языке не должны подвергаться классификации по выражению локализации. Они, как и пролатив (см. 3.1.1.3), являются ориентационными падежами без указания на тип пространства (ср. Усачёва 2012а: 200).

На основе вышесказанного напрашивается вывод, что **именование аппроксиматива, эгрессива и терминатива коми языка внешнеместными падежами** соответствует наиболее общему делению и без риска неверного понимания может быть использовано в коми языкознании, но **требует разъяснения при их типологическом рассмотрении и сравнении с падежными системами родственных языков.**

Анализ пространственной семантики местных падежей в последующих главах 3.3–3.8 будет представлен именно в соответствии с вышеизложенными принципами классификации и общей характеристикой падежей: все три внутриместных падежа как образующие упорядоченную трехчленную структурную серию по локативному, лативному и элативному (аблативному) типу ориентации будут рассмотрены вместе, тогда как пролатив, аппроксиматив, эгрессив и терминатив как менее взаимосвязанные и не

образующие стройной падежной серии будут проанализированы каждый в отдельной главе.

Интересно заметить, что именно благодаря аппроксимативу, эгрессиву и терминативу в коми языке можно выделить семь максимально возможных, а не четыре типично выделяемых типов ориентации (см. 2.2.1.1.1), каждый из которых имеет свое падежное выражение:

‘МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ’	<i>инессив</i>	}	ЭССИВ
‘КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ’	<i>иллатив</i>		}
‘НАПРАВЛЕНИЕ К’	<i>аппроксиматив</i>		
‘ПУТЬ С ДОСТИЖЕНИЕМ ПРЕДЕЛА’	<i>терминатив</i>		
‘ИСХОДНЫЙ ПУНКТ’	<i>элатив</i>	}	ЭЛАТИВ
‘НАПРАВЛЕНИЕ ОТ’	<i>эгрессив</i>		
‘МАРШРУТ’	<i>пролатив</i>		ПРОЛАТИВ

При менее детальном рассмотрении, т. е. при ограничении системы ориентаций четырьмя наиболее типичными членами, более конкретные ориентации, выражаемые иллативом, аппроксимативом и терминативом, могут быть объединены в один общий лативный тип ориентации, выражающий перемещение к пространству, связанному с ориентиром. Таким же образом элативный тип ориентации, выражающий перемещение из пространства, связанного с ориентиром, может включать в себя собственно элатив и эгрессив.

Типы локализации и ориентации, выражаемые местными падежами коми языка, соотносимы с семантическими дифференциальными признаками (семами), легшими в основу бинарных оппозиций (подробнее см., например, Всеволодова & Владимирский 1982: 8–17; Шелякин 1985: 45). Локальные противопоставления были применены и к коми языку, а именно, Г. А. Некрасова использовала систему дихотомии при рассмотрении системной организации группы местных падежей и построении их функциональной модели (см. Некрасова 1989).

3.1.1.1. Внутриместные падежи

Без сомнения, наиболее продуктивная серия местных падежей. Объединяющим моментом для этих падежей является обозначение ими движения или действия, связанного с внутренними пределами ориентира. На основе этого они действительно образуют отдельную группу. В принадлежности инессива, иллатива и элатива к группе внутриместных падежей сомневаться не приходится, поскольку основными значениями этих падежей является нахождение внутри, движение вовнутрь и изнутри объекта соответственно (СКЯ 143–144, 147; ÖKK 81, 82, 84). Такая характеристика предполагает нахождение, а также движение внутрь и изнутри замкнутого пространства. Однако необходимо отметить, что «замкнутость» и «откры-

тость» представляют собой не просто аналог бинарного противопоставления «внутри» vs. «вне», а «многозначную шкалу возрастания (убывания) замкнутости, имеющую свои полюса и ряд промежуточных значений» (Князев 1999: 187).

Также следует оговориться, что в зависимости от характера «места» эти падежи также могут функционировать, например, как поверхностно-местные (*джоджын* ‘на полу’) или в специфическом контексте не иметь обязательного указания на внутренние пределы (*морёсын* ‘на груди’).

В ÖKK (63, 64) к данной группе причисляется также переходный падеж пролатив (разные авторы используют разные названия). В СКЯ (145) переходный (касательный) падеж, наоборот, называется внешнеместным. Оба эти утверждения верны лишь отчасти. (Подробнее см. 3.1.1.3)

3.1.1.2. Внешнеместные падежи

Внешнеместными принято считать аппроксиматив, эгрессив и терминатив (Некрасова 2004: 27). Выражаемое ими движение или совершаемое действие имеет касательство только внешней стороны объекта без вхождения в его внутренние пределы (СКЯ 145, 147; ÖKK 63–63, 86, 87, 90). Это является их объединяющим признаком и основанием для условного именованья внешнеместными.

Однако имеются некоторые периферийные употребления, когда в определенном контекстном окружении падежи этой группы семантически близки к внутриместным. Наибольшую функциональную синонимию с внутриместным элативом проявляет эгрессив, например:

- (1) *Му ытшиті вуджанін-сянь* (EGR) *неті* (КМ 10.11.2007)
‘[Я] вышел из подземного перехода’

Важно отметить, что аппроксиматив, эгрессив и терминатив не составляют параллельную внутриместным падежам и контрастирующую с ними аналогичную трехчленную серию, каковыми являются (по сути, поверхностно-местные) адессив, аблатив и аллатив, например, в прибалтийско-финских языках. Происхождение суффиксов современных генитива, аблатива и датива, аналогичных последним, в коми языке действительно связывается с пространственными падежами (см., например, Майтинская 1979: 121). Они даже называются вторичными (подробнее см. Некрасова 2002). Считается, что еще в общепермский период эти падежи выражали пространственные отношения (ÖKK 62; см. также примеры использования аблатива в пространственном значении в XIV–XVII вв. в ÖKK 67). О первичном локальном значении аблатива имеются свидетельства в древнепермских письменных памятниках (Некрасова 1987а: 8), а рудименты локального значения датива сохранились в диалектах (Некрасова 1987а: 10). Однако на сегодняшний день они образуют группу принадлежностных

падежей и употребляются для выражения посессивности, сохраняя при этом аналогичную серийную трехчленность (ср. также с иллативом, элативом и инессивом): направление к ориентиру – дативный суффикс *-лы*, направление от ориентира – аблативный суффикс *-лысь*, нахождение у ориентира – генитивный суффикс *-лõн*. Есть некоторые основания говорить, например, об аллативе места в коми языке, но его функционирование ограничивается лишь некоторыми диалектами и определенными конструкциями в литературном коми языке (см. Некрасова 1987b).

3.1.1.3. Пролатив

Уже сам факт причисления пролатива (переходного падежа) то к внутриместным (ÖKK 63, 64), то к внешниместным падежам (СКЯ 145) указывает на его амбивалентность. Тем более что основным значением 1 (*-õд*) и 2 маркера (*-тi*) этого падежа считается выражение места движения, совершения действия как по внутреннему пространству, так и по поверхности предмета (Некрасова 2004: 57; ÖKK 89). Функционально этот падеж нельзя однозначно отнести ни к одной из этих групп.

Переходный падеж может свободно сочетаться со словами, обозначающими как внутриместное, так и внешнеместное пространство, например:

<i>коридор-тi</i> (PROL)	‘по коридору’
<i>улич-тi</i> (PROL)	‘по улице’

И *коридор*, являясь внутренней частью помещения, и *улица*, будучи частью внешнего пространства, оба являются пространствами линейного типа и в форме переходного падежа выступают в качестве трассы, маршрута, пути сообщения. Их локализационная составляющая (внутреннее и внешнее пространство) в данном случае не является актуальной и не активизирована.

Показатели пролатива не имеют указания на локализацию, или тип пространства. Это, так сказать, ориентационный падеж, выражающий путь, маршрут и т. п. (ср. Усачёва 2012а: 200). Поэтому он в принципе не может быть классифицирован по выражению локализации. Т. е. он и не должен причисляться ни к той, ни другой серии, являясь, так сказать, общеместным.

Вообще, вопрос переходного падежа (падежей) привлекает внимание исследователей коми языка уже в течение целого столетия и единого мнения относительно его происхождения, развития, семантики и даже названия, в принципе, нет до сих пор (подробнее см. 3.4).

3.1.1.4. Приблизительно-местные падежи

Общим для суффиксов падежей этой группы является выражение приближенности, придаваемое им первым компонентом *-лань-* в структуре каждого из падежей, что отразилось и в их общем названии. В названии каждого из падежных формантов, образованных в результате контаминации маркера аппроксиматива и суффиксов других местных падежей, отражены названия составляющих (см. схему 10). Исключение составляет название аппроксиматива II, причиной чему служит его схожая семантика с семантикой собственно аппроксиматива (см. 3.5 и 3.8.1.2).

Эти сложные образования считаются структурными инновациями, и относительно их грамматического статуса долгое время не было единого мнения (Некрасова 1985: 147; Некрасова 1987а: 181; Некрасова 2002: 119). Например, Робин Бейкер (Baker 1985: 231) не видит никаких оснований считать структурные образования с первым компонентом *-лань-* формантами независимых падежей, поскольку в данном случае *-лань-*, по его мнению, играет роль деривационного элемента. Деривационную функцию *-лань-* отрицать не приходится, поскольку словообразовательное значение элемента *-л-* в его составе достаточно прозрачно (см. Майтинская 1979: 118; Некрасова 2002: 10–12, 14–16; ОФУЯ 1976: 148–149). Однако имеется достаточно примеров возникновения новых падежных маркеров путем преобразования или переосмысления словообразовательных суффиксов (Майтинская 1979: 96–102). К тому же, в пользу отнесения рассматриваемых суффиксов к падежным морфемам говорят их морфологические признаки (Некрасова 2002: 122; см. также Майтинская 1979: 95).

3.1.2. Статистика

Местные падежи в коми языке имеют разную частоту употребления, одни фигурируют в текстах в разы чаще, чем другие. За отсутствием соответствующих фундаментальных исследований на материале объемных текстовых корпусов вопросы статистики падежей в рамках данной работы детально рассмотреть, к сожалению, не удастся. Тем не менее, на основе отдельных попыток представления числовых характеристик некоторых падежей (см. Кузнецов 2002: 65–68; Некрасова 1987а: 176–178, 191, 241) можно обозначить определенные статистические тенденции.

Наиболее часто употребляются внутриместные падежи, составляя примерно три четверти всех употреблений местных падежей. За ними следуют аппроксиматив, эгрессив, терминатив и пролатив, составляя примерно четверть материала. Наконец, наименее часто употребляются приблизительно-местные падежи, образуя менее одного процента всех употреблений. (Kuznetsov 2002: 66–67)

В силу своей специфичности приблизительно-местные падежи встречаются крайне редко. Основная сфера их функционирования – письменная

форма языка (художественная литература) (Некрасова 1987а: 191). Даже частотность наиболее употребительных приблизительно-местных падежей аппроксиматива II и аппроксиматива-инессива разительно отличается от соответствующих данных по другим местным падежам. А остальные приблизительно-местные падежи и вовсе представлены лишь единичными употреблениями. (Кузнецов 2002: 67; Некрасова 1987а: 191) Однако, замечено, например, что местоимения чаще принимают форму именно приблизительно-местных, нежели других местных падежей⁴⁸ (ÖKK 169).

Относительно небольшая частота употребления некоторых падежных форм объясняется не только семантической спецификой этих падежей, но и наличием альтернативных грамматических средств выражения синонимичных или схожих пространственных отношений. Падежные формы могут заменяться эквивалентными послеложными и прочими конструкциями. В частности, в употреблении форм приблизительно-местных падежей и их функциональных соответствий обнаруживается следующая интересная закономерность. Чем чаще употребляется тот или иной приблизительно-местный падеж, тем реже фигурирует его функциональный эквивалент. А при редком использовании падежа, наоборот, высока частотность его функционального соответствия. Такое положение вещей позволяет предположить, что приблизительно-местные падежи и их эквиваленты в виде сложных слов с компонентом *-ладор-* функционально дополняют друг друга. Конечно, это может быть совпадением. Тем более, что количество словоформ, послуживших основой для статистики, никак нельзя назвать репрезентативным. Определенно ясно, что употребляемость местных падежей требует отдельного фундаментального исследования.

⁴⁸ Следует оговориться, что свойства местоимений могут сильно отличаться от существительных в принципе и поэтому за местоимениями может признаваться особая падежная система (Зализняк 2002: 622).

3.2. Матрица когнитивных областей для местных падежей

Местные падежи коми языка многозначны. Каждый из них имеет свой спектр разнообразных смыслов и значений, варьирующийся по широте от падежа к падежу. Исключение составляют приблизительно-местные падежи, большинство из которых ограничивается выражением пространственно-временных отношений.

Наиболее многозначные местные падежи, кроме сугубо пространственных значений, могут также выражать различные предметные⁴⁹ и прочие связи. Объединение определенного количества значений в отдельно взятом показателе не случайно, а указывает на их близость (Ганенков 2002: 37).

В рамках теории когнитивной лингвистики семантика каждого местного падежа имеет внутреннюю организацию в виде матрицы когнитивных областей, каждая из которых являет собой схематизацию некоторого набора конкретных ситуаций. Каждая область может быть представлена прототипическими и периферийными употреблениями падежей. Зоны их пересечения указывают на участки перехода из одной области в другую. Частные употребления падежей, относящиеся к переходным участкам, являются периферийными по отношению к прототипическим.

Не все когнитивные области являются общими для всех падежей. С одной стороны, одни области могут быть представлены максимальным количеством местных падежей, другие – лишь ограниченным количеством. С другой стороны, одни падежи могут иметь матрицу из нескольких когнитивных областей, другие – лишь одну или две когнитивные области.

В настоящей главе по аналогии с анализом когнитивных областей внешнеместных падежей в эстонском языке (см. Vainik 1995: 46–138) будут представлены наиболее частые когнитивные области местных падежей коми языка, не расписывая их отдельно для каждого из падежей, а представив, так сказать, сумму всех матриц когнитивных областей.

3.2.1. Физическое пространство

Центральное место в матрице когнитивных областей занимает пространство, являясь базовой, т. е. несводимой когнитивной областью для всех местных падежей. Физическое пространство представлено всеми местными падежами современного коми языка, поскольку в семантике каждого из них содержится обозначение движения или местонахождения в пространстве.

⁴⁹ Например, диалектное использование элатива в качестве оформления прямого дополнения: *нуӧ гортас та-ысь* 'везет его домой' (Гуляев 1961: 11).

В языке пространство видится по-другому, нежели в реальном физическом мире. Пространственные выражения базируются на каноническом представлении геометрического и физического мира, поэтому в языке мы имеем дело с идеализированной репрезентацией пространства. Иногда такое представление называется *ментальной моделью пространства*. (Frawley 1992: 250, 253–254, 337)

Поэтому под пространством здесь понимается ментально спроецированное **трехмерное физическое пространство**. В зависимости от характера ориентира и функций падежей, обозначаемое ориентиром пространство может проявлять трех-, двух- и одномерность:

3-мерное пространство:	<i>керка-ын</i> (INESS)	‘в доме’
2-мерное пространство:	<i>джодж-ысь</i> ⁵⁰ (ELAT)	‘с пола’
1-мерное пространство:	<i>туй-ті</i> (PROL)	‘по дороге’

При этом мерность определяется количеством доминирующих измерений в матрице данного слова (Vainik 1995: 50). Наивное языковое представление пространства позволяет *пол*, имеющий в реальном мире два доминирующих измерения, идеализировать в языке в виде плоскости. *Дорога*, имеющая в одном направлении наибольшую протяженность, в языке идеализируется в виде одномерного пространства, т. е. практически в виде линии. И т. д.

В некоторых случаях сложно однозначно определить мерность, поэтому мерность пространства идеализируется до нолевой:

0-мерное пространство:	<i>ывла-ын</i> (INESS)	‘на улице’
------------------------	------------------------	------------

Выражение физического пространства каждым из местных падежей будет подробно рассмотрено в этой же части работы чуть ниже. Поэтому здесь отдельно останавливаться на этих падежных функциях видится излишним.

Пространство является базовой областью. В большинстве случаев именно пространственные значения являются исторически первичными и задают модели, по которым осмысляются непространственные значения (Ганенков 2002: 38). От выражения пространственных отношений производятся все остальные (Anderson 1971: 12–13). Значения переносятся с физического мира на абстрактные понятия, а не наоборот. Обычное явление, когда одни и те же обороты используются для выражения пространственных, временных или абстрактных значений (Veismann 2009: 20). Соответственно, все остальные когнитивные области каким-то образом свя-

⁵⁰ В отличие, например, от прибалтийско-финских языков, в которых для указания на поверхность (прежде всего, верхнюю) используется отдельная падежная серия, параллельная внутриместным, в коми языке, в силу отсутствия таковых, поверхностная характеристика выражается отчасти внутриместными падежами (см. 3.3.2.1), но в основном – послеложными конструкциями.

заны с пространством, проявляя с ним общность в большей или меньшей мере. Пространства, проявляющие наибольшую общность с физическим пространством, имеют с ним зоны непосредственного пересечения.

3.2.2. Абстрактное пространство

В падежных конструкциях, относящихся к этой области, в качестве ориентиров служат слова, обозначающие различные **абстрактные понятия**. Здесь используются те же структурные модели, что и в случае физического пространства:

- (2) *политика-ын да экономика-ын* (INESS) *йӱзкӱд йитӱд кутан агентствӱн вьськӱдлысь* (КМ 03.11.2007)
'руководитель агенства политических и экономических (букв. в политике и экономике) коммуникаций'
- (3) «Белое солнце пустыни» *кино-ысь* (ELAT) (КМ 08.05.2007)
'из фильма «Белое солнце пустыни»'
- (4) *ыджыд наука-ӱ* (ILL) *туйыс* (КМ 07.07.2007)
'путь в большую науку'
- (5) *Лыддян найӱс да пыр жӱ казялан, кутийӱма кыскӱ гижӱдьяссӱ музыка-лань* (APR) (КМ 19.06.2007)
'Читаешь их [стихи] и тут же замечаешь, насколько произведения похожи на музыку (букв. тянет в сторону музыки)'
- (6) *колӱ бӱр бергӱдчыны литература-лань* (APR) (КМ 04.12.2007)
'надо снова повернуться [лицом] к литературе'
- (7) *Россия пӱ зумыда вьсьлалӱ югыд-лань* (APR) (КМ 09.06.2007)
'мол, Россия твердо шагает к свету'

3.2.3. Событийное пространство

Событийное пространство представлено употреблением местных падежей при ориентирах, так или иначе обозначающих **событие**. Таковыми обычно являются отглагольные существительные, обозначающие процесс, специальные «событийные» слова, а также различные слова со значением места, времени и т. д. (Кондратьева 2010: 156; Vainik 1995: 113)

- (8) *ыста командировка-ӱ* (ILL) *Изьва вьлӱ* (ӱКК 83)
'отправлю в командировку на Ижму'

Иногда на событие может метонимически указывать лишь некоторая его часть, например, результат/объект деятельности:

- (9) *идй-ысь* (ELAT) *локтö* (Гуляев 1961: 28)
'возвращается с жатвы ячменя (букв. из ячменя)'

...или содержание деятельности:

- (10) *Думьяс-ад* (INESS.POSS2SG) *ставыс артмö* (Попов 2008: 313)
'В мыслях все получается'

Прототипическое событие характеризуется действием во времени и пространстве. В конкретных случаях падежных использований могут быть акцентированы разные аспекты. Поэтому событийное пространство может иметь зоны пересечения с другими областями. (Кондратьева 2010: 156; Vainik 1995: 113)

При употреблении местных падежей с ориентирами, явно относящимися к области физического пространства, но содержащими указание на событие, предполагается, с одной стороны, участие в этом событии, и с другой стороны, вхождение, нахождение и т. д. в месте, в котором это событие происходит. Такие случаи относятся к переходной зоне между физическим и событийным пространствами:

- (11) *Витöд классянь заводити ветлöдлыны экология кружок-ö* (ILL) (КМ 14.04.2007)
'С пятого класса [я] начал ходить в экологический кружок'
- (12) *Петыр да Педьö аскинас водз петисны туй-ö* (ILL) (ÖКК 83)
'Петыр и Педьö рано утром вышли в путь'

О пересечении событийного и временного пространств речь идет в случае, когда событие выражается ориентиром, обозначающим процесс. В таких случаях подчеркивается протяженность события во времени:

- (13) *сернияс-ысь* (ELAT) *Геня тöдiс* (ÖКК 85)
'из разговоров Геня знал'
- (14) *спор-ö* (ILL) *воасны* (ÖКК 83)
'вступят в спор'
- (15) *Найö бертчöм-ö* (ILL) *воисны* (ÖКК 83)
'Они вступили в борьбу'

3.2.4. Социальное пространство

Социальное пространство отчетливо напоминает физическое, поскольку в нем также возможны разнонаправленные перемещения, в том числе реальные. Однако в социальном пространстве отсутствует организация по

мерности, и оно характеризуется **одушевленностью** объектов, являющихся ориентирами. Как правило, это человек, люди, коллектив и пр.:

- (16) *Тэ пö уджач **семья-ысь*** (ЕЛАТ) (ÖКК 86)
'Ты, говорят, из трудолюбивой семьи'

Множество примеров, представляющих социальное пространство, образовано с помощью эгрессива и поэтому обозначает ориентир, от которого исходит действие. Часто это выражается в ситуации отчуждения, получения чего-либо от кого-либо в конструкциях с соответствующими глаголами или отглагольными образованиями или без них (глагольное действие подразумевается):

- (17) *Тöдчöмön содiс **олысьяс-сянь*** (ЕGR) *йöв да яй босьтöм* (КМ 22.11.2007)
'Ощутимо увеличился прием молока и мяса от жителей'
- (18) ***Президент-сянь*** (ЕGR) *60 сюрс шайт* (КМ 04.12.2007)
'60 тысяч рублей от президента'
- (19) *кывйысь кывйö лыддис Коми Республикаса **Юралыс-сянь*** (ЕGR) *телеграмма* (КМ 01.12.2007)
'[он] слово в слово зачитал телеграмму от Главы Республики Коми'

Нередки конструкции с глаголами *тöдмавны* 'узнать', *кывны* '(у)слышать' и другими глаголами схожего характера:

- (20) *Унаысь ме сывывлви, **йöз-сянь*** (ЕGR) *«аттьö» кывывлви* (ÖКК 88)
'Много раз я пел, от людей «спасибо» слышал'
- (21) *Некор эг кывлы **бать-сянь*** (ЕGR) *ёрччан кыв* (КМ 02.08.2007)
'[Я] никогда не слышал от отца матерного слова'
- (22) *сöмын бур кывъяс кывлiм **сы-сянь*** (ЕGR) (КМ 04.12.2007)
'[мы] слышали от него только добрые слова'
- (23) *уна вьльтор сэки тöдмалi бригадир Фёдор Васильевич **Хозяинов-сянь*** (ЕGR) (КМ 14.06.2007)
'много нового узнал [я] тогда от бригадира Федора Васильевича Хозяинова'

В подобных примерах траектор зрительно не наблюдаем, однако само перемещение – движение звуковых волн –, тем не менее, присутствует (в случае *кывны*) или ментально представляемо (перемещение информации в случае *тöдмавны*).

Не иначе как ментальным, имеющим место быть лишь в сознании говорящих, но концептуализируемым по аналогии с реальным перемещением

предметов в материальном мире, можно также назвать перемещение некоторого свойства в следующем примере:

- (24) *Сы-сянь* (EGR), *чайта*, и *меньм вуджис морттуйыс* (КМ 11.10.2007)
'От нее, думаю, и мне передалось (букв. *перешло*) умение'

А в следующем примере падежная форма указывает лишь на исходный момент схематического перемещения:

- (25) *Мөд нылӧс на чужтис Иван-сянь* (EGR) *Ӗгашыд* (КМ 07.08.2007)
'Еще вторую дочь родила Ӗгаш от Ивана'

В некоторых ситуациях в качестве ориентира могут выступать квазиодушевленные объекты, такие как институты, организации и т. п., функционирующие как одушевленные (Vainik 1995: 85):

- (26) *ыджыд отсӧг пыр воӧ Коми правительство-сянь* (EGR) *да Санкт-Петербургса представительства уджалысьясясь* (КМ 01.12.2007)
'всегда поступает большая помощь от правительства Коми и работников представительства в Санкт-Петербурге'
- (27) *Кыдзи юӧртисны <...> республикаса минздрав-сянь* (EGR) (КМ 04.12.2007)
'Как сообщили <...> в республиканском минздраве (букв. *от минздрава*)'
- (28) *Коми Республикаса Госсовет-ӧ* (ILL) *лои бӧрйӧма 29 депутатӧс* (КМ 22.03.2007)
'В Госсовете Республики Коми было выбрано 29 депутатов'

Собственные имена и родственные термины во множественном числе в форме внутриместных падежей предстают в значении 'к кому-то домой', 'у кого-то дома' и 'от кого-то из дома' (ӖКК 81, 83). Иными словами, здесь реализуется локализация DOMUS:

- (29) *Бисиныс корасьны мӧдӧдас бать-мамсӧ Машаяс-ӧ* (ILL) (ӖКК 83)
'Бисин отправляет отца с матерью свататься к семье/в дом к Маше (букв. *в Маше*)'
- (30) *Бӧджыд мамӧяс-ын* (INESS) *яя шыдӧн вердӧсны* (ӖКК 81)
'[Дома] у бабушки (букв. *в бабушках*) накормили мясным супом'
- (31) *Вой шӧр бӧрын гӧсьтьяс разӧдчисны <...> Вавиловьяс-ысь* (ELAT) (Попов 2008: 296)
'После полуночи гости разошлись от Вавиловых (букв. *из Вавиловых*)'

Вопреки правилам оформления собственных имен и родственных терминов в этом значении маркером множественного числа, в литературе также

имеются примеры такого использования собственных имен в единственном числе:

- (32) *Сава Сандра-ын* (INESS), *тыдало, войпукисны жё, эз на узьны* (Попов 2008: 315)
'У Сава Сандры (букв. в Сава Сандре), видно, тоже еще не спали'

В подобных падежных употреблении социальное пространство пересекается с физическим пространством: без падежного суффикса ориентир обозначает коллектив людей (отсюда форма множественного числа), как правило, семью, а в форме местных падежей он выражает место проживания этого коллектива, т. е. определенный участок физического пространства.

3.2.5. Время

Время считается одной из базовых когнитивных областей (например, Langacker 2008: 53). Это абстрактная область, представляемая в виде одномерного однонаправленного пространства и поэтому систематически описываемая в пространственных терминах: все, что ни происходит в реальной жизни, располагается на временной оси в виде пунктов или отрезков (Vainik 1995: 117–118, 122).

Чаще всего на время указывают единицы измерения времени и различные слова, «по умолчанию» содержащие указание на момент или период времени, в форме различных местных падежей:

- (33) *тулыс-ын* (INESS)
'весной'
- (34) *ёти гажа рыт-ё* (ILL) (ÖKK 83)
'в один прекрасный вечер'
- (35) *Рыт-лань-ыс* (APR-DEF) *кёдздёдёс* (ÖKK 87)
'К вечеру похолодало'

Кроме того, довольно часто ориентиром могут служить слова со значением события. Такие употребления располагаются в переходной зоне между временным и событийным пространствами:

- (36) *А ми пажын-ёдз* (TERM) *на ставё эштёдём* (ÖKK 90)
'А мы еще до обеда все завершили'
- (37) *ва вылё петём-сянь* (EGR) *колис нин часысь унджык* (ÖKK 88)
'с [момента] выхода на воду прошло уже больше часа'
- (38) *Заводитёма кысян кружок-сянь* (EGR) (KM 10.11.2007)
'Начал с кружка вязания'

3.2.6. Состояние

Некоторые из местных падежей используются в конструкциях для выражения состояния. У этой области отсутствует мерность, но и в ней для выражения отношений между траектором и ориентиром используются те же структурные модели, что и в физическом пространстве (ср. вхождение, пребывание и выход из состояния):

- (39) *Сандра оліс ыджыд шог-ын* (INESS) (ÖKK 82)
'Сандра жила в большом горе'
- (40) *семьяыс налӧн эз петавлы гӧльлун-ысь* (ELAT) (ÖKK 84)
'семья у них не выходила из нужды'

Зачастую в форме местных падежей стоят слова-ориентиры в устойчивых выражениях с глаголами *усьны* 'падать', *уськӧдны* 'уронить, валить':

- (41) *висьӧм-ӧ* (ILL) *усьны*
'заболеть (букв. впасть в болезнь)'
- (42) *шог-ӧ* (ILL) *уськӧдны*
'опечалить (букв. свалить в печаль)'
- (43) *эбӧс-ысь* (ELAT) *усьны*
'выбиться (букв. выпасть) из сил'

Как видно из примеров, в прототипических ситуациях выражения состояния траектор одушевлен, а состояние абстрактно. Однако нередко различные состояния могут принимать и неодушевленные предметы, а состояние может быть выражено объектом материального мира:

- (44) *Кыз ӧгыр-ӧ* (ILL) *уськӧда да сӧ печенча пӧжсала* (ÖKK 83)
'Сожгу до крупного угля (букв. свалю в уголь) и приготовлю сто печеных овощей'
- (45) *кӧлуй пӧртны денъга-ӧ* (ILL) (КРК 522)
'обратить вещи в деньги'
- (46) *ру пӧртны ва-ӧ* (ILL) (КРК 522)
'конденсировать пар (букв. пар преобразовать в воду)'

Наиболее часто встречается использование формы иллатива для выражения вхождения в какое-либо состояние. Такие конструкции чаще всего образуются с помощью глаголов *пӧрны*, *пӧртчыны* 'превращаться, обращаться' и *пӧртны* 'превращать, обращать':

(47) *Еретнича пöртис сійöс руч-ö* (ILL) (КРК 522)
'Колдунья обратила его в лису'

(48) *олöм-ö* (ILL) *пöртны*
'осуществить (букв. *обратить в жизнь*)'

Кроме того, при обозначении принятия какого-либо состояния форму иллатива принимают прилагательные в сочетании со связочными глаголами *пуктыны* 'считать (букв. *класть, положить, ставить*)', *пуксьыны* 'считать (себя) (букв. *садиться, сесть*)' (Лудыкова 2005: 91–95), *уськöдчыны* 'прикидываться (букв. *кидаться, бросаться*)', *лэччысьны* 'притворяться (букв. *опускаться*)':

(49) *бур-ö* (ILL) *пуктö* (Лудыкова 2005: 92)
'уважает (букв. в хорошего ставит)'

(50) *Бöджыд-ö* (ILL) *пуксьö* (Лудыкова 2005: 92)
'Мнит о себе (букв. в большого садится)'

(51) *пельтöм-ö* (ILL) *уськöдчылис* (Лудыкова 2005: 94)
'прикидывалась глухой (букв. в глухую кидалась)'

(52) *лэччыси йöй-ö* (ILL) (Лудыкова 2005: 95)
'[я] прикинулся глупым (букв. опустился в глупого)'

Типичным является употребление форм инессива, иллатива и элатива для выражения пребывания в какой-либо должности, вступления на какой-либо пост и снятия с поста, должности соответственно. В этом случае существительные в падежных формах выражают профессию, род деятельности и т. п., т. е. какую-либо функцию:

(53) *кык во олі сельскöй писар-ын* (INESS) (ÖКК 82)
'два года был (букв. *жил*) сельским писарем (букв. в писаре)'

(54) *Кöть нин тракторист-ö* (ILL) *велöдчис. Век нин надейнöй удж* (Попов 2008: 321)
'Хоть уж на тракториста (букв. в тракториста) выучился. Все надежная работа'

Интересно отметить факт узкодиалектного использования в подобной функции не названия должности или профессии, а метонимическое употребление названия объекта деятельности, связанного с должностью или родом деятельности:

(55) *порс-ись* (ELAT) *петис* (Гуляев 1961: 28)
'увелилась из свинок (букв. из свины вышла)'

В настоящее время исконная инессивная форма в значении пребывания в какой-либо должности под влиянием русского языка имеет тенденцию к замещению формами инструменталиса (Лудыкова 2005: 89):

- (56) *уджалӧ учитель-ӧн* (INSTR)
'работает учителем'

В специфических случаях область состояния может иметь точки пересечения со шкалой (ср. 3.2.7). В примерах такого использования падежей фигурируют, как правило, эгрессив и терминатив:

- (57) *Томӧн, томӧн воӧдчӧмыд мастер-ӧдз* (TERM) (ӦКК 91)
'Молодым, молодым [ты] дослужился (букв. *добрался*) до мастера'
- (58) *Марко вӧр пӧрӧдысь-сянь* (EGR) *воис вӧрпункт начальникӧдз* (TERM) (ӦКК 88)
'Марко дослужился (букв. *достиг*) от лесоруба до начальника лесопункта'
- (59) *Сӧйӧ 15 во нин уджалӧ кусӧдчысьӧн, шонер-сянь* (EGR) *быдмис отрядса начальник-ӧдз* (TERM) (КМ 04.12.2007)
'Он уже 15 лет работает пожарным, вырос от шофера до начальника отряда'

Употребление местных падежей с существительными, обозначающими процесс, дает основание говорить о переходной зоне между областью состояния и событийным пространством. Наиболее часто такие формы встречаются в конструкциях с глаголами *босьтчыны*, *кутчысьны* 'браться, взяться, приниматься' и *дугдыны* 'перестать, прекратить' и *дугӧдны* 'заставить прекратить (что-либо делать)':

- (60) *удж-ӧ* (ILL) *босьтчыны*
'взяться за работу (букв. *в работу*)'
- (61) *Рита дугдӧс град весалӧм-ысь* (ELAT) (ӦКК 84)
'Рита оторвалась (букв. *перестала*) от чистки (букв. *из чистки*) грядки'

3.2.7. Шкала

Шкала является абстрактной когнитивной областью, имеющей сходство с физическим пространством в плане одномерности и со временем в плане аналогичной структуры, основанной на последовательности локаций (Vainik 1995: 122–123). Слова-ориентеры в форме терминатива, также иногда в паре с эгрессивом, содержат указание на определенные локации на когнитивно представляемой шкале. Это может быть шкала единиц измерения, а также свойств, качеств, степеней и пр.

- (62) *витсё сюрс гозй-ӧдз* (TERM) *пӧ сэки съӧлатӧ кыйлӧмаӧсь Коми муын быд во* (ӦКК 91)
‘рябчиков тогда, говорят, на Коми земле ежегодно добывалось до пятисот тысяч пар’
- (63) *паръяссӧ вир-ӧдз* (TERM) *курччавлис* (Попов 2008: 145)
‘губы до крови искусывал’
- (64) *Сюран кӧ татишӧмъяс улад, лестукъяс-ӧдз* (TERM) *косявласны* (Попов 2008: 18)
‘Если попадешь под таких [собак], на лоскутки (букв. до лоскутков) разорвут’
- (65) *Тадзи дурмылгас мужикъяслы медбур лекарство – съӧд-ӧдз* (TERM) *пинялӧм* (Попов 2008: 109)
‘Мужикам при таком одурении лучшее лекарство – дочерна обругать’

Часты пересечения областей шкалы и состояния при использовании терминатива (иногда в паре с эгрессивом, ср. 3.2.6) с существительными, выражающими профессию, род деятельности человека и т. п. В этих случаях также когнитивно представляется шкала, на которой располагаются выражаемые ориентирами понятия.

- (66) *Некодлы ковтӧм морт-ӧдз* (TERM) *друг уси Миш* (Попов 2008: 62)
‘Мишка внезапно упал до никому не нужного человека’
- (59) *Сійӧ 15 во нин уджалӧ кусӧдчысьӧн, шонер-сянь* (EGR) *быдмис отрядса начальник-ӧдз* (TERM) (КМ 04.12.2007)
‘Он уже 15 лет работает пожарным, вырос от шофера до начальника отряда’

3.2.8. Область абстрактных отношений

К этой области можно отнести употребления местных падежей, представляющие различные абстрактные отношения. Например, в форме элатива обозначается материал изготовления:

- (67) *Ставыс тӧян пу-ысь* (ELAT) (ЧЗ 31.08.2007)
‘Всё у вас из дерева’

Схожее значение – указание на состав – служит участком пересечения данной области с социальным пространством:

- (68) *А командой менам дзоньнас том йӧз-ысь* (ELAT) (ӦКК 85)
‘А команда моя вся [состоит] из молодых людей’

Формы илллатива могут использоваться для выражения сравнения, сходства:

- (69) *Оляӧс мам рӧд-ӧ* (ILL) *кыскӧ* (ӦКК 84)
'Оля пошла (букв. *Олю тянет*) в материнский род'

А формы аппроксиматива в конструкциях с глаголом *мунны* 'идти' передают отдаленную схожесть:

- (70) *Ортсыса вид сертиыс ёна мунис <...> Селифан-лань* (APR) (ӦКК 87)
'Внешне сильно походил на <...> Селифана (букв. *в сторону Селифана*)'

- (71) *выль посёлок <...> мунис кар-лань* (APR) (ӦКК 87)
'новый поселок <...> походил на город (букв. *в сторону города*)'

Также местные падежи могут использоваться для выражения определенного отношения к ориентиру:

- (72) *повны кӧин-ысь* (ELAT)
'бояться волка (букв. *из волка*)'

- (73) *Яндзим вӧлі мам-сянь-ыс* (EGR-POSS3SG) и *йӧз-сянь-ыс* (EGR-DEF) (ӦКК 88)
'Стыдно было перед матерью и людьми (букв. *от матери и людей*)'

- (74) *гажӧй тэ-ысь* (ELAT) *бырӧма* (Попов 2008: 49)
'[я] соскучился по тебе (букв. *радость из тебя кончилась*)'

- (75) *эскыны победа-ӧ* (ILL) (ӦКК 83)
'верить в победу'

Элатив может выражать значение компенсации (Гуляев 1961: 12):

- (76) *ыджыд дон-ысь* (ELAT) (Попов 2008: 99)
'за большую цену (букв. *из большой цены*)'

...а также маркировать причину:

- (77) *тишыгьялӧм-ысь* (ELAT) <...> *омӧльтчӧма* (ӦКК 86)
'от голодания (букв. *из голодания*) похудел'

В последнем значении в некоторых диалектах может фигурировать эгрессив:

- (78) *вина юӧм-сянь* (EGR) (ӦКК 88)
'от питья вина'

Абстрактные отношения, обозначаемые местными падежами, не исчерпываются этим перечнем значений. Они могут обозначать средство, способ

действия, а также иметь многие другие функции. Существительные, служащие ориентирами в этих и во многих других примерах, свидетельствуют о пересечении области абстрактных отношений с некоторыми другими областями, рассмотренными выше.

3.2.9. Выводы

Итак, рассмотрение некоторого количества конкретных примеров выявило наиболее частые когнитивные области, отражаемые в семантике местных падежей коми языка. Этот набор когнитивных областей представляет собой матрицу, центральное место в которой занимает ментально спроецированное трехмерное физическое пространство. Все остальные области связаны с физическим пространством, имея с ним зоны непосредственного пересечения или же, например, повторяя определенные структурные модели, функционирующие в нем. Между различными областями также могут быть переходные участки.

Рассмотренный набор когнитивных областей можно представить в виде следующей схемы:

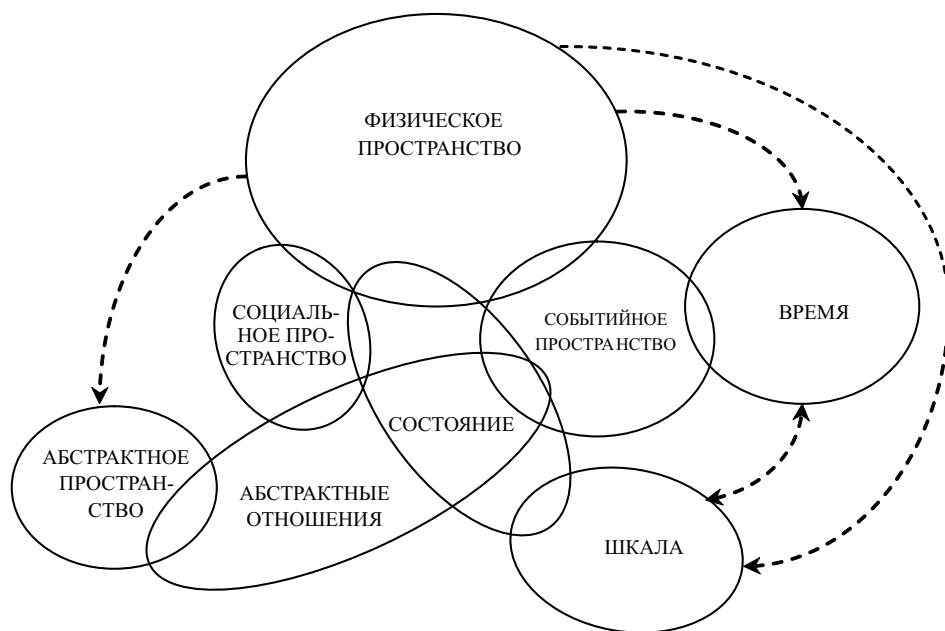

Схема 11. Матрица когнитивных областей для пространственных падежей коми языка

Далее более подробно будут рассмотрены именно и исключительно пространственные значения местных падежей коми языка. Основные непространственные значения местных падежей будут лишь перечислены.

3.3. Внутриместные падежи

В плане выражения локализации инессив, элатив и иллатив образует серию внутриместных падежей, выступая, тем не менее, в некоторых периферийных употреблениях также в функции внешнеместных падежей. Вообще говоря, ситуации употребления трех внутриместных падежей в пространственном значении схожи, имея указание на одинаковые локализации и фигурируя с теми же типами ориентиров, отличаясь при этом обозначением различных типов ориентации. По этой причине и во избежание излишних повторов основная пространственная семантика этих падежей будет рассмотрена вместе. Употребление инессива, иллатива и элатива в определенных специфических ситуациях, а также их непространственная семантика будут описаны отдельно.

Среди пространственных падежей современного коми языка **инессив** характеризуется высокой функциональной нагрузкой. Он может выражать любые локальные характеристики. Его первичным и основным значением является указание на местонахождение траектора относительно ориентира в физическом пространстве.

В древнепермском литературном языке⁵¹ в функции инессива параллельно использовались маркеры *-ын* и *-өн* (Лыткин 1952: 103, 104), последний из которых в современном коми языке является суффиксом инструменталиса. В древнепермском языке эти суффиксы не были дифференцированы: *-ын* мог употребляться в значении инструменталиса, а *-өн* – в значении инессива (Лыткин 1952: 105; ОФУЯ 1976: 147). Следы такой недифференцированности имеются и в современном коми языке: *там-өн* ‘здесь’, *важ-өн* ‘давно’.

Считается, что элемент *-н* инессива образовался от локативного **-на/*-nä* (ОФУЯ 1976: 145–147). Компонент *-ы-* связывается с локативным *-і*, следы которого выделяются в параллельных формах некоторых наречий (Юдакин 1997: 110): *сэ-н* = *сэ-н-і* ‘там’. Согласно наиболее общему мнению, *-ы-* представляет собой конечную гласную основы, примкнувшую к падежному суффиксу (Гуляев 1961: 110–112). Также можно предположить, что *-ы-* является связкой.

⁵¹ Использование термина *древнепермский литературный язык* следует считать условным. Тексты письменных языковых памятников представляют определенные диалекты языка прошлых столетий. Поэтому какие-либо выводы можно делать лишь касаясь этих диалектов, но не о языке в целом. К тому же, нет основания говорить о литературном языке в широком смысле, поскольку его использование ограничивалось церковной жизнью (Бараксанов 1986: 5).

В плане обозначения ориентации **иллатив** вместе с аппроксимативом и терминативом представляет лативный тип ориентации, выражающий перемещение к пространству, связанному с ориентиром (см. также 3.1.1). В более детальном рассмотрении в качестве его локативной роли определяется ‘конечный пункт’.

Согласно задокументированным данным, в древнепермском языке имелся иллативный суффикс *-ö*, а также его диалектные варианты *-э* и *-а* (Лыткин 1952: 103, 104). Считается (ОФУЯ 1976: 147), что он являлся конечным гласным основы, взявшим на себя падежную функцию в результате отпадения лативного **-k*, который сохранился в отдельных словах: *ас-к-и* ‘завтра’, *сэ-к-и* ‘тогда’. А. Юдакин (1997: 157), не отрицая существования лативного **-k* в пермских языках, допускает возможность его узкого распространения.

С точки зрения обозначения ориентации **элатив** вместе с эгрессивом представляет элативный тип ориентации, выражающий перемещение от пространства, связанного с ориентиром (см. также 3.1.1). Более детальное рассмотрение определяет в качестве его локативной роли ‘исходный пункт’.

В языковых памятниках зафиксирован лишь один элативный маркер *-ысь* (Лыткин 1952: 103, 104): *вэл-тыдалан-иныс* ‘с неба’. Тем не менее считается (ОФУЯ 1976: 147), что в прапермское время использовалось два суффикса элатива **-ś-* и **-št-*. В отличие от удмуртского языка, в котором продуктивны оба суффикса, в коми языке следы **-št-* имеются лишь в отдельных словах литературного языка (*вöлисти* ‘наконец’, *куим лун мысти* ‘через три дня’), а также в составе маркера эгрессива *-исьтым* в удорском диалекте (Гуляев 1961: 134–135): *асул-исьтым* ‘с утра’ (ср. лит. *асыв-сянь*).

Элемент *-ы-* элативного суффикса считается конечной гласной основы, слившейся с падежным суффиксом (Гуляев 1961: 110–112). Элемент *-сь-*, несущий значение отделения, отдаления, содержится также в других так называемых *с’*-овых падежных суффиксах. Это дает основание считать элатив предком остальных *с’*-овых падежей (Гуляев 1961: 15).

Рассмотрим центральные и периферийные семантические значения инессива, иллатива и элатива подробнее на примерах.

3.3.1. Центральные значения

Вероятно, наиболее прототипическими значениями инессива, иллатива и элатива, более всего соответствующими свойствам внутриместных падежей, является соответственно указание на ориентир, во внутренних пределах которого находится, во внутренние пределы или из внутренних пределов которого движется траектор (локализация IN). Ориентиром, как правило, является трехмерный объект, реализующий образ-схему КОНТЕЙНЕРА. Все три падежа нейтральны как в отношении формы, так и размера

ориентира. При иллативе реализуется также образ-схема ЦЕЛИ, а при элативе – образ-схема ИСТОЧНИКА:

- (79) *Карас олө ну керка-ын* (INESS) (КМ 11.10.2007)
'В городе [она] живет в деревянном доме'
- (80) *Биджыд мам видзис тайө медальонсө <...> невиджыд туис-ын* (INESS) (ПГ 03.04.2007)
'Бабушка хранила этот медальон <...> в небольшом тувеске'
- (81) *кабина-ас* (INESS.DEF) *эм нин пукалысьыс* (Звезда 02.11.2007)
'в кабине уже есть сидок'
- (82) *Кольквиж рёма кудй-ын* (INESS) (КМ 01.03.2007)
'В ящике желтого цвета'
- (83) *пошта кудй-ө* (ILL) *чөвтас <...> выль газет* (КМ 24.05.2007)
'бросит в почтовый ящик <...> новую газету'
- (84) *Медся бур пуктыны яйсө холодильник-ө, дозй-ө* (ILL) *тэчөмөн* (ПГ 03.04.2007)
'Всего лучше положить мясо в холодильник, сложив в посуду'
- (85) *Кыдзи доймөм шоперөс перйыны лязалөм cabina-сьыс* (ELAT.DEF) (КМ 03.07.2007)
'Как вытащить раненого шофера из смятой кабины'
- (86) *Мария Архиповна перйылис шкан-сьыс* (ELAT.DEF) *куим пельөса письмөяс* (КМ 23.06.2007)
'Мария Архиповна выкладывала из шкафа треугольные письма'

Существенно, что инессив, иллатив и элатив нейтральны также по отношению к закрытости. Сохраняя трехмерность и внутреннюю полость в качестве вместилища траектора, ориентир необязательно должен быть замкнутым контейнером, его «замкнутость» может быть различной степени (Князев 1999: 187), например:

- (87) *Биджыд гырнич-ын* (INESS) *ва шонтас* (Тимин 2000: 10)
'Нагреет в большом горшке воду'
- (88) *Пөртй-ө ли ведра-ө* (ILL) *кисьтны неуна ва* (ПГ 03.04.2007)
'В котел или в ведро налить немного воды'
- (89) *Мед вор-сьыс* (ELAT.DEF) *юёны* (Попов 2008: 366)
'Пусть пьют из корыта'

Ориентир может и не иметь полости, будучи субстанцией. В таком случае инессив указывает на расположение траектора в сплошной среде, иллатив

выражает движение траектора в однородную среду, а элатив указывает на движение траектора из однородной среды наружу (локализация INTER):

- (90) *некымын минут видзыштны пуём ва-ын* (INESS) (КМ 20.10.2007)
'несколько минут подержать в кипящей воде'
- (91) *суніс ва-ө* (ILL) (Тимин 2000: 37)
'[он] нырнул в воду'
- (92) *Сылы мойвиис лэптыны ва-ысь* (ELAT) *420 грамм чери* (КМ 04.09.2007)
'Ему удалось поднять из воды 420 граммов рыбы'
- (93) *Мед байдөг гөн кодь небыд му-ын* (INESS) *куйлас* (Попов 2008: 116)
'Пусть лежит в мягкой, как пух куропатки, земле'
- (94) *нидзув моз му-ас* (ILL.DEF) *пыран* (Звезда 08.05.2007)
'словно червь в землю заходишь'
- (95) *петёны му-ысь* (ELAT) *ключьяс* (ВТ 25.08.2007)
'из земли выходят родники'
- (96) *коскөдзыс лымй-ын* (INESS) (Тимин 2000: 123)
'по пояс в снегу'
- (97) *коскөдзыд няйт-ө* (ILL) *вöян* (КМ 26.04.2007)
'до пояса провалишься в грязь'
- (98) *зорөд-ысь* (ELAT) *мыччысис кутшөмкө зверь* (ÖКК 84)
'из стога появился какой-то зверь'

Подвидом наиболее прототипического значения внутриместных падежей можно считать их употребление для указания не полного, а лишь частичного включения траектора во внутренние пределы ориентира:

- (99) *ыджыд тазй-ын* (INESS) <...> *рөсада* (ВТ 19.09.2007)
'в большом тазе <...> рассада'
- (100) *коскөдз көдзыд ва-ын* (INESS) <...> *лун и вой уджалім* (КМ 28.04.2007)
'по пояс в холодной воде <...> [мы] работали день и ночь'

При этом даже бóльшая часть траектора вполне может находиться вне внутреннего трехмерного пространства ориентира. Однако важно, что внутри ориентира должно располагаться основание объекта-траектора, если даже оно меньше выдающейся его части. То, что воспринимается в качестве основания траектора, выводится когнитивно из нашего антропоцентричного рассмотрения структуры мира и энциклопедических знаний и, как правило, понимается всеми одинаково. Например, рассада (траектор)

в примере (99) вырастает из земли в тазу (ориентир) и отчасти выходит за внутренние пределы контейнера, а ее корни (основание) остаются внутри. Именно так понимается данная ситуация и никак иначе. Объект *мы* (траектор) в примере (100) понимается стоящим (возможно, движущимся, но так или иначе в вертикальном положении) в воде (ориентир) «по умолчанию» на ногах. Ноги здесь являются основанием, поскольку наиболее прототипическим положением человека представляется вертикальное положение (на ногах). Точкой опоры (= основанием) могут служить также другие части тела.

Подвидом прототипического значения иллатива видится выражение действия или движения во внутренние пределы пространства, образуемого путем сгибания плоского ориентира таким образом, что он образует объем. В этом случае изначально двухмерный плоский объект, ни коим образом не теряя своей плоскости, становится оболочкой образуемого контейнера. В качестве ориентира могут служить любые плоские предметы, могущие послужить оберткой:

(101) *Бджыд мам видзис тайӧ медальонсӧ дӱра-ӧ* (ILL) *гартыштӧмӧн* (ПГ 03.04.2007)
 ‘Бабушка хранила этот медальон звернутым в ткань’

(102) *Зонъяс гартчӧмайсь еджыд дӱра-ӧ* (ILL) (Йӧлӧга 09.11.2007)
 ‘Парни обвязались белой тканью (букв. в белую ткань)’

В случае отсутствия у пространственного ориентира четких физических границ, в языке он идеализируется до 0-мерного пространства. Падежи несут при этом, так сказать, обобщенную функцию:

(103) *Вир-яйыс лои сӧтийӧм кокни, мый быттьӧ чеччыштан кӧ, сынӧд-ас* (ILL.DEF) *качан* (Попов 2008: 162);
 ‘[Его] тело стало таким легким, что словно если подпрыгнешь, в воздух поднимаешься’

(104) *Ме радейтлі пукавны ывла-ын* (INESS) *керка пос тиштӧдын* (КМ 10.02.2007)
 ‘Я любил сидеть на улице на ступеньке крыльца дома’

(105) *стрӧйтчанін-ын* (INESS) *мырсьыны* (ВТ 20.10.2007)
 ‘на стройке трудиться’

(106) *Анатолий Африканович бара петӧма ывла-ӧ* (ILL) (КМ 23.06.2007)
 ‘Анатолий Африканович снова вышел на улицу’

(107) *Ӕртӧй медводз садьмӧма да <...> пырис нин ывла-ысь* (ELAT) (ВТ 10.10.2007)
 ‘[Мой] друг проснулся первым и <...> уже зашел с улицы’

- (108) *Төвъянн-ысь* (ELAT) *тундрао мөдiсны прöйдитны <...> асланыс сикт пыр* (Гуляев 1961: 21)
 ‘С места зимовки в тундру они начали переезжать <...> через родное село’

3-мерное пространство условно может идеализироваться до 2-мерного, если ориентиром является территория с двумя доминирующими измерениями. Как правило, это зона, ограниченная мысленно, административно или географически (Vainik 1995: 60), например:

- (109) *Коми Республика-ын* (INESS) *литературнöй олöмыс дзулькiөн нуö* (КМ 04.12.2007)
 ‘Литературная жизнь в Республике Коми бьет ключом’
- (110) *Неважөн республика-ö* (ILL) *волiс вице-премьер Иванов* (ПГ 16.06.2007)
 ‘Недавно в республику приезжал вице-премьер Иванов’
- (111) *Ачыссö вöлöма кыськö Питер-ысь* (ELAT) (ÖКК 86)
 ‘Сам был откуда-то из Питера’
- (112) *позьö аддзöдлыны <...> мукöд му-ысь* (ELAT) *локтöм челядтö* (Йöлöга 19.01.2007)
 ‘можно увидеть <...> детей, приехавших из других стран’
- (113) *отсав коньöр куканьлы петны нюр-ысь* (ELAT) (Тимин 2000: 17)
 ‘помоги несчастному теленку выйти из болота’
- (114) *Тi локтiнныд вөр-ысь* (ELAT) *кыйдöсөн* (ПГ 03.04.2007)
 ‘Вы пришли из леса с добычей’

3.3.2. Периферийные значения

В некотором смысле промежуточным между указанием локализаций IN и AD является использование внутриместных падежей в случаях, когда траектор является фактически фрагментом ориентира, реализующего образ-схему ПОВЕРХНОСТИ:

- (115) *Небöглөн 204-öд лист бок-ын* (INESS) *пасйöма...* (КМ 03.04.2007)
 ‘На (букв. в) 204-ой странице книги отмечено...’
- (116) *Кышöд-ас* (INESS.POSS3SG) *сернас* (Йöлöга 01.06.2007)
 ‘На (букв. в) обложке рисунок’
- (117) *гараж öдзöс-ын* (INESS) *синтö желлялö ыджыд свастика* (КМ 02.10.2007)
 ‘на (букв. в) двери гаража мозолит (букв. *занозит*) глаза большая свастика’
- (118) *öшиньяс-ын* (INESS) *ворсiсны шондi югөръяс* (Попов 2008: 15)
 ‘на (букв. в) окнах играли солнечные лучи’

- (119) *чужём-ас* (INESS.POSS3SG) *вир нас нин ээ төдчы* (Тимин 2000: 140)
 ‘на (букв. е) [его] лице уже не было заметно ни кровинки’
- (120) *Син улё усъльвлісны сойяс-ас, морёс-ас да пельном-ас* (INESS.POSS3SG)
ранаясыс (КМ 21.08.2007)
 ‘На глаза попадались раны на (букв. е) [его] руках, груди и плечах’
- (121) *кияс-ас* (INESS.POSS3SG) – *емъясён чутёдём съёд рёма серпасъяс* (Тимин 2000: 114)
 ‘[у них] на (букв. е) руках – наколотые (иглами) рисунки черного цвета’
- (122) *голя-ас* (INESS.POSS3SG) *чукыръяс* (ПГ 05.04.2007)
 ‘[у нее] на (букв. е) шее морщины’

Траектор имеет относительную неотделимость от ориентира или даже может быть частично погружен в него, но не является перманентной его частью. Например, исчезнув, он может перестать быть частью ориентира, или может быть «наложен» на него извне, под воздействием внешних сил.

Будучи органической частью ориентира, траектор включен в ориентир, но, тем не менее, отделим от него. Возможно, поэтому визуально движение траектора воспринимается как направленное с поверхности ориентира:

- (123) *Федя нетшыиштіс керй-ысь* (ELAT) *кырсь тор* (ÖKK 85)
 ‘Федя оторвал от (букв. из) бревна кусок коры’
- (124) *пöлтчём сөнъяса ки-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *гаддыс, тыдалё, некор оз бырлы* (КМ 09.03.2007)
 ‘мозоли на [ее] руках (букв. из [ее] рук) со вздувшимися венами, похоже, никогда не пропадают’

Так же можно охарактеризовать употребления элатива в примерах, в которых траектор выражает абстрактные понятия, обозначающие, например, различные состояния человека, выраженные и визуально наблюдаемые на его лице (усталость, сонливость и пр.):

- (125) *көдзыд сынёдыс чышкыштіс чужём-сьыныс* (ELAT.POSS3PL) *унзильсö* (Гуляев 1961: 48)
 ‘морозный воздух стер сонливость с (букв. из) [их] лиц’

Для описания подобных ситуаций формы внутриместных падежей видятся наиболее естественными конструкциями в коми языке, хотя визуально траектор воспринимается располагающимся на поверхности ориентира (ср. 3.3.2.3).

3.3.2.1. Локализация АД

В силу отсутствия в коми языке отдельных местных падежей для выражения поверхностной локализации АД, внутриместные по характеру инессив, иллатив и элатив в особых случаях могут брать эту функцию на себя. Особыми являются случаи фигурирования в качестве ориентира объектов определенного топологического типа, а именно, так называемых «сплошных» предметов, не имеющих внутренней полости (см. также Некрасова 1989: 5), как то, пол, стена, дно, доска, полка и др.:

- (126) *джодж-ын* (INESS) *вольсалёма линолеум* (ВТ 31.01.2007)
'на (букв. в) полу постелен линолеум'
- (127) *воим да джодж-ас* (ILL.DEF) *пыр жö и пласькысим-водалім* (ВТ 04.08.2007)
'добрались и сразу же распластались-легли на (букв. в) пол'
- (128) *кокниа лэптис сійöс джодж-сьыс* (ELAT.DEF) (Попов 2008: 237)
'[Он] легко поднял ее [сумку] с (букв. из) пола'
- (129) *Егорий нукалö öшинь дорас лабич-ын* (INESS) (КМ 02.06.2007)
'Егорий сидит у окна на (букв. в) лавке'
- (130) *Ачыс пуксис лабич-ö* (ILL) *да шытöг бöрддзис* (Попов 2008: 310)
'Сама [она] села на (букв. в) лавку и беззвучно заплакала'
- (131) *Кинас ковмис отсышитны лабич-сьыс* (ELAT.DEF) *пукаланінсö торйöдны*
(Попов 2008: 335)
'Пришлось рукой помочь отделить седалище от (букв. из) лавки'
- (132) *ва пыдöс-ас* (INESS.DEF) *уна вöйöм керйыс* (КМ 27.10.2007)
'на (букв. в) дне воды затонувших бревен много'
- (133) *Банка пыдöс-ö* (ILL) *колö пуктыны сакар-песок* (КМ 18.10.2007)
'На (букв. в) дно банки нужно положить сахарный песок'
- (134) *пыдöс-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *тыдалö быд из* (ПГ 21.08.2007)
'на (букв. в) дне виден каждый камень'
- (135) *Бджыд мам видзис тайö медальонсö <...> гöвбöч джаджй-ын* (INESS)
(ПГ 03.04.2007)
'Бабушка хранила этот медальон на (букв. в) полке в подполье'
- (136) *джаджй-ысь* (ELAT) 'с (букв. из) полки'
- (104) *Ме радейтли пукавны ывлаын керка пос тишупöд-ын* (INESS)
(КМ 10.02.2007)
'Я любил сидеть на улице на (букв. в) ступеньке крыльца дома'

- (137) *пөтлөк-ас* (ILL.DEF) *еджыд югыд усьö* (КМ 27.10.2007)
'на (букв. ө) потолок падает белый свет'

В силу явного доминирования в объектах-ориентирах двух измерений, в языке они идеализируются до двухмерной плоскости, реализуя тем самым образ-схему ПОВЕРХНОСТИ. При этом важен именно топологический характер ориентира, а его положение может быть как горизонтальным, так и вертикальным и т. д.:

- (138) *лавкалөн ывла стен-ын* (INESS) *дыр öшалис вушйöм гижöда пöв*
(КМ 02.10.2007)
'на (букв. во) внешней стене магазина долго висела вывеска со стертой надписью'
- (139) *магазин стен-ö* (ILL) *öшöдлисны гижöд* (ПГ 03.05.2007)
'на стене (букв. в стену) магазина вешали объявление'
- (140) *босьтис стен-ысь* (ELAT) *пищальсö* (Попов 2008: 407)
'[он] взял со (букв. из) стены ружье'
- (141) *кильчö öдзöс-ас* (ILL.DEF) *вöсни бедь пуктöмабсь* (Попов 2008: 265)
'в двери (букв. в дверь) на крыльце всунута тонкая палка'
- (142) *казялисны öдзöс-сьыс* (ELAT.DEF) *томансö* (Попов 2008: 226)
'[они] заметили на (букв. из) двери замок (висячий)'

Кроме того, как правило, ориентир служит для траектора «опорой». Горизонтальный ориентир в результате воздействия гравитационных сил, т. е. естественным образом, становится опорой. В случае вертикально направленной плоскости-ориентира траектор должен быть каким-то образом прикреплен (подвешен, прибит, приклеен и пр.) к нему и за счет этого находиться на его поверхности. Поэтому в ситуациях, когда что-либо висит, вешается или снимается со стены или с любой другой плоской вертикальной поверхности, в коми языке «по умолчанию» должны использоваться формы внутриместных падежей. И наоборот, например, сколь угодно высокий шкаф, стоящий на полу и даже бóльшей своей частью примыкающий к стене, не может рассматриваться находящимся на стене, так как стена не является для него опорой. Исключение в виде нетипичного примера (161) в 3.3.2.2, где вертикальная поверхность служит ориентиром, не являясь при этом опорой для траектора, не видится нарушением этого условия.

В качестве поверхностей, в случае которых реализуется внешнеместное значение внутриместных падежей, зачастую выступают пол, потолок и стены реальных помещений, вкуче образующие модель «коробки». Ориентирами могут быть также другие двухмерные объекты, вписывающиеся в такую модель. «Коробка» как подвид КОНТЕЙНЕРА имеет определенные

структурные элементы, отличающие ее просто от контейнера как такового, а именно, более или менее четко выделяемые нижнюю, верхнюю и боковые плоскости. При этом «коробка» может быть неправильной формы, незамкнутой и не иметь всех граней, «достраиваясь» до «коробки» ментально. Однако плоскость, служащая траектором, должна соответствовать низу, верху или бокам реальной или представляемой «коробки». Так, например, и *пол* помещения, и *дно* водоема одинаково концептуализуются как нижние плоскости «коробки».

В употреблении падежных форм в случае *лавки*, а также *ступеньки* в функции лавки можно предположить функциональную подоплеку: при выражении лежания или сидения на них используется, например, инессивная форма, а в остальных случаях, скорее, послеложная конструкция. Однако это трудно утверждать наверняка, потому как, вероятно, под влиянием русского языка в функции обозначения локализации AD в современном коми языке очень часто выступают послеложные конструкции:

- (143) *Гриш вель дыр на пукаліс лабич вылын* (AD) (Попов 2008: 323)
 ‘Гриша еще довольно долго сидел на лавке’
- (144) *Лабич вылын* (AD) *куйлӧны пызь кудъяс* (ВТ 03.11.2007)
 ‘На лавке лежат коробки с мукой’
- (145) *кильчӧ сод вылӧ* (AD) *сувтис зон* (Попов 2008: 99)
 ‘на ступеньку крыльца встал парень’
- (146) *пукяс гӧбӧч сод вылас* (AD) (КМ 01.12.2007)
 ‘сядет на ступеньку голбца’
- (147) *Тані торья пӧв вылын* (AD) *гижӧма ним-овсӧ* (КМ 11.10.2007)
 ‘Здесь на отдельной доске написаны имена-фамилии’
- (148) *Почёт пӧв вылӧ* (AD) <...> *дас мортӧс шуис гижны* <...> *комиссия*
 (ПГ 13.02.2007)
 ‘На доску почета <...> комиссия <...> решила записать десять человек’
- (149) *татиӧм кывъяс позьӧ аддзыны мемориальной пӧв вылысь* (AD)
 (КМ 09.11.2007)
 ‘такие слова можно увидеть на мемориальной доске’

Не менее важным обстоятельством для понимания инессива, иллатива и элатива в качестве маркеров поверхностной локализации и условием их использования во внешнеместном значении видится наше знание о конвенциональном расположении траектора относительно ориентира. Например, «по умолчанию» ружье снимается со стены, а не из нее (в противном случае это должно быть как-то маркировано); висячий замок может висеть на двери, но никак не внутри нее; линолеум может быть постелен только

на полу и никак не внутри него; сидеть мы можем только на лавке и никак не внутри нее; что угодно может висеть на стене, но никак не внутри нее и т. д.

По всей видимости, это обстоятельство является даже решающим. Тем более что несмотря на отсутствие у этих двухмерных (в большей мере) ориентиров внутренней сферы, их инессивные, иллативные и элативные формы при описании некоторых других ситуаций могут содержать указание именно на локализацию IN, а не AD. К примеру, гвоздь может быть забит или отверстие проделано и в полке, и в полу, и в лавке и т. д., например:

(150) *Тувъялам кӧ пӧвй-ӧ* (ILL) *йитӧд вылӧ кӧрт тув...* (КМ 05.05.2007)
'Если забьем в доску гвоздь для соединения...'

(151) *тишыныс петлӧма йирк-ын* (INESS) *вӧчӧм розьӧд* (Йӧлӧга 09.03.2007)
'дым выходил через отверстие, проделанное в потолке'

Ориентир *земля*, представленная как сплошная однородная среда в примерах (93–95), может концептуализоваться и по-другому – как двухмерная плоскость. В этом случае для нее релевантна видимая верхняя поверхность:

(152) *Ӧнӧ куйлӧны му-ын* (INESS), *оз сэсса бӧр кыпавны пу вожъяс вылӧ*
(Йӧлӧга 14.09.2007)
'Теперь [листья] лежат на (букв. в) земле, больше не поднимутся обратно на ветки деревьев'

(153) *Тикӧ пуктис му-ас* (ILL.DEF) *тубрассӧ* (Тимин 2000: 208)
'Тикӧ положил сверток на (букв. в) землю'

(154) *Гӧрд да виж коръяс лӧбӧны пуяс вылысь му-ас* (ILL.DEF) (КМ 13.10.2007)
'Красные и желтые листья слетают с деревьев на (букв. в) землю'

(155) *сӧйӧ лӧптис юрсӧ му-ысь* (ELAT) (Попов 2008: 380)
'он поднял голову с (букв. из) земли'

Эти примеры ((93–95) и (152–155)) демонстрируют совмещение в одной лексеме разных топологических характеристик, реализуемых в разных употреблениях. Двусмысленности и обратной интерпретации, тем не менее, в этих примерах не возникает, их правильное понимание обеспечивается контекстом и энциклопедической информацией: упав с деревьев, листья слетают НА землю или лежат НА земле (примеры (154) и (152) соответственно), а умершие хоронятся В земле (пример (93)) и т. д.

В некоторых ситуациях ориентир может иметь одно доминирующее измерение, тем не менее, он интерпретируется как плоскость:

- (156) *Лэбачьяс чеччалёны увй-ысь-увй-ё*⁵² (ELAT)-(ILL) (ELAT & ILL)
(Гуляев 1961: 21)
'Птички перелетают с (букв. цз) ветки на (букв. в) ветку'

3.3.2.2. Локализация APUD

Достаточно специфическим можно считать употребление маркеров внутриместных падежей в ситуации, где вместо самого ориентира активизировано его непосредственное окружение (локализация APUD):

- (157) *Эжва йыл-ын* (INESS) *кыталёны вичкояс* (Звезда 28.08.2007)
'В верховье Вычегды строятся церкви'
- (158) *Таво найё кёсийёны ветлыны корсьысьны Эжва йыл-ё* (ILL) (КМ 05.06.2007)
'В этом году они собираются съездить на поиски в верховье Вычегды'
- (159) *Пач пельёс-ын* (INESS) *Шурик суседыс мыйкё шёпкёдiс гётырыслы* (ЧЗ 31.08.2007)
'Возле угла (букв. в углу) печи сосед Шурик что-то шептал жене'
- (160) *Ме пуксьышти пызан пельёс-ас* (ILL.POSS3SG) (ПГ 05.04.2007)
'Я присел в углу (букв. в угол) стола'

Интересно обозначение – возможно, единственное в своем роде – инессивной формой расположения траектора непосредственно возле ориентира (локализация APUD) в следующем примере:

- (161) *Пызаныс вепсьяслён сулавлёма <...> ёшиньладор стем-ас* (INESS.DEF)
(Йёлёга 09.03.2007)
'Стол у вепсов стоял <...> у стены (букв. в стене) с окнами'

В данном примере наблюдается примыкание траектора к двумерному вертикальному ориентиру, однако ориентир не является для траектора «опорой» (ср. 3.3.2.1). Более того, нахождение траектора на поверхности ориентира, как в случае ориентиров этого же типа в предыдущих примерах, контекстуально исключается. Как правило, для выражения такой ситуации в коми языке используются послеложные конструкции.

3.3.2.3. Локализация на теле

Особым подвидом пространства можно считать тело – как правило, человеческое, но не только – и его части. Маркеры инессива, иллатива и элатива при словах в соответствующем значении могут содержать ука-

⁵² Орфографические правила коми языка предполагают раздельное написание: *увйысь увйё*.

знание как на поверхность, так и на внутреннее пространство, ср. следующие примеры:

- (162) **Юр-ас** (INESS.POSS3SG) – *кучик юр кышöд* (Тимин 2000: 136)
'[У него] на (букв. е) голове – кожаный головной убор'
- (163) *Эм пöрысь юр-ас* (INESS.POSS3SG) *öти гуся мöвп* (Тимин 2000: 90)
'Есть в его] старой голове одна тайная мысль'
- (164) **юр-ас** (ILL.POSS3SG) *пуктис вьль шапкасö да петис* (Попов 300)
'на (букв. е) голове положил новую шапку и вышел'
- (165) *мыйлакö юр-ас* (ILL.POSS3SG) *воис татшöм мöвп* (Попов 317)
'почему-то в его] голове пришла такая мысль'
- (166) *Кульыштисны юр-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *чышгянсö* (КМ 10.04.2007)
'[Они] сорвали с (букв. из) [ее] голове платок'
- (167) *Миш <...> шыбитис юр-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *майшасяна мöвпсö*
(Попов 2008: 17)
'Миша <...> выбросил из голове тревожную мысль'

В примерах (162), (164), (166) ориентир понимается как поверхность, а в ((163), (165), (167)) – точно такие же словоформы в ином окружении несут однозначно внутриместное значение, пусть даже лишь ментально представляемое.

Ситуация, описанная в примерах (162), (164), (166), является типичным примером использования названий частей тела в форме внутриместных падежей в функции ориентира при выражении ношения (INESS), одевания (ILL) или снятия (ELAT) предметов обуви и одежды, а также часов, украшений, предметов туалета и пр. См. также следующие примеры:

- (168) *Регыд воас першав, сой-сьыд* (ELAT.POSS2SG) *разяс клячсö* (Гуляев 1961: 48)
'Скоро придет фельдшер, развяжет с (букв. из) [твоей] руки жгут'
- (169) **кок-ас** (INESS.POSS3SG) *кучик кöм* (Тимин 2000: 12)
'[у него] на ногах (букв. в ноге) кожаная обувь'
- (170) *Катя <...> суйис куш кок-ас* (ILL.POSS3SG) *вайöм сапöгсö*. (Попов 32)
'Катя <...> надела принесенные сапоги на босые ноги (букв. в ногу)'
- (171) *Сэся мöд кок-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *кöмсö вежис* (Попов 32)
'Затем на (букв. из) другой ноге поменяла обувь'
- (172) *Кöрталöм мужиклысь разисны кок-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *гезсö* (Попов 368)
'У связанного мужика развязали на ногах (букв. из ноги) веревку'

- (173) *зарни медальтö öшлöны США-са <...> спортсменяслы сьыли-ас* (ILL.POSS3SG) (КМ 07.08.2007)
‘золотую медаль вешают на (букв. *ө*) шею спортсменам США’
- (174) *черыс кылана öшалис козьянын, мышик-ас* (INESS.POSS3SG) (Тимин 2000: 38)
‘топор ощутимо висел в топорне, на (букв. *ө*) спине’
- (175) *Тикö öшöдiс мышик-ас* (ILL.POSS3SG) *сюмöд пестер* (Тимин 2000: 38)
‘Тикö повесил на (букв. *ө*) спину берестяной пестерь’
- (176) *Кутиöм овмöсысь аддзан <...> налön сьылысь выль сийöс да мыш-сьыныс* (ELAT.POSS3PL) *бур седелка* (ЧЗ 29.10.2007)
‘В каком хозяйстве увидишь <...> на их шеях новый хомут, а на [их] спинах (букв. *уз [ух] спин*) хорошую седелку’
- (177) *паныдасим <...> коск-ас* (INESS.POSS3SG) *паськыд тасмаа <...> мужичöйкöд* (КМ 23.10.2007)
‘[мы] встретились с женщиной с широким ремнем на (букв. *ө*) поясе’
- (178) *Тикö мынтöдiс ратниклön кос-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *нюлыссö* (Тимин 2000: 212)
‘Тикö отцепил с (букв. *уз*) пояса ратника колчан’
- (179) *пельном-ас* (ILL.POSS3SG) *öшöдöма газет-журнал тыра нонсö* (КМ 07.07.2007)
‘на [его] плече (букв. *ө [его] плечо*) повешен полный газет и журналов мешок’

Нередки случаи метафорического переноса частей тела на неодушевленные объекты:

- (180) *фотоснимок мышик-ас* (INESS.POSS3SG) (КМ 03.07.2007)
‘на обратной стороне (букв. *ө спине*) фотоснимка’

Объективно говоря, предметы одежды, обуви и т. п. могут носиться, как и одеваться и сниматься, не иначе как только НА поверхности, НА поверхность или С поверхности тела соответственно, покрывая соответствующую ее часть (за исключением серег и других схожих украшений, требующих прокалывания кожи (локализация IN) в соответствующих частях тела). Поэтому, в принципе, нет прямой необходимости подчеркивать именно поверхность той или иной части тела.

Е. С. Гуляев (1961: 49) такое использование элативных форм (по логике вещей, также инессивных и элативных форм) объясняет следующим образом:

«Если говорящий на русском языке в предложениях типа снять шапку с головы акцентирует внимание на движении с поверхности предмета, то говорящий на пермских языках в подобных конструкциях выражает идею

отделения части от целого, из совокупности. Например, в предложении пӧрччис кисьыс кепысьсӧ «он снял рукавицы с руки» рукавицы и рука мыслятся как нечто единое, состоящее из двух прилегающих друг к другу предметов» (Гуляев 1961: 49)

Такое объяснение сопрягается с примерами использования внутриместных падежей, промежуточного между обозначением локализации IN и AD (см. 3.3.2).

Акцентирование внимания – правда, не посредством падежного маркера – именно на поверхности соответствующей части тела в описанных ситуациях в коми языке можно, тем не менее, также констатировать:

- (181) *Юр выланьс* (PP.POSS3PL) *новлӧмабсь ки чышкӧд сьма чышьяньяс* (Йӧлӧга 10.08.2007)
'На голове [они] носили платки наподобие полотенец'
- (182) *Нӧшта на и сьӧдӧник рӧма чышьян юр вылас* (PP.POSS3SG) *пуктӧма* (Попов 34)
'Еще и черноватый платок положила на голову'
- (183) *кватитӧма юр вывьсьыс* (PP.POSS3SG) *дона шапкасӧ* (ВТ 24.02.2007)
'[он] схватил с ее головы дорожную шапку'
- (184) *весиг сумкаӧй пельном выльыс* (PP[POSS1SG]) *мынӧма* (КМ 10.11.2007)
'даже сумка сорвалась с [моего] плеча'

Подобное синонимичное использование послеложных конструкций в современном коми языке встречается, возможно, даже чаще падежных форм. Однако это следует считать влиянием русского языка, поскольку падежные формы являются исторически первичными и свойственными коми языку.

Параллельное выражение одной и той же семантической роли посредством падежных и послеложных конструкций имеет ограничения. А именно, если обозначение конструкциями с послелогами ношения, одевания и снятия предметов одежды и т. п. (и не только) в случае лица, головы, плеч и некоторых других частей тела допустимо и используется часто, то моя языковая компетенция подсказывает, что такое обозначение представляется маловозможным относительно пальцев, рук, ног, пояса, ушей и некоторых других частей тела. Во всяком случае, в рассмотренном текстовом материале примеры такого употребления не встречаются. Последние в таком контексте принимают падежные формы.

Что касается ушей, а также любых других частей тела в качестве ориентира для различного рода украшений, использование маркеров внутриместных падежей достаточно мотивировано – как правило, ношение подобных украшений требует прокалывания кожи (локализация IN) в соответствующих частях тела:

- (185) *пел-яс* (INESS.POSS3SG) *югъялӧ зарни* (ВТ 28.04.2007)
'в [его] ухе сверкает золото'

В фигурировании пальцев, рук, ног, пояса в качестве ориентира при траекторах, выраженных предметами одежды, украшениями и пр. имеется два важных общих момента. Один из них касается физических свойств, а точнее формы названных ориентиров – каждый из них представляет из себя объект, схематически напоминающий некий фрагмент «трубы» различной величины. Второй момент является общим для траекторов – все они обхватывают ориентир, необязательно полностью покрывая его, но образуя вокруг «трубы» замкнутый круг или плоскость:

- (186) *Корсюрӧ чун-яс* (INESS.POSS3SG) *дзирдыштліс алмаз* (Тимин 2000: 242)
'Иногда на (букв. е) [ее] пальце сверкал алмаз'
- (187) *Аньыдлӧн ки-ас* (INESS.POSS3SG) *вӧлі <...> выль часі* (ЧЗ 31.08.2007)
'У женщины на (букв. е) руке были <...> новые часы'
- (188) *пӧрччис ки-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *кепысьсӧ* (Гуляев 1961: 49)
'[он] снял рукавицы с (букв. из) руки'
- (170) *кок-ас* (INESS.POSS3SG) *кучик кӧм* (Тимин 2000: 12)
'[у него] на ногах (букв. в ноге) кожаная обувь'
- (171) *Катя <...> суйис куш кок-ас* (ILL.POSS3SG) *вайӧм сапӧгсӧ*. (Попов 32)
'Катя <...> надела принесенные сапоги на босые ноги (букв. в ногу)'
- (173) *Кӧрталӧм мужиклысь разисны кок-сьыс* (ELAT.POSS3SG) *гезсӧ* (Попов 368)
'У связанного мужика развязали на ногах (букв. из ноги) веревку'
- (178) *паныдасим <...> кокк-ас* (INESS.POSS3SG) *паськыд тасмаа <...> мужичӧйкӧд* (КМ 23.10.2007)
'[мы] встретились с мужчиной с широким ремнем на (букв. е) поясе'

Алмаз как таковой в примере (186), вероятнее всего, не обхватывает всего пальца, являясь лишь частью кольца. Однако, здесь он выступает как часть вместо целого – кольца, надетого на палец.

По этой же модели «трубы» и замкнутого круга вокруг нее следует рассматривать также шею в качестве ориентира, как правило, принимающую в подобном контексте форму внутриместных падежей:

- (189) *А едждыд сьылі-ас* (INESS.POSS3SG) *сылӧн – кыкысь гартыштӧм югыд сикӧти* (Тимин 2000: 161)
'А на (букв. е) белой шее у нее – дважды обернутые светлые бусы'
- (190) *Сы сьылі-ын* (INESS) <...> *сийӧс* (ЧЗ 29.10.2007)
'На (букв. е) его шее <...> хомут'

- (191) *сьылі-аныс* (ILL.POSS3PL) *öшлісны медальяс* (Йёлға 08.06.2007)
 ‘на [их] шеи (букв. в [их] шею) вешали медали’
- (177) *Кутийом овмөсысь аддзан <...> налөн сьылі-ысь* (ELAT) *вэль сийёс да мышсыныс бур седелка* (ЧЗ 29.10.2007)
 ‘В каком хозяйстве увидишь <...> на их шеях (букв. из [их] шеи) новый комут, а на [их] спинах хорошую седелку’
- (192) *корталіс гулю голя-ө* (ILL) *письмө* (Звезда 08.05.2007)
 ‘[он] привязал к шее (букв. в шею) голубя письмо’
- (193) *Чернов разис гулю голя-ысь* (ELAT) *еджыд тубрас* (Звезда 08.05.2007)
 ‘Чернов развязал с (букв. из) шеи голубя белый сверток’

Использование в случае шеи синонимичных послеложных конструкций видится поздним и пока еще не доминирующим, но демонстрирующим определенную тенденцию развития явлением в виде отчетливого калькирования соответствующей модели в русском языке:

- (194) *Сьылі вылын* (PP) *автомат* (КМ 20.06.2007)
 ‘На [моей] шее автомат’

3.3.2.4. Локализация DOMUS

Локализация DOMUS реализуется в конструкциях, в которых собственные имена, родственные термины, а также личные местоимения во множественном числе в форме внутриместных падежей предстают в значении ‘у кого-то дома’ (INESS), ‘к кому-то домой’ (ILL) и ‘от кого-то из дома’ (ELAT) (ÖKK 81, 83):

- (30) *Ыджыд мамюяс-ын* (INESS) *яя шыдөн вердісны* (ÖKK 81)
 ‘[Дома] у бабушки (букв. в бабушках) накормили мясным супом’
- (29) *Бисиныс корасьны мөдөдас бать-мамсө Машаяс-ө* (ILL) (ÖKK 83)
 ‘Бисин отправляет отца с матерью свататься к семье/в дом к Маше (букв. в Маше)’
- (31) *Вой шөр бөрын гөсьтьяс разөдчисны <...> Вавиловъяс-ысь* (ELAT) (Попов 296)
 ‘После полуночи гости разошлись от (букв. из) Вавиловых’

В подобных падежных употреблении социальное пространство пересекается с физическим: без падежного суффикса ориентир обозначает коллектив людей (отсюда форма множественного числа), как правило, семью, а в форме местных падежей он выражает место проживания этого коллектива,

т. е. определенный участок физического пространства, в котором происходит, в которое или из которого направлено действие.

В литературе также имеются примеры такого использования собственных имен в единственном числе, что является, однако, редкоиспользуемым исключением:

- (32) *Сава Сандра-ын* (INESS), *тыдало, войпукисны жо, эз на узьны* (Попов 2008: 315)
'У Сава Сандры (букв. в Сава Сандре), видно, тоже еще не спали'

3.3.2.5. Пересечение физического и событийного пространства

При употреблении инессива, илллатива и элатива с ориентирами, явно относящимися к области физического пространства, но содержащими указание на событие, предполагается, с одной стороны, участие в этом событии, и с другой стороны, нахождение, вхождение или выход из физического пространства, в котором это событие происходит. Такие случаи относятся к переходной зоне между физическим и событийным пространствами:

- (195) *Туй-ын* (INESS) *сёрнитисны этиа* (Тимин 2000: 112)
'В дороге разговаривали мало'
- (12) *Петыр да Педьо аскинас водз петисны туй-о* (ILL) (ОКК 83)
'Петыр и Педьо рано утром вышли в путь'
- (196) *Бли туй-ысь* (ELAT) *локтысь мудзо́м йо́з* (Йблoга 19.10.2007)
'Уставшие люди, прибывающие из дальней дороги'
- (11) *Витод классянь заводити ветло́длыны экология кружок-о* (ILL) (КМ 14.04.2007)
'С пятого класса [я] начал ходить в экологический кружок'

3.3.2.6. Специфические употребления илллатива

В качестве специфической функции илллатива можно назвать выражение им соприкосновения траектора с ориентиром в конструкциях с глаголами касания, хватания и т. п. При этом илллатив нейтрален к физическим характеристикам ориентира, реализуя исключительно образ-схему КОНТАКТА:

- (197) *Кулакыс инмис вагон пөвй-о* (ILL) (Попов 2008: 397)
'Кулак попал по вагонной доске (букв. в доску)'
- (198) *коросьыс йирк-ас* (ILL.DEF) *инмало* (ЧЗ 30.07.2007)
'веник попадает в потолок'

- (199) *Друг кодкӧ небыдика шлапкис бӧрсянь пельном-ӧ* (ILL[POSS1SG]) (КМ 02.10.2007)
 ‘Вдруг кто-то мягонько хлопнул [меня] сзади по плечу (букв. в плечо)’
- (200) *Гашкӧ, водзӧ на узис, эз кӧ ӧдзӧс-ас* (ILL.POSS3SG) *зӧрӧдчыны кутны* (Попов 2008: 217)
 ‘Может, [он] еще б поспал, если бы не стали стучаться в дверь’
- (201) *ӧтырышъя ог сыладорсяньыс вугъ-яс* (ILL.DEF) *кутчысьӧй* (КМ 05.05.2007)
 ‘постоянно не с той стороны беремся за (букв. в ручку)’
- (202) *Тикӧ кинас шлачӧдӧ ва-ӧ* (ILL) (Тимин 2000: 37)
 ‘Тикӧ рукой хлопает по воде (букв. в воду)’

Контакт с ориентиром может быть также лишь ментальным:

- (203) *Сӧмын му-ас* (ILL.DEF) *и видзӧдӧ* (ПГ 03.04.2007)
 ‘[Я] только в землю и смотрел’

Отличным от центральных видится употребление иллативного маркера в словах, семантика которых содержит значение ‘проем’. В качестве примера можно привести наиболее часто встречающиеся в такой функции *ӧшинь* ‘окно’ и *ӧдзӧс* ‘дверь’:

- (204) *Макар Микулай воськовтис посводз ӧдзӧс-ӧ* (ILL) (Попов 2008: 107)
 ‘Макар Микулай ступил в дверь коридора’
- (205) *Медбӧрын юрӧс суйи жӧ ичӧтик ӧшин-яс* (ILL.DEF) (КМ 03.11.2007)
 ‘Наконец-таки [я] просунул голову в маленькое окошко’

В отличие от примеров (141–142), в которых ориентир представляется плоским ограниченным объектом с двумя доминирующими измерениями и в языке идеализируется до поверхности, в последних примерах активизирована другая содержательная часть концептов *окно* и *дверь* – проем, образующийся при открывании плоской части двери или окна. В подобных употреблениях иллатив проявляет функциональную связь с пролативом в роли маркера «прохода» (ср. 3.4.1.2): проем двери или окна является «проходом», в которое направлено действие, например через оконный проем видно то, что расположено за плоскостью окна:

- (206) *Бара видзӧдӧлис ӧшинь-ӧ* (ILL) (Попов 2008: 65)
 ‘[Она] снова посмотрела в окно’
- (207) *Сийӧ видзӧдӧлис ӧшинь-ӧ* (ILL), *туй сайын сулалысь керкалань* (Попов 2008: 317)
 ‘Она посмотрела в окно, в сторону дома за дорогой’

Специфическими видятся также ситуации употребления иллативного маркера со словом *рѣмнѣиштан* ‘зеркало’:

(208) *сюся видзѣдліс рѣмнѣиштан-ѣ* (ILL) *Педѣр Миш* (Попов 2008: 125)
‘внимательно посмотрел в зеркало Педѣр Миш’

(209) *видзѣдлан <...> ас вылад рѣмнѣиштан-ѣ* (ILL) (Йѣлѣга 17.08.2007)
‘посмотришь <...> на себя в зеркало’

Будучи объектом с двумя доминирующими измерениями и не имеющим внутренней полости, идеализация зеркала в языке могла бы быть сведена к идее поверхности (ср. 3.3.2.1). Что, впрочем, и утверждается в ÖKK 82 – «направление действия на поверхность предмета»⁵³:

(210) *Восьтіс да гоннѣвтіс рѣмнѣиштан-ѣ* (ILL) (ÖKK 82)
‘Открыл и взглянул в зеркало’

Действительно, как физический объект зеркало внутренней полости не имеет, но благодаря свойству зеркальной поверхности, визуально мы наблюдаем в нем объемное пространство. Объемное изображение видится не иначе как ВНУТРИ зеркала и это оказывается достаточной мотивацией для использования внутриместного падежа при описании подобных ситуаций с зеркалом. По этой же причине послеложные конструкции с указанием на поверхностную локализацию не могут быть использованы здесь в качестве синонимов падежных (ср. 3.3.2.1).

Взглянув на зеркало сбоку, параллельно его поверхности, мы не сможем наблюдать НА нем никакого изображения. Поэтому в случае иллативных примеров взгляд направлен на объемное отражение действительности именно внутри зеркала, а не на его поверхности.

В качестве подтверждения верности изложенного анализа можно рассматривать аналогию с примерами с окном в качестве ориентира, в которых повторяется та же ситуативная модель. Зеркало – это то же «окно», разница состоит лишь в том, что в нем можно наблюдать не то, что находится по ту сторону ее плоскости, а отражение всего того, что расположено по эту ее сторону.

Из всего этого следует, что использования иллатива с зеркалом в качестве ориентира не могут рассматриваться как равнозначные примерам в 3.3.2.1. И в этом смысле приведение конструкции с *зеркалом* в ÖKK 82 в качестве примера выражения действия, направленного на поверхность ориентира, видится не совсем корректным.

⁵³ «эмтор веркѣсѣ керѣм веськѣдѣм» (ÖKK 82).

3.3.2.7. Специфические употребления элатива

Следующая ситуация использования элатива является крайне неординарной:

- (211) *То ну сайсянь петас, то керка пельёс-ысь* (ELAT) *чепёсьяс* (Попов 2008: 145)
‘То из-за дерева выйдет, то из-за угла (букв. из угла) дома выскочит’

Данный пример можно было бы рассматривать вместе с другими периферийными употреблениями внутриместных падежей, представленными в 3.3.2.2. Однако движение здесь происходит не просто из непосредственного окружения ориентира, а из-за него, поскольку ситуация рассматривается с точки зрения наблюдателя: скрытый ориентиром трактор (внезапно) предстает наблюдателю. Тем самым реализуется локализация POST.

3.3.3. Непространственные значения инессива

Кроме обозначения физического пространства, локальное значение, передаваемое инессивной формой, может быть абстрактным (пример (2)), относиться к области состояния (пример (39)), а также временного (пример (212)) и социального пространства (пример (213)):

- (2) *политика-ын да экономика-ын* (INESS) *йёзкөд йитөд кутан агентствойн веськөдлысь* (КМ 03.11.2007)
‘руководитель агенства политических и экономических (букв. в политике и экономике) коммуникаций’
- (39) *Сандра оліс ыджыд шог-ын* (INESS) (ÖKK 82)
‘Сандра пребывала в большой печали’
- (212) *Тулыс-ын* (INESS) *найё ёна полёны* (BT 16.06.2007)
‘Весной (букв. в весну) они сильно боятся’
- (213) *салдат-ын* (INESS)
‘в солдатах (букв. в солдате)’

3.3.4. Непространственные значения иллатива

Кроме обозначения физического пространства, иллатив может передавать абстрактное локальное значение (пример (4)), относиться к области социального (примеры (214–215)) или событийного пространства (пример (216)), а также выражать время (пример (34)), состояние (пример (47)), средство (пример (217)), сравнение (пример (69)), определенное отношение к ориентиру (пример (75)) и пр.:

- (4) *ыджыд наука-ӧ* (ILL) *туйыс* (КМ 07.07.2007)
‘путь в большую науку’
- (214) *Сидз жӧ пыра «Коми войтыр» котыр-ӧ* (ILL) (ПГ 20.10.2007)
‘Также [я] вхожу в общество «Коми войтыр»’
- (215) *Пыр жӧ томуловӧс <...> ӧтувтӧс драма котыр-ӧ* (ILL) (Звезда 27.03.2007)
‘[Она] тут же молодежь <...> объединила в драматический кружок’
- (216) *воисны сӧрни-ӧ* (ILL)
‘[они] разговорились (букв. дошли в разговор)’
- (34) *ӧти гажа рыт-ӧ* (ILL) (ӖКК 83)
‘в один прекрасный вечер’
- (47) *Еретнича пӧртӧс сийӧс руч-ӧ* (ILL) (КРК 522)
‘Колдунья обратила его в лису’
- (217) *чышыкысьны рузум-ӧ* (ILL) (ӖКК 83)
‘вытереться тряпкой (букв. в тряпку)’
- (69) *Оляӧс мам рӧд-ӧ* (ILL) *кыскӧ* (ӖКК 84)
‘Оля пошла (букв. *Олю тянет*) в материнский род’
- (75) *эскыны победа-ӧ* (ILL) (ӖКК 83)
‘верить в победу’

3.3.5. Непространственные значения элатива

По сравнению с семантической структурой внутриместных инессива и иллатива, спектр непространственных значений элатива гораздо шире. Непространственные значения, передаваемые элативной формой, могут относиться к области абстрактного (пример (3)) и социального пространства (пример (218)), времени (пример (219)), события (как правило, в конструкциях с глаголом *дугдыны* ‘перестать’ и отглагольными существительными на *-ӧм* в форме элатива (ӖКК 84), пример (220)), состояния (пример (221)), а также встречаться в качестве обязательного элемента в конструкциях, выражающих различные абстрактные отношения, и в качестве глагольного управления (см. Гуляев 1961: 78–87): инструмент действия (примеры (222–223)), источник информации (пример (224)), материал изготовления (пример (225)) и состав (пример (68)), сравнение (пример (226)), причину (примеры (227–228)), отношение (пример (229)), образ действия (пример (230)), компенсацию и оценку (пример (231)) и пр.:

- (3) «Белое солнце пустыни» *кино-ысь* (ELAT) (КМ 08.05.2007)
‘из фильма «Белое солнце пустыни»’

- (218) *петлёма крестьяна **семья-ысь*** (ELAT) (KM 03.04.2007)
‘вышел из крестьянской семьи’
- (219) *куим **во-ысь*** (ELAT) *дырджык* (KM 13.02.2007)
‘более (букв. из) трех лет’
- (220) *дугөдчис **пинясьдм-ысь*** (ELAT) (ÖKK 84)
‘перестал ругаться (букв. из ругани)’
- (221) *петис **тракторист-ысь*** (ELAT) (ÖKK 84)
‘ушел из трактористов (букв. из тракториста)’
- (222) *И **ружье-ысь*** (ELAT) *лыйлёма* (KM 23.06.2007)
‘И из ружья стрелял’
- (223) *Пөжөм йёлөн **сюр-ысь*** (ELAT) *вердан* (Гуляев 1961: 23)
‘Топленным молоком из рожка покормишь’
- (224) *тайё лоёмторсё телевизор пыр видзөдны ни **радио-ысь*** (ELAT) *кывзыны эз вермөй* (KM 02.06.2007)
‘[ни] смотреть это событие по телевизору, ни слушать по радио (букв. из радио) [мы] не могли’
- (225) *челядь быдторсё вöчисны истöг **көрöбьяс-ысь**, чипан кольк **кыш-ысь**, **кольяс-ысь*** (ELAT) *да с в.* (ПГ 16.06.2007)
‘дети все делали из спичечных коробков, яичной скорлупы, шишек и т. д.’
- (68) *А командай менам дзоньнас том **йöз-ысь*** (ELAT) (ÖKK 85)
‘А команда у меня вся из молодых людей’
- (226) ***колана-ысь*** (ELAT) *ёна öдйö* (ПГ 08.02.2007)
‘намного быстрее необходимого (букв. из необходимого)’
- (227) *голяөдз **лым-сьыс*** (ELAT.DEF) *көтасьлим* (Звезда 25.05.2007)
‘от (букв. из) снега намокали до шеи’
- (228) *тайё **мөвп-сьыс*** (ELAT.DEF) *гораа шуөм артмис Устиньлөн* (Попов 2008: 11)
‘громко вырвалось у Устиньи от (букв. из) этой мысли’
- (229) *Тыдалö, ёна гажöй бырлёма **бать-мам-ысь*** (ELAT) (Йёлöга 25.05.2007)
‘Видно, [я] сильно соскучился было по родителям (букв. из родителей)’
- (230) *тайё «командаыс» уджалис став **вын-сьыс*** (ELAT.DEM) (KM 03.11.2007)
‘эта «команда» работала изо всех сил’
- (231) *Вузалöны килограммсö **8 шайт-ысь*** (ELAT) (ПГ 22.05.2007)
‘Продают килограмм за (букв. из) 8 рублей’

3.4. Пролатив

Проблема дифференциации суффиксов *-öd* и *-mi* рассматривалась пермистами еще в первой половине XX в. Но полной ясности относительно происхождения, развития, семантики и даже названия переходного падежа (падежей), в принципе, нет до сих пор. Вопрос нельзя считать полностью решенным.

Согласно некоторым исследованиям (например, Bartens 2000: 107; Lakó 1950: 219–243; Rédei 1978: 60; Uotila 1933: 99–102; Vászolyi 1968: 47–85; Wichmann 1923: 152–153, 154–159), коми пролативные суффиксы следует рассматривать в качестве маркеров двух разных падежей. Впервые о двух пролативных падежах заговорил Ю. Вихман (Wichmann 1923: 152–153, 154–159), назвав их просекутивом и транзитивом соответственно. Несколько позже Т. Уотила (Uotila 1933: 101) высказал мнение, что *-öd* и *-mi* не могут быть отождествлены с фонетической точки зрения. Затем Дь. Лако (Lakó 1950: 219–243), исследовав различные употребления пролативных суффиксов коми языка, также пришел к выводу о необходимости функционального различения двух падежей – просекутива и транзитива. По его мнению (Lakó 1950: 242), просекутив *-öd* имеет пролативное значение, а транзитив *-mi* выражает терминативный аспект действия. Э. Васойи считает (Vászolyi 1968: 47–85), что *-öd* и *-mi* различаются не по значению, а, в первую очередь, по форме и диалектному распространению, т. е. морфологически и лингвогеографически. Также он справедливо задается вопросом (Vászolyi 1968: 65), почему *-öd* и *-mi* называются маркерами одного падежа (например, Лыткин 1929: 18; Бубрих 1949: 53; СКЯ 145), тогда как генитив *-lön* и генитив-аблатив⁵⁴ *-лысь*, имеющие аналогичные морфологические и морфосемантические взаимоотношения, но оба несущие в коми языке функцию генитива, принято рассматривать в качестве двух самостоятельных падежей – родительного и притяжательного соответственно.

В других описаниях и исследованиях падежной системы коми языка (например, Бубрих 1949: 53; Лыткин 1929: 18; СКЯ 145) пролатив рассматривается в качестве одного падежа и утверждается, что «окончания *-öd* и *-mi* представляют остатки двух падежей, слившихся в одном переходном падеже современного языка» (СКЯ 145).

⁵⁴ Несмотря на то, что выражение локальных отношений считается исторически первичным значением суффиксов *-lön* и *-лысь* (см. Некрасова 2002: 20–24; ОКК 62–63), в современном коми языке они не имеют пространственных функций. А поскольку типологически корректное название должно опираться на основное значение падежа (Плунгян 2003: 171), именование *-лысь* аблативом, а *-lön* – адессивом с точки зрения типологии неверно и вводит в заблуждение, номинально представляя их пространственными падежами. Сомнения Э. Васойи (Vászolyi 1968: 65) в правильности разделения *-lön* и *-лысь* на два падежа в функциональном плане также следует считать совершенно обоснованными.

Два пролативных суффикса имели употребление уже в древнепермском языке (Лыткин 1952: 103, 105). Лыткин представляет их двумя маркерами *ти* и *öd* (*ыд*) одного падежа:

лэбан-öd или *лэбан-ыд* ‘по воздуху’

*ас вэрид **выл-ти** ин мун* ‘не мини раба своего (букв. *через раба (по рабу) своего не иди*)’

Исходя из функциональных характеристик падежей, в работах разных исследователей, представляющих две вышеизложенные точки зрения, падежные маркеры *-öd* и *-ти* именуется по-разному: *переходный падеж* (например, Бубрих 1949; СКЯ), *пролатив (-öd)* и *транзитив (-ти)* (Bartens 2000), *просекутив (-öd)* и *транзитив (-ти)* (например, Lakó 1950; Vászolyi 1968). Семантическая сфера латинских терминов *пролатив*, *просекутив* и *транзитив* во многом сливается. К тому же, *-öd* и *-ти* оба могут выражать пролативное, просекутивное и транзитивное значение. По этой причине *-öd* и *-ти* могли бы называться одним термином *пролатив* с нумерацией I и II, как предлагает Э. Васойи (Vászolyi 1968: 66). Тем не менее, такое решение терминологической проблемы он считает непривычным (Vászolyi 1968: 66) и в своем исследовании оперирует терминами *просекутив* и *транзитив*. Но именно такой принцип номинации *-öd* и *-ти* (*I вуджан* и *2 вуджан*) использован в ÖКК, что подчеркивает синонимичность основных значений этих падежных маркеров.

Уже сам факт причисления пролатива (переходного падежа) то к внутриместным (ÖКК 63, 64), то к внешнеместным падежам (СКЯ 145) указывает на его амбивалентность. Тем более что основным значением 1 (*-öd*) и 2 маркера (*-ти*) этого падежа считается «мунанін, эмтор пытштї, веркостї кером вочом» (ÖКК 89), т. е. выражение места движения, совершения действия как по внутреннему пространству, так и по поверхности предмета (см. также Некрасова 2004: 57).

Переходный падеж может одинаково свободно сочетаться со словами, обозначающими как внутриместное, так и внешнеместное пространство, например:

<i>коридор-ти</i> (PROL)	‘по коридору’
<i>улич-ти</i> (PROL)	‘по улице’

И *коридор*, являясь внутренней частью помещения, и *улица*, будучи частью внешнего пространства, оба являются пространствами линейного типа и в форме пролатива выступают в качестве трассы, маршрута, пути сообщения. Их локализационная составляющая (внутреннее и внешнее пространство) в данном случае не является актуальной и не активизирована.

Пролатив является ориентационным падежом без указания на тип пространства. Он выражает путь, маршрут и т. п. и не должен причисляться

ни к группе внутриместных, ни к серии внешнеместных падежей, являясь общиместным.

Типологически пролатив может выражать «четыре пространственных значения, образующих центр семантической зоны пролатива: маршрут, проход, сцена и обочина» (Ганенков 2002: 42). В падежной системе коми языка посредством показателя пролатива реализуются первые три из них. Выражение пространственного значения ‘обочина’ (ориентир задает траекторию движения объекта, но не включает ее в себя (Ганенков 2002: 40)), как правило, осуществляется с помощью послеложных конструкций, некоторые из которых образованы не без помощи пролативного маркера:

(232) *ветлывлісны Емва пӧлӧн и Эжва пӧлӧн* (Тимин 2000: 84)
‘ходили вдоль Емвы и вдоль Эжвы’

(233) *Ю дорті мунісны* (Тимин 2000: 224)
‘[Они] шли вдоль реки’

Рассмотрим основные семантические значения пролативных форм, представленных в литературном коми языке.

3.4.1. Центральные значения

3.4.1.1. ‘маршрут’

Данное значение характеризуется тем, что ориентир, рассматриваемый в качестве стандартного пути движения (дорога, улица, тропинка и т. п.), задает траекторию движения объекта (Ганенков 2002: 39). Выражение значения ‘маршрут’ является наиболее частой функцией пролатива в коми языке. При этом в данном значении свободно могут употребляться оба пролативных маркера:

(234) *Пыр довгӧ Васюк аслас туй-ӧд* (PROL) (ӦКК 89)
‘Васюк все бредет по своей дороге’

(235) *Пурьсь-ті* (PROL) *руньгӧны-кайӧны мӧсьяс* (ӦКК 89)
‘По проулку медленно поднимаются коровы’

(236) *кильчӧ нос-ті* (PROL) *тэрмасьӧмӧн лэччис... сьлӧн гӧтырыс* (ӦКК 89)
‘по ступенькам крыльца торопясь спустилась... его жена’

(237) *Мунысьыс тэрмасьтӧг лэччис кильчӧ содй-ӧд* (PROL) (Попов 2008: 36)
‘Идущий неспеша спустился по ступенькам крыльца’

(238) *Миш лэччис кильчӧ содй-ӧд* (PROL) (Попов 2008: 210)
‘Миш спустился по ступенькам крыльца’

- (239) *кӧрт тӱрбаяс-ӧд* (PROL) *помасьлытӧг визувтӧ мусир да биару*
(КМ 2007.02.24)
'по железным трубам беспрестанно текут нефть и газ'
- (240) *А канальяс-ӧд-ыс* (PROL-DEF) *туристьяс и талун на ветлӧны пыжӧн*
(КМ 2007.09.04)
'А по каналам и сегодня еще туристы плавают на лодках'
- (241) *окопьяс-ті* (PROL) *кыскалім ас мыш вылын минаяс* (КМ 2007.04.14)
'[мы] на своих спинах таскали мины по окопам'

Функционирование пролативных показателей в данном значении значительно сокращает использование синонимичного послелога *кузя* 'по':

- (242) *Конда ю кузя кывтісны пыжаяс* (Тимин 2000: 131)
'По реке Конда плыли лодки'

3.4.1.2. 'проход'

Это значение близко к значению 'маршрут', поскольку содержит траекторию движения объекта, однако в данном случае ориентир не задает траекторию движения объекта, а «является промежуточным этапом, в результате движения объект выходит из границ ориентира» (Ганенков 2002: 40). В коми языке в качестве таких ориентиров наиболее часто служат объекты, действительно являющиеся местами перехода из одного отделенного какой-либо границей пространства (или его части) в другое, например *дверь, окно, ворота* и пр.:

- (243) *Сэки ӧдзӧс-ті* (PROL) *шытӧг пырис Степанида* (ӖКК 90)
'Затем в дверь (букв. через дверь) беззвучно вошла Степанида'
- (244) *Посводз ӧдзӧс-ӧд* (PROL) *мыччысис Макар Микулай* (Попов 2008: 108)
'В двери (букв. через дверь) коридора появился Макар Микулай'
- (245) *Веишалӧм занавесьяса ӧшиньяс-ті* (PROL) *джодж вылӧ киссьӧ лун югыдыс* (ӖКК 90)
'Сквозь окна с отодвинутыми занавесками на пол льется дневной свет'
- (246) *Тӧв ыргӧ восьса ӧшинь-ӧд* (PROL) (ӖКК 89)
'Ветер дует из открытого окна (букв. через открытое окно)'
- (247) *Ворота-ті* (PROL) *петтӧдз Геня бара на видзӧдліс* (ӖКК 90)
'До выхода через ворота Геня снова посмотрел'
- (151) *тшыныс петлӧма йиркын вӧчӧм розь-ӧд* (PROL) (Йӧлӧга 09.03.2007)
'дым выходил через отверстие в потолке'

В определенных ситуациях в качестве промежуточного этапа движения могут служить также ориентиры, не воспринимаемые «по умолчанию» в качестве «прохода», но являющиеся, тем не менее, границей между двумя пространствами, через которую происходит переход из одного пространства в другое:

- (248) *осколокыс пырёма мышкас, а петёма морёс-ёд-ыс* (PROL-POSS3SG)
(КМ 15.05.2007)
'осколок вошел в спину, а вышел через грудь'

Данная модель может быть перенесена с физического пространства на более абстрактную область и в качестве «перехода» могут служить объекты нематериального мира:

- (249) *Ёти здукён позьё пырмунны кадколастъяс-ти* (PROL) (КМ 2007.02.06)
'В один момент можно пройти сквозь временные периоды'

В обозначении 'прохода' пролативные формы часто заменяются синонимическими конструкциями с послелогом *пыр* 'сквозь, через':

- (250) *Оз нин гожёмнас ёшиньяс пыр бус лок* (PROL) (Попов 2008: 330)
'Летом пыль не будет заходить в окна (букв. через окна)'

3.4.1.3. 'сцена'

Данное пространственное значение связано с обозначением «ориентирующая часть пространства, который не задает строго траекторию движения, а только включает ее в себя, т. е. дает указание на то, где происходит движение» (Ганенков 2002: 40). Ориентиры в этом случае рассматриваются просто как определенное пространство, в котором происходит движение, при этом указание на какой-либо маршрут отсутствует. Передвижение может происходить одинаково хорошо в разных типах пространства: по горизонтальной (локализация AD) или по вертикальной поверхности ориентира (локализация LAT-C), по однородному пространству (локализация INTER) и пр.:

- (251) *Пемыд вёр-ти* (PROL) *мунё ош* (ÖKK 89)
'По темному лесу идет медведь'
- (252) *асывводзьянь грымакылё Паш Косьта мыськём джодж-ти* (PROL) *кузь чёрья сапёгён* (КМ 26.05.2007)
'с утра Паш Косьта гремит по мытому полу в высоких сапогах'
- (253) *Сынёд-ти* (PROL) *лэбё көрт ныра лэбач* (ÖKK 89)
'По воздуху летит птица с железным клювом'

- (254) *Көмттөг али мый ме кута **лым-ти** (PROL) собавны (ÖКК 90)*
 ‘Босиком, что ли, я буду по снегу брести’
- (255) *Кум сутки чөж собим **лымй-өд** (PROL) да воёдчим полигонөдз (ПИ 02.08.2007)*
 ‘В течение трех суток [мы] брели по снегу и добрались до полигона’
- (256) *Аддзис няньшом кодь **няйт-өд** (PROL) шлопиктысь зонмөс (ÖКК 89)*
 ‘[Он] увидел мальчика, шлепающего по грязи, похожей на тесто’
- (257) *Синва шлювгёмён-шлювгис **банбокьяс-өд** (PROL) (ПГ 2007.04.05)*
 ‘Слезы ручьем стекали по щекам’
- (258) *Пыддөстөм **енэж-өд** (PROL) кывтисны шочиник еджыд кымөрьяс (ÖКК 89)*
 ‘По бездонному небу плыли редкие белые облака’
- (259) *Дзик юр весьттыс, лөз югыд **енэж-ти** (PROL), тэрмасьтөг шлювгисны дзир еджыд лэбачьяс (КМ 08.05.2007)*
 ‘Прямо над [ее] головой, по светлому синему небу, неспеша плыли снежно-белые птицы’
- (260) *сөвтассө новлөдлісны **нюр-өд** (PROL) ветлан тракторьясөн (КМ 21.08.2007)*
 ‘груз возили на тракторах, предназначенных для езды по болоту’
- (261) *Ме Зояөс малышти **пельном-өд-ыс** (PROL-POSS3SG) да шуи (КМ 08.05.2007)*
 ‘Я погладил Зою по плечу и сказал’
- (262) ***мыш-ти** (PROL[.POSS1SG]) көдзыд йирмөг ветліс (КМ 01.09.2007)*
 ‘по [моей] спине ходил озноб’
- (263) *Кодкө малаліс **мышк-өд** (PROL[.POSS1SG]) (КМ 21.08.2007)*
 ‘Кто-то гладил [меня] по спине’
- (264) *нюжөдны <...> трубаяссө <...> ю **пыдөс-өд** (PROL) (КМ 20.10.2007)*
 ‘протянуть <...> трубы <...> по дну реки’
- (265) *Уна пөсь кыв <...> газопроводлысь му **веркөс-ти** (PROL) мунан юкөн востьомысь (КМ 01.09.2007)*
 ‘Много теплых слов <...> за открытие части газопровода, идущей по поверхности земли’
- (266) *Чери кватлалө ва **веркөс-ти** (PROL) лэбысь бобулөс (КМ 14.06.2007)*
 ‘Рыба хватает летящую по поверхности воды бабочку’
- (267) *чери **веркөс-өд-ыс** (PROL-POSS3SG) ветлө (КМ 26.05.2007)*
 ‘рыба по поверхности ходит’
- (268) *Лэччынысө коліс крут **кыр-ти** (PROL) (Йөлөгә 24.02.2007)*
 ‘Спускаться пришлось по крутому склону’

При выражении значения ‘сцена’ имена существительные, маркированные пролативными суффиксами, зачастую имеют показатель множественного числа. Множественное число указывает на рассредоточенность действия и на передвижение не в едином однородном пространстве, а прохождение нескольких или многих однотипных участков пространства путем перехода из одного в другой. Эти участки необязательно образуют неразрывный континуум в физическом пространстве и даже могут располагаться далеко друг от друга:

- (269) *Нби́та лун кык-куим котралі диагностика шобринлѳн жырьяс-ті* (PROL) (КМ 2007.11.03)
 ‘Еще дня два-три [я] бегал по кабинетам диагностического центра’
- (270) *ветлѳдлісны сикт-грездыяс-ті* (PROL) (ПГ 2007.05.22)
 ‘[они] ходили по селам-деревням’
- (271) *ветлѳдліс эськѳ сиктыясса школаяс-ѳд* (PROL) *тиѳкыдджыка* (ПГ 2007.03.24)
 ‘[он] ходил бы по сельским школам чаще’
- (272) *Йѳзысь гусьѳн, йѳрьяс-ѳд* (PROL), *воѳдчис аслас керкаѳдз* (Попов 2008: 408)
 ‘Тайком от людей, по дворам, добрался до своего дома’
- (273) *Важѳн нин оз войлыны Эжва йывса помтѳм-дортѳм ягыяс-ѳд* (PROL) *вѳрса кѳрьяс* (КМ 14.06.2007)
 ‘Давно уже не бегают по бескрайним лесам верхней Вычегды дикие олени’

3.4.2. Периферийные значения

3.4.2.1. ‘точка приложения’

Типологически выделяется две разновидности данного значения (Ганенков 2002: 47, 52), одна из которых представлена в коми языке. В качестве управления глаголов со значением ‘держатъ’, ‘хвататъ’, ‘тянутъ’ и т. п. формы пролатива в коми языке указывают на локальные характеристики как объект приложения действия. Роль ‘точки приложения’ является периферийным значением пролатива и представляет собой результат семантического развития пространственного значения ‘проход’.

В данном значении ‘проход’ указывает «на объект, соединяющий два участка пространства» (см. Ганенков 2002: 51) и связан с метафорой «промежуточного этапа» (Ганенков 2002: 52):

- (274) *ки-ѳд-ыс* (PROL-POSS3SG) *босьтіс сійѳс Вавилов* (Попов 2008: 241)
 ‘взял [его] за руку Вавилов’
- (275) *ки-ѳд-ыс* (PROL-POSS3SG) *весиг нетиышитіс Василей* (Попов 2008: 269)
 ‘даже за руку дернул [его] Василей’

- (276) *ки-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) *босьтӧмӧн косӧдӧс сийӧс Василей*
(Попов 2008: 274)
‘взяв за руку вернул его Василей’
- (277) *кутӧс ки-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) (Попов 2008: 319)
‘[он] схватил [его] за руку’
- (278) *Быттӧ босьтӧс сийӧ ки-ӧд* (PROL[POSS1SG]) (ПГ 20.03.2007)
‘Словно он взял [меня] за руку’
- (279) *Витя сойбордӧ-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) *кутӧс мичаник нълӧс* (ВТ 16.06.2007)
‘Витя держал за руку хорошенькую девушку’
- (280) *Катя босьтӧс ыджыд мамсӧ сойборд-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG)
(Попов 2008: 49)
‘Катя взяла бабушку за руку’
- (281) *сой нӧл-ӧд-ыд* (PROL-POSS2SG) *босьтӧмӧн пыртасны* (Попов 2008: 29)
‘заведут, взяв за руку’
- (282) *Босьтӧс сийӧс сой-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) (Попов 2008: 239)
‘[Он] взял ее за руку’
- (283) *Дозмӧрсӧ голя-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) *кутӧмӧн восьлалӧ пыжлань Ваньӧ*
‘Держа глухаря за шею, Ваньӧ шагает к лодке’
- (284) *Ми ӧнджыкасӧ пукавлӧм кыын книгаясӧн, а тайӧясӧс пель-ӧд-ыс*
(PROL-POSS3SG) *он вермы кыскыны компьютер сайысь* (КМ 09.10.2007)
‘Мы больше сидели с книгой в руках, а этих за уши не сможешь оттащить из-за компьютера’
- (285) *кутышитӧ Саньӧӧс коск-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) (ПГ 05.04.2007)
‘[я] приобнял Саньӧ за пояс’

3.4.2.2. ‘локатив’

Нередко в языках мира происходит совмещение значений, включающих компонент движения по траектории, с аблативом, локативом и директивом (Ганенков 2002: 42). В коми языке семантическая роль ‘сцены’ иногда может быть расширена до локативного значения. Данное значение пролатива проявляется «как место протекания действия и проявления признака» (Некрасова 2011: 45):

- (286) *Вӧрью ягьяс-ӧд* (PROL) *мӧдасны сывны тракторьяс* (ӦКК 89)
‘В борах (букв. по борам) Вӧрью будут петь трактора’
- (287) *Кыкнан нывкаыс вӧччӧмабсь жӧ морӧсьяс-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG)
вышивайтӧм <...> платтьбясӧ и (ӦКК 89)
‘Обе девочки также одеты в платья с вышивкой на груди (букв. по грудям)’

(288) *сравны колö пыжсö, кöть ва **пыраніньяс-ті-ыс** (PROL-POSS3SG) (ÖКК 90)*
'лодку необходимо просмолить, хотя бы в местах затекания (букв. по местам затекания) воды'

В отличие от инессива, с которым пролатив коррелирует в данном значении, он выражает динамическую локализацию (Некрасова 2011: 45) (ср. также Усачёва 2012а: 195–201). Динамика изначально содержится в семантике пролатива (см. центральные значения пролатива). Кроме того, она выражена в глаголах разнонаправленного движения или действия (Некрасова 2011: 45). Движение локализуется в пределах ориентира.

3.5. Аппроксиматив

Аппроксиматив не представлен в древнепермских текстах (см. Лыткин 1952: 103). Однако можно с уверенностью говорить о его наличии в прапермский период (см. Некрасова 2002: 13), поскольку соответствующий маркер имеется также как в коми-пермяцком, так и в удмуртском языках.

В современном коми языке с точки зрения обозначения ориентации аппроксиматив вместе с иллативом и терминативом представляет один общий лативный тип ориентации, выражающий перемещение к пространству, связанному с ориентиром (см. также 3.1.1). При более детальном рассмотрении аппроксиматив в коми языке является морфологическим выражением локативной роли 'направление к ориентиру'. От иллатива и терминатива его функционирование отличается тем, что движение здесь ориентировано не по конечному пункту, а только по направлению.

В плане выражения локализации он считается внешнеместным, поскольку не имеет внутренней локализации. Однако в некоторых периферийных употреблениях аппроксиматив проявляет функциональную синонимию с внутриместными падежами.

3.5.1. Инвариант

Описание исходного значения аппроксиматива (Некрасова 2002: 103) – направление в сторону ориентира – соответствует некоторому инварианту. Само инвариантное значение слишком абстрактно, поэтому, как правило, оно реализуется в различных модификациях в узкоконтекстных ситуациях. Рассмотрим на примерах некоторые случаи реализации данного значения, используя инструментарий когнитивной грамматики Р. Лангакера. Согласно Р. Лангакеру, все языковые выражения в семантическом плане характеризуются наложением профиля на базу (Скребцова 2000: 120). Во всех представленных ниже примерах базой служит схема, в которой некая воображаемая ось или линия связывает ориентир LM и траектор TR (схема 12):

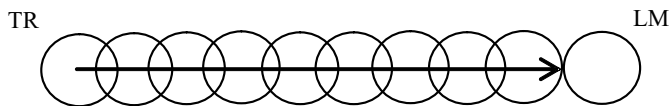

Схема 12. Концептуальная база аппроксиматива.

Линия имеет направленность в сторону ориентира (инвариантное значение аппроксиматива). Она схематически изображается в виде прямой, но может воплощать, например, сколь угодно круговую объездную дорогу (пример (292)). Суть в том, что движение, реальное или фиктивное, совершается по этой линии. Также эта линия связывает траектор с ориентиром в случае, если движения, даже фиктивного, не происходит (примеры (295–296)). Траектор может располагаться на оси базы в различных точках. На общую базу накладывается конкретный профиль, воплощающий на схеме отдельный случай использования падежа.

Без контекстного окружения о значении суффикса *-лань* в составе отдельно взятого слова мы можем констатировать лишь то, что он указывает на направление:

(289) «*Югид-лань*» (APR) *висьт* (KM 19.06.2007)
 ‘Рассказ «К свету» (букв. *в сторону света*)’

Является ли это направлением движения или же какого-либо действия, не предполагающего фактического или фиктивного движения в сторону ориентира, и т. д., сказать нельзя. В силу отсутствия контекстного окружения какую-либо дополнительную характеристику аппроксимативу в таком употреблении дать невозможно. Поэтому в любом слове в форме аппроксиматива, представленном вне контекста, выражено лишь инвариантное значение этого падежа (см. Кузнецов 2011). Это вовсе не означает, что для семантического анализа нет необходимости в инварианте. Инвариант полезен и нужен как некая абстрактная идея, упрощая восприятие сознанием всего концепта (Рахилина 2006: 382).

Обозначение направления можно рассматривать в качестве неотъемлемого, обязательного признака, общего для всех употреблений аппроксиматива. Это его минимальная семантическая нагрузка и именно этот признак связывает различные употребления аппроксиматива в единую семантическую сеть.

3.5.2. Прототипическое значение

На наиболее прототипическое претендует значение объекта направленного движения (инхоативного, дуративного и пр. характера, в зависимости от глагола). Реализуется оно преимущественно в позиции при глаголах

движения (Некрасова 2002: 103) и в зависимости от характера глагола (ср. примеры (290) и (291), см. также Некрасова 2002: 103–104), траектор может иметь различное положение на схеме (ср. схемы 13 и 14):

(290) *Менам ёртѳой уськѳдчис **сы-лань*** (APR) (KM 09.10.2007)
 ‘Мой друг бросился в его сторону’

(291) *Ме <...> ѳдва-ѳдва кысси асланым **окопъяс-лань*** (APR) (KM 13.09.2007)
 ‘Я <...> еле-еле тащился в сторону наших окопов’

В примере (290) используется глагол инхоативного характера, поэтому траектор следует помещать на базе в самое начало линии, соединяющей его с ориентиром (см. схему 13):

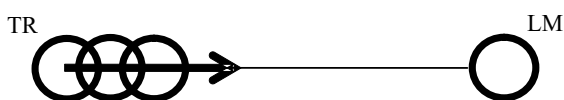

Схема 13. Профиль аппроксиматива -лань в (290).

В примере (291) стартовая позиция траектора нам не известна и мы можем говорить лишь об определенном моменте направленного движения, выраженного глаголом дуративного характера, и об определенном отрезке на линии движения (см. схему 14):

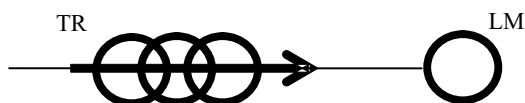

Схема 14. Профиль аппроксиматива -лань в (291).

Подобные употребления более всего ассоциируются с аппроксимативом -лань, они наиболее типичны и часты, что характерно для наиболее прототипических представителей семантической структуры. Именно такие примеры первыми приходят на ум в связи с аппроксимативом и, вероятнее всего, первыми будут названы информантами.

Прототипическому значению как никакому другому члену семантической сети аппроксиматива характерна сема неконтактности, также рассматриваемая в качестве признака, общего для всей категории, – «значение аппроксиматива не предусматривает достижения границ предмета, тем более вхождения во внутренние пределы» (Некрасова 2002: 103). Однако не все употребления аппроксиматива соответствуют этой характеристике (подробнее см. 3.5.4).

3.5.3. Расширения прототипических значений

Значение аппроксиматива в примере (292) можно считать расширением значения *-лань* в примере (291):

(292) *Төвсә туйыс Маджа-лань* (APR) *сәк муніс бурети сиктса шойна вывтi* (КМ 01.11.2007)

‘Зимняя дорога в сторону Маджи тогда проходила как раз по деревенскому кладбищу’

Отличие примера (292) состоит лишь в том, что движение здесь является фиктивным (на схеме 15 обозначено пунктирной линией) и путь на линии движения совершается ментально:

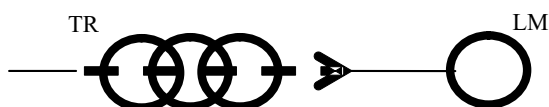

Схема 15. Профиль аппроксиматива *-лань* в (292).

Также ментально проделывается путь в направлении ориентира до местонахождения траектора в примере (293) (см. также Некрасова 2002: 106), однако сам траектор никакого движения не совершает. Поэтому здесь важен несколько иной контекст, нежели характер глагола:

(293) *вёлдсть-лань* (APR) *40 километр выаын <...> починокын олысь* (Юхнин 1983: 13)

‘живущего в починке, примерно в сорока километрах в сторону волости’

В отличие от примеров (290–292), в примере (293) важным является позиция наблюдателя, или точка наблюдения VP (схема 16), поскольку именно от НАБЛЮДАТЕЛЯ «отмеряется» удаленность траектора в конструкции. При этом позиция говорящего необязательно должна совпадать с позицией наблюдателя (Langacker 2008: 76), расположенного на одной линии с траектором и ориентиром. Говорящий лишь ментально переносится в точку наблюдения, поэтому наблюдатель обозначен здесь пунктирной линией:

Схема 16. Профиль аппроксиматива *-лань* в (293).

В качестве расширения наиболее прототипического значения (ср. пример (290)) можно рассматривать обозначение направления имплицитного движения, при котором, по сути, дается лишь указание на направленность действия:

(294) *винтовкаысь шковзи-лыйлі немеч-лань* (APR) (KM 20.06.2007)
 ‘[я] стрелял из винтовки в сторону немцев’

Направленность как геометрическое свойство, которое не зависит от движения⁵⁵, здесь указывает на то, что перемещения траектора в сторону ориентира не происходит. В подобных случаях в сторону ориентира направлена лишь, так сказать, некая энергия.

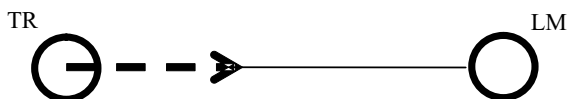

Схема 17. Профиль аппроксиматива *-лань* в (294).

Расширением предыдущего значения можно считать направленность положения объекта. Иными словами, одной из своих сторон (см. схему 18) траектор обращен в сторону ориентира (см. также Некрасова 2002: 105):

(295) *Куйлō стен-лань* (APR) *бергōдчōмōн* (KM 07.08.2007)
 ‘Лежит повернувшись к стене (букв. в сторону стены)’

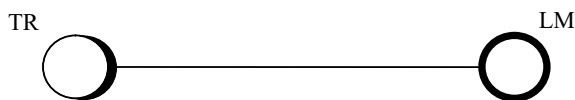

Схема 18. Профиль аппроксиматива *-лань* в (295).

Следующее выражение служит примером обозначения изменения направленности положения, т. е. обращения в сторону ориентира:

(296) *Ме-лань* (APR) *бергōдчис нюмъялысь том ань* (KM 03.01.2007)
 ‘В мою сторону повернулась улыбающаяся молодая женщина’

В данном примере движение, обозначенное глаголом, происходит не по оси, связывающей траектор с ориентиром, а вокруг внутренней оси траек-

⁵⁵ «Например, сила тяжести, действующая на тело, имеет фиксированное направление независимо от того, движется тело или покоится» (Шихобалов 2006: 124).

тора (схема 19), и приводит траектор в позицию, изображенную на схеме 18:

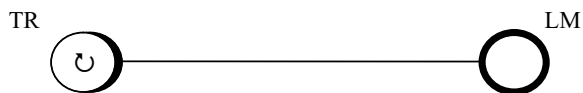

Схема 19. Профиль аппроксиматива -лань в (296).

3.5.4. Периферийные пространственные значения аппроксиматива

В отличие от инвариантного указания направления, содержащегося в качестве постоянного и неотъемлемого признака во всех использованиях аппроксиматива, признак неконтактности характерен не для всей категории, а лишь для наиболее прототипических его употреблений. Этот признак, вернее его отсутствие, делает некоторые употребления аппроксиматива «проблемными» с точки зрения принадлежности к общей категории. Прототипический подход проблемы в этом не видит, считая их лишь наименее типичными периферийными представителями семантической структуры.

Несмотря на сему неконтактности, приписываемую аппроксимативу (Некрасова 1989: 7, 8, 9; Некрасова 1995: 36; Некрасова 2002: 103), в некоторых диалектах коми языка имеют место быть случаи употребления этого падежа, при которых наблюдается пространственное соприкосновение. Соприкосновение присутствует в конструкциях с глаголами, предполагающими поверхностный контакт предмета с ориентиром, например *вартны* ‘ударить’, *усьны* ‘упасть, падать’ и др. (см. также Некрасова 2002: 105):

(297) *Чашкаыс из н'ин ётпыр ус'лы джодж-лан'-ыд* (APR-DEF) (НВД 40)
‘Не один раз уже чашка падала на пол (букв. в сторону пола)’

(298) *Самöварсö бос'тас да джодж-лан'* (APR) *с'этас* (НВД 40)
‘Возьмет самовар и бросит на пол (букв. в сторону пола)’

(299) *Моски-лан'-ыс* (APR-DEF) *ус'ас* (УД 38)
‘Упадет на тротуар (букв. в сторону тротуара)’

Конечно, в данном случае схема 20 должна иметь вертикальное положение, однако сути это не меняет, в любом случае мы наблюдаем контакт траектора с ориентиром:

Схема 20. Профиль аппроксиматива *-лань* в (297).

Можно утверждать, что в данном конкретном примере соприкосновение является естественным, ведь падение на пол в силу гравитации потенциально предполагает контакт. Однако пример (297) может также отражать достаточно реальную ситуацию, когда, например, чашка упала, но была поймана до достижения ею пола. В этом случае контакт траектора с ориентиром отсутствует, а профиль соответствует, скорее, изображению на схеме 14, а то и комбинации профилей на схемах 13 и 14. Такая же схема возможна и в (299). Иными словами, соприкосновение с полом, тротуаром и т. д. не является единственно возможным результатом падения предмета в направлении пола, тротуара и пр. Тем интереснее тот факт, что аппроксиматив *-лань* может содержать указание на контакт.

Функционирование лишь в отдельных диалектах говорит об ограниченной распространенности, а сочетание лишь с конкретными глаголами – об ограниченной сочетаемости суффикса аппроксиматива в этом значении, что характерно для периферийных членов семантической структуры.

Еще одной из разновидностей значения аппроксиматива Г. А. Некрасова называет «указание на предмет пространственной направленности с относительным достижением его границ» (Некрасова 2002: 104). В таких конструкциях аппроксиматив функционально сближается с иллативом (Некрасова 1995: 38) и терминативом (Некрасова 2002: 104), ни в том, ни в другом случае не выступая абсолютным синонимом этих падежей (Некрасова 1995: 38; 2002: 105). В обоих случаях приведены следующие примеры (Некрасова 1995: 37–38; 2002: 104):

(300) *И кутіс кывтны гортѡ. И воис горт-лань* (APR), *берегѡ сибѡдчис* (КМС: 62)
 ‘И начал плыть домой. И прибыл к дому (букв. в сторону дома), к берегу подъехал’

(301) *сылы эськѡ любѡ вѡлі тийѡти нуѡдлыны тайѡ нывьяссѡ горт-лань-ыс*
 (APR-POSS3SG) (Торопов 1976: 21)
 ‘ему было бы приятно свозить этих девушек к себе домой (букв. в сторону дома)’

В частичной синонимии иллатива и терминатива сомневаться не приходится. В самом деле, в некоторых конструкциях с глаголами, предполагающими предельность движения, они взаимозаменяемы. Поэтому не удивительно, что Г. А. Некрасова указывает на синонимию аппроксиматива в одном случае с иллативом, а в другом случае с терминативом.

В использовании аппроксиматива в ситуациях, подобных отраженным в примерах (300) и (301), Г. А. Некрасова видит своеобразную интерпретацию семы неконтактности этого падежа (Некрасова 2002: 105), утверждая, что движение в подобных конструкциях ограничивается не определенным пределом предмета, а «более или менее неопределенным окружением» предмета-ориентира (Некрасова 1995: 38; 2002: 105).

В примере (300) берег действительно можно назвать (не)определенным окружением ориентира и увидеть в использовании *-лань* указание лишь на достижение пространственной близости к ориентиру (в плане близости к ориентиру некоторая схожесть просматривается с примером (302) и др. примерами в Некрасова 2002: 106) без намека на достижение границ самого ориентира, тем более что содержание допускает (во всяком случае, не исключает) дальнейшее передвижение уже в его пределы (с иллативной маркировкой). И так оно и было бы в случае ориентира, выраженного другим существительным. Однако, учитывая семантику слова *горт* (см. об этом ниже), интерпретация *-лань* в значении, близком к терминативному или иллативному, также допустима.

(302) **Шор-лань-ыс** (APR-DEF) *домавла* (Безносиков 70)
'Привяжу [коня] (на время) недалеко от (букв. в сторону) ручья'

В примере (301) достаточно явно напрашивается интерпретация используемого падежа в иллативном или терминативном значении, что можно, кстати, наблюдать в переводе данного примера на русский язык, тем более что, учитывая семантику глагола *нудлыны* 'свозить, сводить (*и привезти, привести обратно*)', обозначающего однократное перемещение в какую-либо точку с обязательным возвращением обратно, движение продолжается уже в обратном от ориентира направлении. Поэтому случаи использования аппроксиматива в примерах (300) и (301) не совсем равнозначны.

Еще более «проблемным» кажется использование аппроксиматива в следующем примере, в котором было бы логичнее видеть иллатив:

(303) **Ыб-лань-ыс** (APR-DEF) *матыстчылдой, библиотекаын пукыштём могысь* (КМ 30.06.2007)
'Приходите в Ыб (букв. *приблизьтесь в сторону Ыба, подойдите к Ыбу*), чтобы посидеть в библиотеке'

В первой части данного примера сема неконтактности аппроксиматива прекрасно коррелирует с глаголом *матыстчывны* 'приблизиться, подойти (*на время*)', также не предполагающим соприкосновения с ориентиром. Однако содержание второй части примера вступает в «конфликт» с признаком несоприкосновенности аппроксиматива, вроде бы ясно выраженном падежной формой и глаголом в первой части примера. Ведь невозможно посидеть в библиотеке, находящейся на территории селения Ыб, не

войдя в пределы этого самого селения, а лишь приблизившись к нему. Получается, что аппроксиматив выражает направление движения без достижения границ ориентира, однако конечная цель движения все-таки предполагает вхождение в его пределы.

Поэтому в качестве альтернативной «относительному достижению границ» и «неопределенному окружению» предмета-ориентира предлагается следующая характеристика употребления аппроксиматива в вышеизложенных контекстах примеров (300–301), (303) и им подобных. Возможно, объяснение следует искать в **неопределенности** не окружения ориентира, а его **пределов**, что схематически изображено на схеме 21:

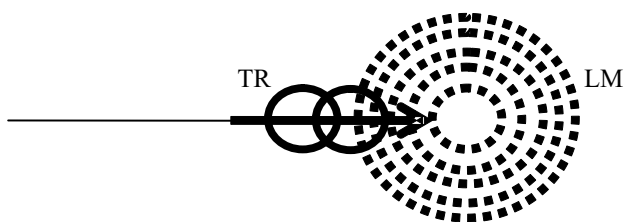

Схема 21. Профиль аппроксиматива -лань в (303).

При этом определяющим является сущность самого ориентира – он должен быть выражен существительным определенной категории. А именно – **освоенное, обжитое (человеком) бытовое пространство с относительными пределами**. На такую мысль наводит семантика слов в форме аппроксиматива в конструкциях, в которых функция аппроксиматива близка к терминативу или иллативу. Такая трактовка прекрасно соотносится с утверждением о большей абстрактности периферийных значений и их ограниченности в сочетаемости относительно прототипических (Ченки 2006: 350). В плане ограниченной сочетаемости, кроме использования с существительными определенной семантики, верно также указание на такое употребление аппроксиматива лишь при глаголах начинательного, результативного и кратковременного движения (Некрасова 2002: 104).

В примерах (300–301) понятие *gort* ‘дом (место жительства)’ может быть рассмотрено именно как пространство, не ограниченное, например, стенами жилой постройки. Понятие дома достаточно абстрактно и восприятие его отдельными людьми может быть разным. Определение границ дома также индивидуально.

Значение неопределенности границ ориентира может быть отражено и в примере (303), где с. Ыб также можно воспринимать как обжитое пространство с относительными пределами.

В качестве подтверждения такой трактовки можно привести следующие примеры использования аппроксиматива в значении, близком к илла-

тивному или терминативному, в которых в качестве ориентира также выступают понятия названной категории (населенные пункты и пр.):

- (304) *Оз на ставныс сиктысь пышйыны карö. Койгорт районса Гриваысь Александр Триппель армияысь воём бöрын Сыктывкар-лань* (APR) *жö сетчылис* (КМ 11.09.2007)
'Еще не все сбегают в город. Александр Триппель из Гривы Койгородского района после возвращения из армии тоже подавался в Сыктывкар (букв. в сторону Сыктывкара)'
- (305) *Со и том йöз оз зэв кольччыны чужанінас да сетöны кар-лань* (APR) (КМ 17.05.2007)
'Вот и молодежь не очень-то остается на родине и подается в город (букв. в сторону города)'
- (306) *Пышйöны ныв-зон векдэжык горт-лань-ыс* (APR-POSS3SG) <...> *Гортаныс сэсся ас ногön и «шойччыштасны»*. (КМ 13.02.2007)
'Сбегают ребята в основном домой (букв. в сторону дома). <...> Дома потом по-своему «отдыхают»'
- (307) *весиг некодкöд варовытыштны, тиöтигыяс ставныс нин енэж оланін-лань* (APR) *мунісны да* (КМ 30.06.2007)
'не с кем даже поговорить, потому что ровесники все уже ушли в небесное обиталище (букв. в сторону небесного обиталища)'
- (308) *Кулöмдін-лань-ыд* (APR-POSS2SG) *волігön, мися, Иван Михайлович, кежав Джеджимö* (КМ 20.10.2007)
'Когда приедешь в Усть-Кулом (букв. в сторону Усть-Кулома), говорю, Иван Михайлович, заверни в Жежим'

Понятно, что в примере (307) «небесное обиталище» нельзя рассматривать в качестве «обжитого человеком пространства» в буквальном смысле. Метафорическое расширение значения слова «обиталище» в данном контексте не мешает, тем не менее, относить его к названной категории.

Формально употребление аппроксиматива *-лань* в последних примерах соответствует его наиболее прототипическому значению – указание на направление движения без обязательного достижения границ ориентира. Однако контекст, а также экстралингвистические знания и опыт, активируемые в сознании содержанием примеров (концепция энциклопедической семантики!), диктуют иную интерпретацию значения аппроксиматива в этих примерах.

В контексте реалий жизни город в примерах (304–305) с точки зрения сельского жителя видится именно как конечная цель поиска работы и лучшей доли, и движение происходит именно в его пределы, а не лишь по направлению к нему. Косвенно это подтверждается использованием иллатива в конструкциях со схожим содержанием (ср. примеры (304–305) с

примером (309)), также указывающих на функциональную близость аппроксиматива и иллатива:

(309) *Йёзыслы уджыс быри, том войтыр сетчисны кар-ё* (ILL) <...> (KM 02.06.2007)

‘Людам работы не стало, молодежь подалась в город <...>’

В примере (307) основу интерпретировать употребление аппроксиматива в иллативном значении дает христианское убеждение, что после смерти души праведных людей попадают в рай на небесах. Т. е. движение происходит не просто в направлении «небесного обиталища», а предполагается достижение конечной цели.

Далеко не все употребления *-лань* в структуре слов с вышеобозначенной семантикой автоматически содержат значение, близкое к иллативному или терминативному. Скорее наоборот, они являются специфическими случаями интерпретации употреблений этого падежа, отдаленными от прототипических. Для сравнения можно привести примеры, в которых *-лань* в словах с названной семантикой содержит прототипическое указание на направление движения без достижения границ ориентира:

(310) *Еджыдыяс матыстчёмась Помёсён-лань* (APR) (KM 14.06.2007)

‘Белые приблизились к (букв. в сторону) Помоздино’

(311) *Сикт-лань* (APR) *матыстчёны Гриша да Маша* (KM 10.04.2007)

‘К селу (букв. в сторону села) подходят Гриша и Маша’

(312) *Нывьяс повзьёмысла котёртёмась абу горт-лань-ыс* (APR-POSS3SG), *а мёдарё* (KM 10.02.2007)

‘От испуга девушки побежали не в сторону дома, а в другую сторону’

Рассмотренные примеры показывают, что конкретная окраска, нюанс значения падежа во многом зависит от семантики глагола в конструкции. Действительно, без глагола и, в целом, без контекста мы можем говорить лишь об очень абстрактном значении (инварианте), о некой «схеме высшего порядка», которая не может охватить весь функциональный диапазон языковой единицы. Абстрактная схема в некоторой мере соответствует базе (схема 12), а конкретные употребления – выделенным профилям, наложенным на базу.

3.5.5. Сетевая модель пространственных значений

В качестве системного представления многозначности показателя аппроксиматива и некоторого вывода к описанию его употреблений предлагается сетевая модель его пространственных значений. Нижеследующая схема

демонстрирует семантические взаимоотношения пространственных значений, являющихся узлами сети:

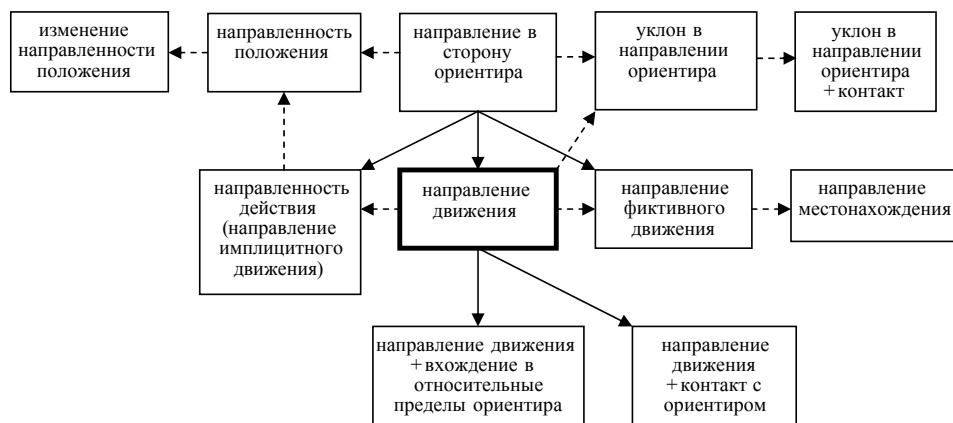

Схема 22. Семантическая структура местных значений аппроксиматива.

‘Направление в сторону ориентира’ (см. пример (289)) соответствует некоторому абстрактному инварианту, реализующемуся в различных модификациях.

Значение объекта ‘направленного движения’ считается наиболее прототипным значением аппроксиматива (см. примеры (290–291)).

Указание на ‘контакт с ориентиром’ содержится в одном из подвидов направленного движения (см. примеры (297–299)).

Указание на ‘вхождение в относительные пределы ориентира’ содержится в другом подвиде направленного движения (см. пример (303)).

Обозначение ‘направления фиктивного движения’ (путь преодолевается ментально) можно считать расширением значения объекта направленного движения (см. пример (292)).

Также ментально проделывается путь в направлении ориентира до ‘местонахождения’ объекта (см. пример (293)).

Обозначение направления имплицитного движения, при котором дается лишь указание на ‘направленность действия’, можно рассматривать в качестве расширения наиболее центрального значения (направление движения) (см. пример (294)).

‘Направленность положения’ объекта можно считать расширением указания на направленность действия (см. пример (295)).

Далее следует выражение ‘изменения направленности положения’ (см. пример (296)).

В качестве одного из наиболее периферийных значений аппроксиматива можно выделить ‘уклон в направлении ориентира’:

- (313) *крут берегъяс пѡлѡн нѣровтчѡмаѡсь ва-лань* (APR) *вугралысь козьяс*
(КМ 27.10.2007)
'Вдоль крутого берега к воде (букв. в сторону воды) склонились
дремлющие ели'

Такое употребление аппроксиматива отличается от прототипного обозначения направления движения (пример (290)) тем, что объект изначально вертикального положения наклоняется в сторону ориентира, причем один из его концов остается на месте.

Частный случай такого значения содержит указание на 'контакт с ориентиром':

- (314) *Ликѡ баб дорыньтчис пывсян пельѡс-лань* (APR) (КМ 08.05.2007)
'Баба Ликѡ прислонилась к углу (букв. в сторону угла) бани'

Представленная сетевая модель отображает лишь часть семантической структуры аппроксиматива, не претендуя на полноту и завершенность. Более того, она может и должна корректироваться и дополняться узлами в виде конкретных употреблений рассмотренного падежа, ведь сеть семантических связей между значениями может усложняться в ходе поступления и описания новых фактов.

3.6. Эгрессив

Эгрессив вместе с элативом представляет один общий тип ориентации – элативный, выражающий перемещение от пространства, связанного с ориентиром (см. также 3.1.1.). При более детальном рассмотрении эгрессив в коми языке является морфологическим выражением 'направления от ориентира'. В плане выражения локализации этот падеж считается внешнеместным (Некрасова 2004: 27). Однако зачастую он вступает в синонимические отношения с внутриместным элативом (см. ниже).

Маркер эгрессива зафиксирован в древнепермских письменных памятниках (Лыткин 1952: 103, 104): *вэлтыдаланин-с'ан*' (EGR) 'с неба'. Элемент *-с'* генетически связан с элативным *-ысь*, поскольку также содержит значение отдаления, отделения (ОФУЯ 1976: 145, 149). Вторым компонентом суффикса выступает лативный *-н'*, присутствующий также в составе маркера аппроксиматива *-лань* (см. 3.5).

Такой тип передачи пространственных отношений, где один элемент указывает на исходный, а другой – на конечный пункт движения или направление, видится характерным для пермских языков (Гуляев 1961: 190–191; Vászolyi 1968: 80; см. также Некрасова 2000: 30–31; Некрасова 2004: 81). Структура эгрессива соответствует этой модели: 'откуда–куда (в каком направлении)'

Такая же модель просматривается и в крайне прозрачной структуре диалектного *-ысьöдз*: элативный *-ысь* обозначает исходный, а терминативный *-öдз* – конечный пункт (границу) движения, и движение проходит между двумя этими пунктами (ССКЗД 467; Vászolyi 1968: 80). В отличие от *-сянь*, своеобразный суффикс *-ысьöдз* является результатом обособленного развития коми языка (Гуляев 1961: 201). Его принято считать диалектным вариантом эгрессива (см., например, Некрасова 2000: 30). Однако например Р. Бейкер (Baker 1985: 84, 226–229), ссылаясь на устное сообщение Э. Васойи, вслед за ним называет этот падеж *аблатотерминативом*, намекая тем самым на его отличие от *-сянь*.

Сам же Э. Васойи (Vászolyi 1968: 80) в качестве описания значения данного суффикса делится следующим своим опытом. В одной удорской деревне поинтересовались, откуда Васойи к ним прибыл. Его проводник ответил: *mortyd vengrija-išež loktis* ‘этот человек приехал из Венгрии’. В свою очередь, Васойи спросил, почему тот не сказал *vengrija-iš loktis* или *vengrija-šan loktis*. Объяснение было следующим: потому что иначе он бы сообщил лишь то, откуда тот отправился, а *-išež* помимо исходного пункта указывает также на то, что тот добрался туда и находится там, где прозвучало это предложение.

На самом деле, эгрессивная форма на *-сянь* в данной ситуации также могла бы передать описанный объем информации, ведь в контексте ситуации уже заложено то, что объект находится там, где прозвучало предложение, и необходимости в морфологическом маркировании достижения им конечного пункта нет.

Употребление *-ысьöдз* можно было бы объяснить желанием «подчеркнуть большую степень отдаленности того предмета, от которого движется другой предмет» (ССКЗД 467; см. также УД 33), но и это содержание можно также усмотреть в эгрессивных формах на *-сянь*:

(315) *Вузавны öд сурсö Лымва-сянь* (EGR) *кыски* (Попов 2008: 115)
 ‘Ведь пиво на продажу я от Лымва тащил’

(316) *усис самолёт-сянь* (EGR) *Москва бердса аэропортö пуксигöн* (КМ 15.11.2007)
 ‘упал с самолета при посадке в подмосковном аэропорту’

В силу отсутствия в диалектном варианте *-ысьöдз* вербального указания на конечный пункт движения, можно предположить, что таковым должно быть актуальное местоположение наблюдателя (ср. сообщение Э. Васойи выше). Косвенно на это указывает и маркер терминатива в составе этого суффикса. Т. е. если диалектное *Москваис'эдз* ‘с Москвы’ (УД 33) указывает на пространственный отрезок от исходного пункта *Москва* до конечного пункта в непосредственном окружении наблюдателя, то *Москвасянь* такое же значение может иметь лишь в контекстах, подобных описанным Э. Васойи, где местоположение наблюдателя и конечный пункт движения

траектора совпадают. В иных контекстах движение траектора, обозначаемое маркером *-сянь*, может не иметь обязательного указания на направление в сторону наблюдателя:

- (317) *Лагун-сянь* (EGR) *босьтчис тюргыны-визуэтно сур* (Попов 2008: 124)
'Из бочонка струей побежало пиво'

3.6.1. Пространственная семантика

Семантическое наполнение пространственного эгрессива состоит из нескольких моментов. В зависимости от контекста, в каждом конкретном употреблении они могут быть активизированы в отдельности или же составлять набор нюансов, образуя тем самым диапазон значений этого падежа.

3.6.1.1. Направление

Минимальной семантической нагрузкой эгрессива следует считать обозначение направления движения или действия от ориентира. Именно этот признак служит основанием для отнесения его к числу внешнеместных падежей, потому что в «чистом виде», т. е. без дополнительного семантического наполнения, эгрессивные формы не содержат указания на внутренние пределы ориентира:

- (318) *Емдін-сянь* (EGR) *мōдарō нырвизьōн* (Тимин 2000: 92)
'в обратном направлении от (букв. со стороны) Усть-Выми'
- (319) *Емва-сянь* (EGR) *пōльтис ыркыд тōвру* (Тимин 2000: 17)
'со стороны Выми дул прохладный ветер'
- (320) *күтис вочасōн ылыстчыны бипур колясьяс-сянь* (EGR) (Тимин 2000: 99)
'[он] стал постепенно отдаляться от (букв. со стороны) остатков костра'
- (321) *Войвыв-сянь* (EGR) *сийō воис* (Попов 2008: 394)
'Он прибыл с (букв. со стороны) севера'

В примерах подобного употребления эгрессива ориентир является тем объектом, относительно которого обозначается направление движения траектора. В пространстве он может находиться на любом расстоянии от траектора.

3.6.1.2. Отправной пункт

В большинстве случаев семантическое наполнение эгрессива содержит также указание на отправной пункт, от которого начинается и распростра-

нятия движение или действие. Поэтому его основной функцией следует считать скорее это значение эгрессива.

В качестве отправной точки движения траектора могут служить как поверхность, так и внутренние пределы ориентира и др. Из этого следует, что внешнеместная локализация не является единственным типом локализации, выражаемым эгрессивом. Несмотря на это, локализация в употреблении эгрессивной формы второстепенна. Этим функционирование эгрессива в основном значении отличается от употреблений внутриместного элатива, в своем основном значении указывающего на движение именно из внутренних пределов ориентира:

(322) *шёр сикт-сянь* (EGR) *карсянь локтысь туйыс вожалё куимлаё* (Попов 2008: 182)
'в центральном селе (букв. от центрального села) дорога из города разветвляется в три стороны'

(323) *кладбище-сянь* (EGR) *нетысь туйёд восьлаліс Епим пёль* (Попов 2008: 377)
'по дороге, ведущей с кладбища, шагал дед Епим'

(324) *Няхуыс – уль чери. Сёмын на шедём ловсё **мыш-сянь-ыс*** (EGR-POSS3SG)
кырõны, солалõны да сёйõны (КМ 03.07.2007)
'Няху – сырая рыба. Свежепойманную рыбину разделявают со спины, солят и едят'

Таким образом, эгрессив в основной функции обозначения отправной точки нейтрален по отношению к физическим характеристикам ориентира. Фактически движение или действие может исходить изнутри ориентира, однако ориентир в эгрессивной форме находится в фокусе как точка начала движения или действия, а не как контейнер.

Обозначение эгрессивом отправной точки движения может объяснить тонкое семантическое различие между эгрессивной и элативной формами в следующих примерах:

(325) *локтіс **вартанін-ысь*** (EL) 'пришел с молотьбы'

(326) *локтіс **вартанін-сянь*** (EGR) 'пришел с места, где происходит молотьба'

Локализация IN, выражаемая внутриместным элативом в примере (325), когнитивно может переноситься и на действие, обозначенное в ориентире. Поэтому содержание примера с ориентиром в форме элатива интерпретируется как движение, связанное с уходом с места работы по ее завершении (Гуляев 1961: 168–169). В отличие от элатива, эгрессивная форма во втором примере содержит указание на стартовую точку, в которой начинается движение, без того чтобы это было обязательно связано с работой (Гуляев 1961: 168–169).

3.6.1.2.1. Крайняя точка траектории

Для выражения траектории движения и обозначения крайних точек движения или действия в коми языке, как правило, употребляются эгрессив в паре с терминативом:

- (327) *Москва-сянь* (EGR) *Саранскöдз поездыс мунö сöмын öти вой* (KM 03.11.2007)
'От Москвы до Саранска поезд идет только одну ночь'
- (328) *лöглун шымыртис юр-сянь-ыс* (EGR-POSS3SG) *кокöдыс* (Тимин 2000: 74)
'злость охватила [его] с головы до ног'
- (329) *медым тырмис эжны мусö енэжтас-сянь* (EGR) *енэжтасöдз* (Тимин 2000: 194)
'чтобы хватило укрыть землю от горизонта до горизонта'

Для выражения траектории движения может использоваться также сочетание эгрессивных форм с иллативом:

- (330) *воöдчыны Сыктывкар-сянь* (EGR) *Эжваö* (KM 01.12.2007)
'добраться из (букв. от) Сыктывкара в Эжву'

В примерах, подобных последнему, наблюдается бóльшая синонимия эгрессива с элативом. Так, если в контекстах функционирования пары эгрессив–терминатив (примеры (327–329)) важным видится преодоление (заполнение и т. п.) определенного расстояния, ограниченного двумя крайними точками, то в паре эгрессив–иллатив (пример (330)) внимание фокусируется на крайних точках движения.

3.6.1.3. Распространение движения или действия

Кроме обозначения направления и отправной точки движения, эгрессивная форма предполагает, что движение или действие, содержащееся в контексте, будь оно реальным или ментально представляемым, имеет пространственное распространение от ориентира до определенного пункта. Он может быть вербально обозначен, выводиться из контекста или распознаваться когнитивно:

- (331) *друг косьöбтис орчча вагон-сянь* (EGR) *мужичöйлöн ён гöлöс* (Попов 2008: 396)
'вдруг из соседнего вагона раздался зычный мужской голос'
- (332) *дась нин вöли петны нывбаба, но падмöдис мöд жыр-сянь* (EGR) *кылысь шы* (Попов 2008: 241)
'женщина уже была готова выйти, но [ее] задержал звук, донесшийся из другой комнаты'

- (333) *Вёрса видзёдіс тайёс парма-сянь* (EGR) (Попов 2008: 180)
 ‘Леший смотрел на это из леса’
- (334) *Мортыдлы дышёдбма, тыдалё, ёшинь-сянь-ыс* (EGR-DEF) *кыйёдны петёмсё* (Попов 2008: 102)
 ‘Человеку надоело, похоже, следить из окна, когда они выйдут’
- (335) *Пёлать-сянь* (EGR) *видзёдіс пемыд ёшиньё* (Попов 2008: 387)
 ‘С полатей смотрел в темное окно’
- (336) *Нёрыс-сянь-ыс* (EGR-DEF) *сийё тыдаліс ки пыдёс вылын моз* (Тимин 2000: 80)
 ‘С холма он был виден как на ладони’
- (337) *машина кабина-сянь* (EGR) *тартё шковёбтёны* (КМ 19.06.2007)
 ‘из кабины автомобиля стреляют тетерева’

В примерах (331–332) траектор в виде звуковых волн (голос, звук) достигает наблюдателя. В примерах (333–337) перемещения траектора не происходит, движение представлено имплицитно: действие, взгляд от ориентира направлены на некий процесс (примеры (333–334)) или объект (примеры (335–337)).

3.6.1.4. Удаленность от ориентира

В конструкциях с именами числительными и словами, выражающими протяженность в пространстве, эгрессив указывает на удаленность траектора от ориентира:

- (338) *Томск-сянь* (EGR) *сиктыс верст квайтэмын сайын* (КМ 22.11.2007)
 ‘деревня находится в 60 километрах от Томска’
- (339) *Со, пёль керка-сянь* (EGR) *небылын <...> льём пуяс* (Тимин 2000: 29)
 ‘Вон, недалеко от дома деда <...> черемухи’

Как и аппроксиматив (ср. пример (293)), терминатив также может обозначать местонахождение траектора. Однако функциональными синонимами их назвать нельзя, поскольку в случае эгрессива путь до местонахождения траектора ментально проделывается в направлении от ориентира к траектору, тем самым «отмеряя» удаленность траектора от ориентира. При этом местоположение наблюдателя не актуально (ср. 3.5.3, пример (294), схема 23):

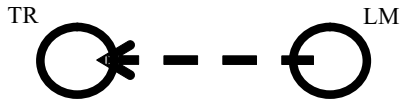

Схема 23. Профиль эгрессива *-сянь* в (338–339).

Для выражение удаленности объектов друг от друга эгрессивная форма употребляется в паре с терминативной:

- (340) *ЛПК-сянь* (EGR) *миан-ёдз* [TERM] *300 километр* (ПГ 03.07.2007)
 ‘От ЛПК до нас 300 километров’

3.6.1.5. Локализация *IN*

Тесная генетическая связь эгрессива с элативом (ОФУЯ 1976: 145, 149) и, как следствие, выражение ими одного и того же типа ориентации видится в основе функционирования эгрессива в качестве достаточно четкого функционального синонима внутриместного элатива в последующих и им подобных примерах:

- (1) *Му пытити вуджанін-сянь* (EGR) *петі* (КМ 10.11.2007)
 ‘[Я] вышел из подземного перехода’
- (317) *Лагун-сянь* (EGR) *босьтчис тюргыны-визувтны сур* (Попов 2008: 124)
 ‘Из бочонка струей побежало пиво’
- (341) *Гашикё, район-сянь* (EGR) *кутиёмкё чина морт воёма да?* (Попов 2008: 91)
 ‘Может, из района какой-то чиновник прибыл?’
- (342) *пемыд вёр-сянь* (EGR) *грезддорса эрд вылө <...> бырснитисны-петисны <...> чой-вокъясыс* (Попов 2008: 150)
 ‘из темного леса на поляну возле деревни <...> выскочили <...> [ее] сестры-братья’
- (343) *Кар-сянь* (EGR) *вои* (Попов 2008: 89)
 ‘[я] прибыл из города’

3.6.2. Непространственная семантика

Во множестве примеров ориентир в форме эгрессива обозначает адресанта, от которого исходит действие. Часто это выражается в ситуации отчуждения, получения чего-либо от кого-либо:

- (344) *видзёдлыны, воис эз на воча кывйыс ныв-сянь-ыс* (EGR-DEF) (Попов 2008: 231)
 ‘посмотреть, пришел ли ответ от девушки’

- (345) *Артисталан сямыс Леналён <...> дед-сянь-ыс* (EGR-POSS3SG) (КМ 30.08.2007)
‘Актёрские способности у Лены <...> от деда’
- (346) *Справка пö кутишöмкö станция-сянь* (EGR) *ковмöма* (Попов 2008: 135)
‘Справка, де, понадобилась из какой-то станции’

Как правило, в подобных употреблениях в качестве ориентира выступает лицо, коллектив и т. п., относящееся к социальному пространству. Глагольное действие в таких конструкциях может лишь подразумеваться. См. также примеры (17–27).

В темпоральном значении эгрессивная форма указывает на начальный момент действия:

- (347) *10 час асыв-сянь* (EGR) *куим час лунöдз* (КМ 22.11.2007)
‘с 10 часов утра до трех часов дня’
- (348) *Му пуксьöм-сянь-ыс* (EGR-DEF) *олöны тани йöзраяс* (Тимин 2000: 110)
‘С сотворения земли живут здесь обские угры’

См. также примеры (37–38).

Непространственная семантика эгрессива может быть также представлена примерами, относящимися к когнитивным областям состояния и шкалы (см. 3.2.6):

- (58) *Марко вöр пöрöдысь-сянь* (EGR) *воис вöрпункт начальникöдз* (ÖКК 88)
‘Марко дослужился (букв. *достиг*) от лесоруба до начальника лесопункта’
- (59) *Сйö 15 во нин уджалö кусöдчысьöн, шопер-сянь* (EGR) *быдмис отрядса начальникöдз* (КМ 04.12.2007)
‘Он уже 15 лет работает пожарным, вырос от шофера до начальника отряда’

Также эгрессив используется для выражения отношения к ориентиру:

- (73) *Яндзим вöли мам-сянь-ыс* (EGR-POSS3SG) *и йöз-сянь-ыс* (EGR-DEF) (ÖКК 88)
‘Стыдно было перед матерью и людьми (букв. *от матери и людей*)’

В некоторых диалектах эгрессив может выражать причину (Гуляев 1961: 158):

- (78) *вина юöм-сянь* (EGR) (ÖКК 88)
‘от питья вина’
- (349) *Кырымйас д’эгдöнö ва-с’ан’-ыс* (EGR-DEF) (ЛЛД 47)
‘Руки мерзнут от воды’

В этой функции эггессивная форма изредка встречается и в текстах на литературном языке (ÖKK 88). В следующем примере отчетливо просматривается обозначение эггессивом отправной точки (ср. 3.6.1.2.):

- (350) *Кусодтём чигарка-сянь либбэ энотём бипур-сянь* (EGR) *лоббэ ыджыдсьыс-ыджыд ускóттьб* (КМ 12.07.2007)
'От непотушенной сигареты или оставленного костра бывает огромная беда'

3.7. Терминатив

Маркер терминатива зафиксирован в письменных языковых источниках в той же форме, что и в современном коми языке (Лыткин 1952: 103, 105): *му-öз* 'до земли'. О его происхождении существует несколько версий. Наиболее приемлемым считается образование суффикса терминатива от самостоятельного слова **ǫž* 'перед, передний; место перед кем-либо, чем-либо' (см. ОФУЯ 1976: 148, а также Некрасова 2004: 83). Согласный элемент в его составе связывается также с лативом *ś* (< **ś*) (ОФУЯ 1976: 148).

3.7.1. Пространственная семантика

В плане выражения ориентации терминатив, как и иллатив с аппроксимативом, представляет лативный тип ориентации. При более детальном рассмотрении формы терминатива выражают 'путь с достижением предела'. От иллатива его отличает выражение эксклюзивного значения и достижения предела без указания на вхождение во внутренние пределы ориентира (за исключением периферийных употреблений, синонимичных с иллативом, в которых актуализируется тип локализации IN). От аппроксиматива он отличается выражением предельности действия.

3.7.1.1. Предельность действия

Основной функцией терминатива является выражение пространственной границы движения или распространения действия:

- (351) *пессб тэчбма абу дзик йирк-öдз-ыс* (TERM-DEF) (Попов 2008: 75)
'дрова сложены не совсем до потолка'
- (352) *дөрбм кизьяссб гбгй-öдз-ыс* (TERM-POSS3SG) *разялбма* (Попов 2008: 85)
'пуговицы [у него] на рубашке до пупа расстегнуты'

- (353) *Во дас вит сайын тані **коск-өдз** (TERM) турун быдмис* (Попов 2008: 182)
‘Лет пятнадцать назад здесь росла трава до пояса’
- (354) *зэр ваыс йиджис кучик пырыс **вир-яй-өдз-ыс** (TERM-POSS3SG)*
(Попов 2008: 13)
‘дождевая вода сквозь кожу просочилась до тела’
- (355) *Пыжбөн 260 километр ковмõма кывтны **Щельяюр-өдз** (TERM). Сэсся
машинабн мунõма **Изьва-өдз** (TERM). А сэсянь нин катõма **Ухта-өдз**
(TERM) *Изьва ю кузя ыджыд пыжбөн* (КМ 04.12.2007)
‘[Ей] пришлось проплыть 260 километров на лодке до Щельяюра. Затем
[она] проехала на машине до Ижмы. И уже оттуда вверх по реке Ижме на
большой лодке доехала до Ухты’*
- (356) *мыйла <...> оз тийõктыны **Шорйыв грезд-өдз-ыс** (TERM-DEF) бур туй
лõсьõдны* (Попов 2008: 52)
‘почему <...> не велят сделать до деревни Шорйыв хорошую дорогу’
- (357) *Витõдзыс час на коли, а **сельсõвет-өдз-ыд** (TERM-DEF) дас минутõн воан*
(Попов 2008: 300)
‘До пяти еще час остался, а до сельсовета за десять минут дойдешь’
- (272) *Йõзысь гусьõн, йõрьясõд, воõдчис аслас **керка-өдз** (TERM)* (Попов 2008: 408)
‘Тайком от людей, по дворам, добрался до своего дома’
- (358) *Эз мõй мамыд висьтав, мый туйыс **миян-өдз** (TERM) аминь лёк* (Попов
2008: 31)
‘Разве мама тебе не сказала, что дорога до нас очень плохая’

В подобных примерах актуализировано значение предельности действия, реального или совершаемого ментально движения, а также распространения признака (358). В первых четырех из них (примеры (351–354)) во внешнеместном значении терминатива сомневаться не приходится. В них содержится указание на границу распространения действия и можно говорить лишь о контакте траектора с ориентиром (например, (354)).

В остальных примерах ((355–358), (272)) когнитивно или исходя из более широкого контекста можно предположить достижение траектором цели в виде вхождения во внутренние пределы ориентира: в примере (355) достижение населенных пунктов означает, вероятно, вхождение в них, в примере (357) объект имеет намерение посетить сельсовет, т. е. войти в его внутренние пределы, и т. д. Однако во всех этих примерах внимание контекстуально фокусируется не на достижении цели как таковом, а на преодолении определенного отрезка в пространстве до предела-ориентира. На релевантность траектории указывают, например, расстояние (260 км в примере (355)) и способ (на машине, на лодке в примере (355)) или время (за 10 мин в примере (357)) его преодоления, характеристика маршрута (по

реке; хорошая дорога; по дворам; плохая дорога в примерах (355), (356), (272) и (358) соответственно).

В примере (358) наблюдается пересечение когнитивных областей физического и социального пространств (ср. 3.3.2.4). Однако пространственная составляющая является релевантной.

3.7.1.2. Крайняя точка траектории и удаленность

Зачастую терминатив фигурирует в паре с эггессивом. В зависимости от семантической характеристики вербальной единицы в контексте, в таких конструкциях терминатив указывает на конечную точку актуализированной траектории движения (пример (327); см. также 3.6.1.2.1) или на одну из крайних точек при выражении удаленности объектов друг от друга (пример (339); см. также 3.6.1.4):

(328) *Москвасянь Саранск-ӧдз* (TERM) *поездыс мунӧ сӧмын ӧти вой* (КМ 03.11.2007)
'От Москвы до Саранска поезд идет только одну ночь'

(340) *ЛПК-сянь миян-ӧдз* (TERM) *300 километр* (ПГ 03.07.2007)
'От ЛПК до нас 300 километров'

В первом случае происходит реальное движение по траектории от одной точки до другой, а во втором примере расстояние между объектами «отмеряется» путем ментального передвижения.

Удаленность объектов друг от друга может быть выражена также конструкцией с ориентиром в форме терминатива, но без участия эггессива. В этом случае отправная точка ментального передвижения должна быть каким-либо образом обозначена в предыдущем контексте:

(359) *Шомаыбын сӧмын куйм класса школа. Сэсса челядь мунӧны велӧдчыны Паськыдвидзӧ <...> Шомаыб-ӧдз* (TERM) *куйм верст лыддьӧны* (Попов 2008: 376)
'В Шомаыбе [имеется] только трехклассная школа. Дальше дети идут учиться в Паськыдвидз <...> До Шомаыба насчитывают три версты'

3.7.1.3. Локализация IN

В определенных контекстах терминатив однозначно выражает внутриместную локализацию, проявляя в этом плане функциональную синонимию с иллативом⁵⁶:

⁵⁶ Нельзя не согласиться с М. Н. Усачёвой (2012а: 193), утверждающей, что терминатив и иллатив близки по своей природе и при отсутствии в языке терминатива его функции «берет на себя» иллатив.

- (360) *Анна петалис өти керка-өдз* (TERM) *да корис сэни олысь нывлысь кузь каблука туплисö* (Попов 2008: 129–130)
 ‘Анна сходила в один дом (букв. *до одного дома*) и попросила у девушки, живущей там, туфли на высоком каблуке’
- (361) *горт-өдз* (TERM[POSS1SG]) *нин руч моз пырис* (Попов 2008: 99)
 ‘[Он] уж в дом (букв. *до дома*) словно лиса вошел’
- (362) *Суседьяс петисны ывла-өдз* (TERM) (Попов 2008: 97)
 ‘Соседи аж на улицу (букв. *до улицы*) вышли’
- (363) *Збыль мöй кар-өдз* (TERM) *лагунсö нуасны* (Попов 2008: 99)
 ‘Неужели бочонок аж до города повезут’
- (364) *Кар-өдз* (TERM) *вuzасьны кысси* (Попов 2008: 127)
 ‘[Я] аж до города торговать притащился’
- (365) *Бур, мый керка-өдз-ыс* (TERM-POSS3SG) *эз ков пыравны*. (Попов 2008: 194)
 ‘Хорошо, что не пришлось совсем в дом (букв. *до дома*) заходить’

Зачастую такому проявлению терминатива контекстуально способствует семантическая характеристика глагольных единиц в конструкциях – выражение действия, направленного вовнутрь (ÖKK 90).

В плане выражения вхождения траектора во внутренние пределы ориентира терминативные формы могут быть заменены иллативными. Однако использование терминатива в некоторых примерах придает выражениям определенный стилистический оттенок, в котором своеобразно проявляется терминативное значение предельности движения. А именно, в примерах (361–365) не просто констатируется вхождение в пределы ориентира, в них подчеркивается исключительность ситуации – траектор вошел УЖ, АЖ, СОВСЕМ внутрь ориентира.

В примерах с собственными именами и др. (ср. 3.3.2.4) во множественном числе в форме терминатива, служащими ориентирами и обозначающими пространство проживания определенного коллектива людей, наблюдается пересечение когнитивных областей физического и социального пространств – локализация DOMUS. При этом релевантной является пространственная составляющая:

- (366) *Котöрөн сорөн пызйышитис Макар Тамараяс-өдз* (TERM). *Бур, мый керкаөдзыс эз ков пыравны*. (Попов 2008: 194)
 ‘[Она] бегом помчалась к Макар Тамаре домой (букв. *до Тамар*). Хорошо, что не пришлось совсем в дом заходить’

В отличие от примера (358), здесь внимание фокусируется не на преодолении маршрута, а на выражении конечной цели движения, в чем и проявляется функциональная синонимия терминатива с иллативом. Контексту-

ально объект направляется во внутренние пределы ориентира. В данном примере на это косвенно указывает утверждение, что в дом заходить не пришлось.

3.7.1.4. КОНТАКТ

Синонимия терминатива с иллативом проявляется также в нечастом выражении им соприкосновения траектора с ориентиром в конструкциях с глаголом *инмөдчы(в)ны* ‘касаться, коснуться’:

- (367) *медым не инмөдчыны сылөн пöсь **яй-өдз-ыс*** (TERM-POSS3SG)
(Попов 2008: 163)
‘чтобы не дотронуться до [ее] горячего тела’

В отличие, например, от употребления (354), в котором также присутствует контакт траектора с ориентиром, здесь предельность действия не акцентируется, тогда как в примере (354) подчеркивается именно предел движения, а контакт остается второстепенным.

3.7.2. Непространственная семантика

Выражение темпорального значения является, видимо, наиболее частой непространственной функцией терминатива. Аналогично движению в физическом пространстве, во времени терминатив указывает на конечный пункт распространения действия. В качестве ориентира могут служить как единицы измерения времени, так и слова, обозначающие событие, период и т. п.:

- (356) ***Вит-өдз-ыс*** (TERM-DEF) *час на коли, а сельсөветөдзюд дас минутөн воан*
(Попов 2008: 300)
‘До пяти еще час остался, а до сельсовета за десять минут дойдешь’

- (36) *А ми **пажын-өдз*** (TERM) *на ставсө эштөдiм* (ÖКК 90)
‘А мы еще до обеда все завершили’

- (368) *Николай да Никита Князевьяс <...> **11-өд класс-өдз*** (TERM) *пыр вöлины öти командаын* (КМ 05.06.2007)
‘Николай и Никита Князевы <...> до 11 класса всегда были в одной команде’

Структурные модели физического пространства повторяются в падежных конструкциях со словами, выражающими понятия абстрактной области:

- (369) *Тайö **мөви-өдз-ыс*** (TERM-DEF) *воём бöрын* (Попов 2008: 62)
‘Дойдя до этой мысли’

Многие употребления терминатива относятся к области шкалы (см. также 3.2.7). Это может быть шкала единиц измерения, а также свойств, качеств и пр.:

- (370) *мича кос луньясö сылы лоö кытилавны сынöдын 3-4 час-öдз* (TERM) (КМ 31.05.2007)
'в ясные сухие дни ему приходится кружить в воздухе до 3–4 часов'
- (62) *витсё сюрс гозй-öдз* (TERM) *пö сэки съöлатö кыйлöмаöсь Коми муын быд во* (ÖКК 91)
'рябчиков тогда, говорят, на Коми земле ежегодно добывалось до пятисот тысяч пар'

В представленных примерах терминатив выражает достижение количественного предела. См. также примеры (63–65).

В свою очередь, шкала может иметь точки пересечения с областью состояния. В примерах такого использования терминатив зачастую фигурирует в паре с эггессивом, а ориентирами служат существительные, выражающие профессию, род деятельности человека и т. п.:

- (57) *Томöн, томöн воöдчöмыд мастер-öдз* (TERM) (ÖКК 91)
'Молодым, молодым [ты] дослужился (букв. *добрался*) до мастера'
- (58) *Марко вöр пöрöдысьсянь воис вöрпункт начальник-öдз* (TERM) (ÖКК 88)
'Марко дослужился (букв. *достиг*) от лесоруба до начальника лесопункта'
- (59) *Сйö 15 во нин уджалö кусöдчысьöн, шоперсянь быдмис отрядса начальник-öдз* (TERM) (КМ 04.12.2007)
'Он уже 15 лет работает пожарным, вырос от шофера до начальника отряда'

3.8. Приблизительно-местные падежи

Приблизительно-местные падежи являются структурными инновациями в падежной системе коми языка (Некрасова 2002: 119). Вопрос об их грамматическом статусе долгое время оставался открытым (например, Некрасова 2002: 119). Ряд их морфологических признаков говорит в пользу отнесения их к падежным морфемам (Некрасова 2002: 122; см. также Майтинская 1979: 95 и 3.1.1). В общую падежную парадигму коми языка они были включены недавно (см. ÖКК).

Суффиксы падежей данной серии имеют ясную структуру – в составе каждого из них маркеру аппроксиматива следует маркер одного из шести первичных местных падежей (см. схему 10). Общий для всех падежей элемент в виде аппроксимативного маркера отразился и в названии серии.

Сложным составом этих суффиксов обусловлен узкий диапазон их функций. Семантика большинства из них ограничивается выражением пространственно-временных отношений. Исключение составляет, пожалуй, только аппроксиматив-иллатив.

Наиболее часто в употреблении приблизительно-местных падежей содержится выражение приближенности к ориентиру, придаваемое первым компонентом *-лань-*. В составе суффиксов изначально аппроксимативный *-лань-* теряет падежную функцию выражения направления движения и в качестве коаффикса (Некрасова 2004: 81) содержит указание на топологическую зону, а именно, на участок пространства, проксимативный относительно ориентира. Таким образом, *-лань-* в составе суффиксов падежей данной серии выступает, прежде всего, в качестве маркера локализации (ср. Усачёва 2012а: 180–181, 213).

Вторые компоненты в суффиксах рассматриваемых падежей, т. е. маркеры остальных местных падежей, кроме аппроксиматива, несут ориентационную функцию. Локализация (IN и т. д.), выражаемая ими в качестве суффиксов самостоятельных падежей, в составе суффиксов приблизительно-местных падежей видится малосущественной.

Однако, *-лань-* в составе приблизительно-местных падежей не только и не всегда указывает на проксимативность. Нередки случаи его проявления как раз таки в одной из функций аппроксиматива – обозначения направленности.

Ориентиры, выраженные словами в форме приблизительно-местных падежей, могут иметь четкие физические границы, быть 3-мерными объектами, даже представлять образ-схему КОНТЕЙНЕРА и пр., но в силу специфики семантики приблизительно-местных падежей они могут выражать исключительно внешнеместные пространственные отношения (см. также Некрасова 2002: 126). Эта специфика проявляется в указании приближенности или направленности относительно ориентира.

3.8.1. Пространственная семантика

Как было сказано выше, наиболее часто локализационный компонент *-лань-* в составе приблизительно-местных падежей содержит указание на участок пространства около ориентира. В зависимости от контекста ситуации, эта зона может быть двух типов:

1) Участок пространства на воображаемой линии, связывающей траектор с ориентиром (ср. 3.5.1 и схему 12), в непосредственной или относительной близости к ориентиру, при этом актуальны наличие и местоположение наблюдателя. Иными словами, действие или движение локализовано между траектором и ориентиром, как правило, ближе к ориентиру.

2) Участок пространства в непосредственной или относительной близости к ориентиру с возможным включением территории ориентира, при этом наличие и местоположение наблюдателя не актуально. Иными сло-

вами, действие или движение локализовано в зоне, распространяющейся радиально от ориентира.

К сожалению, в силу специфической семантики и малопродуктивности приблизительно-местных падежей, не для всех из них были найдены примеры фигурирования обоих типов зон в рассмотренных источниках. Тем не менее, моя языковая компетенция подсказывает, что такие употребления вполне возможны. В имеющихся же примерах не всегда возможно четко определить тип зоны, поскольку они могут быть по-разному интерпретированы.

3.8.1.1. Аппроксиматив-инессив

Пространственная функция аппроксиматива-инессива состоит в обозначении зоны совершения действия или движения вблизи, около ориентира. Первый тип вышеназванных зон представлен следующими примерами употребления аппроксиматива-инессива:

- (371) [*Серафим*] *бергөдчө нин вөлі, но пач-ланяс* (APR+INESS.DEF) *кокниа воссис өдзөс и пытикөсса жыръяс югнитіс нэриник битор* (Арт № 3, 2007)
'[Серафим] уже было разворачивался, но около (букв. в стороне) печи легко отворилась дверь и во внутреннем помещении блеснул слабенький огонек'
- (372) *Көтшас-ланьын* (APR+INESS) *зонпоснияскөд ноксис Мишка* (ӨКК 91)
'В (букв. в стороне) задней части избы с мальчишками возился Мишка'
- (373) *Тадзи сёрнитигөн пуксялісны ен ув пельдс-ланьын* (APR+INESS) *сулалысь пызан гөгөр...* (ӨКК 91)
'Так разговаривая [они] расселись вокруг стола, стоящего в переднем углу (букв. в стороне переднего угла)'
- (374) *Сулалө сійө [керкаыс] Эжва берег-ланьын* (APR+INESS) *бөръяөн* (ПГ 13.03.2007)
'Стоит он [дом] около (букв. в стороне) Вычегды последний'
- (375) *А понйыслөн увтөмыс пыр ылысмис и ылысмис: Біджыд вад-ланьын* (APR+INESS) *нин кыліс* (ӨКК 91)
'А лай собаки все отдалялся и отдалялся: слышался уже около (букв. в стороне) лесного озера Большое'
- (376) *Ылыс тыяс-ланьын* (APR+INESS) *кутісны гыпкыны-лййсьыны* (Некрасова 2002: 123)
'Около (букв. в стороне) дальних озер стали стрелять'

В данных примерах наблюдатель наличествует контекстуально или когнитивно. Действие локализуется в направлении от него в зоне, близкой к ориентиру.

Примеры (375–376), несмотря на наличие в них наблюдателя – об этом говорит отдаление лая в примере (375) и доносящийся звук стрельбы в примере (376), – могут быть интерпретированы иначе: лай и стрельба могут слышаться в РАЙОНЕ ориентира, но необязательно на оси наблюдатель–ориентир. Вероятно, такое толкование допускает большая удаленность ориентиров от наблюдателя, невыполнимость визуального фиксирования действия и, как следствие, невозможность точного определения места совершения действия.

В следующих примерах зону местоположения траектора или совершения действия можно достаточно однозначно определить как второй тип локализации:

- (377) *Кор туробъясён Дурё Воркута, Ухтаын – тулыс, Летка-ланьын* (APR+INESS) – *гожём* (ÖКК 91)
 ‘Когда метелями буйнит Воркута, в Ухте – весна, в стороне Летки – лето’
- (378) *Сэки мяян-ланьын* (APR+INESS) *татийём сикас оланінъястё эз на кыпöдлыны* (КМ 19.06.2007)
 ‘Тогда в наших краях (букв. в стороне нас) жилье такого типа еще не строили’
- (379) *Коми муын, Пермак-ланьын* (APR+INESS), *олис вöрын... ён морт Пера* (ÖКК 91)
 ‘На коми земле, в краю (букв. в стороне) пермяков, жил в лесу... богатырь Пера’

В данных примерах наблюдатель не актуален, а траектор или действие локализованы в районе ориентира. Ориентир видится неким центром, относительно которого определяется проксимативная к нему зона локализации.

На основе имеющихся примеров можно заключить, что аппроксиматив-инессив может указывать на участок пространства в РАЙОНЕ ориентира безотносительно наблюдателя в случае ориентиров, являющихся местами проживания или распространения кого-либо, населенными пунктами, названиями местности и пр. Кроме того, такая же интерпретация ситуации может иметь место в конструкциях с ориентирами, отстоящими на большом расстоянии от наблюдателя и невидимыми с точки наблюдения (см. примеры (375–376)).

3.8.1.2. Аппроксиматив II

Аппроксиматив II наиболее частый из приблизительно-местных падежей. Это обусловлено практически полной синонимией с собственно аппроксимативом (см. 3.5):

- (380) *Турияс лэбзисны вёр-лань* (APR) (*вёр-ланьё* (APR+ILL)) (Некрасова 2004: 71)
‘Журавли полетели в сторону леса’
- (381) *Ва дор кыддзын пукалысь ракаяс... лэбзисны Кырув вичко-ланьё* (APR+ILL)
(ÖKK 92)
‘Сидевшие на прибрежной березе вороны... полетели в сторону Кырувской церкви’
- (382) *Отчыд зырим вёрөгтё Кестеньга-ланьё* (APR+ILL) (КМ 23.06.2007)
‘Однажды погнали врага в сторону Кестеньги’
- (383) *Бдэжыд тошка Ичот Вась бергөдчылис сы-ланьё* (APR+ILL), *көсийис мыйкө шуны, но ме торки сийёс* (КМ 14.04.2007)
‘Ичот Вась с большой бородой повернулся было в его сторону, хотел что-то сказать, но я его прервал’
- (384) *Ю-ланьё* (APR+ILL) *ызгигтыр мөдөдчисны шоръяс* (ÖKK 92)
‘В сторону реки, бурля, направились ручьи’
- (385) *...Көрьяслы көрымөн дзескалём бёрын нэмөвөйся инстинкт тишөктө өдйөдэжык петны тундралён шыльыд эрдьяс вылө, нюжөдчыны войвыв-ланьё* (APR+ILL) (ÖKK 92)
‘В недостатке корма для оленей вековой инстинкт велит скорее выходить на гладкие просторы тундры, потянуться на север (букв. в сторону севера)’

Действительно, во всех этих примерах маркер аппроксиматива II без искажения значения может быть заменен аппроксимативным суффиксом. Полное копирование функций Г. А. Некрасова (2002: 128) объясняет возвращением коаффиксу *-лань-* его латинского характера под влиянием латинского *-ö* в составе *-ланьё*. Некоторые исследователи видят между двумя этими формами неуловимую семантическую разницу (см. Нечаев 1948: 95, ссылка по Некрасова 2002: 126).

3.8.1.3. Аппроксиматив-элатив

Основные ситуации употребления данного падежа могут быть интерпретированы двояко. С одной стороны, этот падеж может иметь указание на участок пространства около ориентира, откуда берет начало движение или действие. С другой стороны, он может обозначать лишь направление движения или действия без указания на начало именно в проксимативной зоне ориентира. При этом зачастую сложно провести четкие границы между оттенками значений.

Несомненное указание на проксимативный к ориентиру участок пространства содержится в следующих примерах:

- (386) *Конюшня лэбув пельёс-ланьысь* (APR+ELAT) *Олексей казалис рудов му комёкъяс* (ОКК 92)
 ‘В углу (букв. в стороне угла) навеса конюшни Олексей заметил сероватые комки земли’
- (387) *Кыськё со, залавка пельёс-ланьсыс* (APR+ELAT.DEF), *югыд юантор на сюрис* (ОКК 92)
 ‘Где-то вон, в углу (букв. в стороне угла) залавка, нашелся прозрачный напиток’

В этих примерах проявляется такая типологическая особенность коми языка (свойственная также другим финно-угорским языкам), как использование элативных (аблативных) падежей с глаголами определенного характера.

В нижеследующих примерах с определенной долей уверенности можно сказать, что движение стартует также с территории около ориентира и совершается в направлении наблюдателя:

- (388) *кадысь кадё усьласисны рытыввывсянь Новгород-ланьысь* (APR+ELAT) *воём наян ушкуйникъяс* (Тимин 2000: 6)
 ‘время от времени с запада нападали хитрые ушкуйники, прибывшие со стороны Новгорода’
- (389) *Тайё туйёдыс татчё коркё кутшиёмкё важ йёз волёма Важкурья-ланьысь* (APR+ELAT) (ОКК 91–92)
 ‘По этой дороге сюда когда-то прибыли какие-то древние люди со стороны Важкурьи’
- (390) *Тайё Ляшкё кашкигён Пёрысь мамыс сэтиём сёрён Лавка-ланьысь* (APR+ELAT) *пёнарён* (ОКК 91)
 ‘Это его старая мать пыхтя бредет так поздно с фонарем со стороны лавки’

Употребление форм аппроксиматива-элатива для обозначения участка пространства около ориентира и соответствующее их толкование в примерах (388–389) может быть обусловлено знанием исторических данных (актуальны именно окрестности Новгорода и Важкурьи). Кроме того, между ориентиром и наблюдателем, вероятно, были и другие объекты, которые могли послужить ориентиром для обозначения направления, однако ими стали именно Новгород и Важкурья, что указывает на актуальность этих территорий.

Что касается примера (390), то в силу относительно небольших размеров ориентира, он вполне мог быть в поле зрения наблюдателя, а значит зона около ориентира могла стать актуальной.

Форма аппроксиматива-элатива может указывать лишь на вектор движения со стороны ориентира в направлении наблюдателя. В этом значении

рассматриваемый падеж синонимичен с аппроксимативом-эгрессивом (Некрасова 2004: 71):

- (391) *Видзьяс-ланьысь* (APR+ELAT) (*видзьяс-ланьясьнь* (APR+EGR)) *тыдовтчис вёла* (Некрасова 2004: 71)
'Со стороны лугов появилась подвода'

Кроме описанных моделей функционирования аппроксиматива-элатива, встречаются отличные от них периферийные употребления этого падежа. Следующий пример достаточно специфичен и может считаться исключением, поскольку употребление аппроксиматива-элатива в нем отличается от модели предыдущих примеров:

- (392) *И Симаков окотапырысь тыынасьб-куритчб, синьясыс оз и вешйывны Сыктыв юсайса видзьяс-ланьысь* (APR+ELAT) (ÖKK 92)
'И Симаков с удовольствием курит, не сводя глаз (букв. *его глаза даже не сдвинулся*) с (букв. со стороны) лугов за Сысолой'

Схематично ситуацию можно представить следующим образом. От наблюдателя на ориентир направлен имплицитный луч (взгляд). Тем самым траектор (глаза) как источник луча имеет направленность в сторону ориентира. Согласно контексту, наблюдатель не сводит глаз с ориентира. Т. е. траектор не меняет своей направленности, а имплицитный луч, соответственно, своего направления от ориентира, что и выражено падежной формой. Из этого следует вывод, что в данном случае интересным образом проявляется обозначение аппроксимативным *-лань-* направленности действия. Здесь *-лань-* не содержит указания на проксимативную к ориентиру зону, как во многих других примерах употребления аппроксиматива-элатива.

3.8.1.4. Аппроксиматив-пролатив

В случае аппроксиматива-пролатива также можно говорить о различных проявлениях его семантики в зависимости от контекста ситуации. В следующих примерах локализационный *-лань-* в составе данного падежа содержит указание на участок пространства около ориентира, а в пролативном компоненте выражена семантическая роль 'сцены', т. е. движение или действие совершается в пространстве около ориентира:

- (393) *Туйыс муніс вёр-ланьті...* (APR+PROL) (ÖKK 92)
'Дорога проходила в стороне леса'

- (394) *Сэн, туй-ланьбд-ыс* (APR+PROL-DEF) *тэ курт* (Некрасова 2002: 125)
'Там, около дороги (букв. в стороне дороги) гребни ты'

В обоих примерах имплицитно присутствует наблюдатель и актуальные участки пространства находятся в направлении от него около ориентира. В примере (393) аппроксиматив-пролатив содержит указание на фиктивное движение по проксимативной к ориентиру территории. В примере (394) семантическая роль ‘сцены’ расширена до локативной и около ориентира совершается определенное действие. Два этих падежных употребления семантически ничем не отличаются друг от друга и лишь вербальные единицы в контексте вносят соответствующие нюансы.

Иногда актуальность наблюдателя в выражении может быть нулевой:

- (395) *Вёрсö... вöлі кыскöны-лэдзöны бала пыдди лосьöддöм көрт кольча пыр: дін-ланьд-ыс (APR+PROL-POSS3SG) мый оз тёр кольчаас, сы мында и лёсьöны да шыльыда гогналöны гөгөр...* (ÖКК 92)
 ‘Лес... протаскивали сквозь железное кольцо, служившее формой: сколько не пройдет с (букв. со стороны) комлевого конца в кольцо, столько и стесывается и гладко соскабливается кругом...’

Из своего опыта мы знаем, что бревна имеют удлиненную форму и два конца, один из которых комлевый. Часть бревна непосредственно с комлевого конца может быть только одна безотносительно к какому бы то ни было наблюдателю. Именно на этот участок указывает падежная форма. Обозначение аппроксимативом-пролативом места проявления признака в следующих примерах сходно с такой же функцией пролатива (ср. 3.4.2.2):

- (396) *...Тыдалö, асыв-ланьті-ыс (APR+PROL-DEF) мичаммö югыдкольквижён – сідзкö, бара на лоö шондіа гажа лун...* (ÖКК 92)
 ‘...Видно, на востоке (букв. по восточной стороне) проясняется светложелтым – значит, снова будет светлый солнечный день’
- (397) *Кымөръяс гырысьдöсь, шонді-ланьті-ыс (APR+PROL-POSS3SG) еджыд бокабсь, а улысныс кодлөн сьöдов, кодлөн руд* (Некрасова 2002: 125)
 ‘Облака большие, с солнечной стороны (букв. по солнечной стороне) белобокие, а низ у кого черноватый, у кого серый’

Действительно, и в том, и другом случае определенная часть ориентира обладает каким-то качеством, выраженным в контексте. Однако, семантически употребления аппроксиматива-пролатива в двух этих примерах не совсем равнозначны.

В примере (396) ориентиром является одна из сторон света, а траектором служит небо, на одном из участков которого проявляется некий признак. Этот участок расположен в восточном направлении от наблюдателя, что предполагает четырехкратную фиксированную систему ориентации в окружающем мире. Схематически ситуацию можно обрисовать следующим образом: на ориентире (купол неба) выделяется зона, расположенная в одном из четырех направлений от наблюдателя на линии, соединяющей его с ориентиром (восток).

В примере (397) ориентиром служит солнце, а траектором являются облака, на одной из сторон которых проявляется обозначенный в контексте признак. Данная сторона направлена в сторону солнца. Схематически это можно изобразить следующим образом: зона, выделяемая на траекторе (облака), имеет направленность в сторону ориентира (солнце).

Из вышесказанного следует вывод, что аппроксиматив-пролатив может содержать, с одной стороны, указание на пространственное местоположение траектора в выделяемой зоне относительно ориентира, а с другой стороны, указывать направленность его положения в сторону ориентира.

3.8.1.5. Аппроксиматив-эгрессив

Аппроксиматив-эгрессив содержит указание на ориентир, со стороны которого начинается или совершается движение траектора. В различных употреблениях проявляются некоторые семантические нюансы, присущие эгрессиву, и лишь *-лань-* в его составе подчеркивает значение приближенности. Зачастую движение предположительно начинается в проксимативной к ориентире зоне и распространяется до (действительного или имплицитного) наблюдателя (ср. 3.6.1.1, 3.6.1.3):

(398) *Теплицаяс-ланьсянь* (APR+EGR), *кодъяс сулалісны бадъяс сайын вель ылын на, кылісны гблѡсьяс* (ÖKK 92)
'Со стороны теплиц, стоявших еще довольно далеко за ивами, слышались голоса'

(399) *Сэк жѡ Дінъѡль устье-ланьсянь* (APR+EGR) *лэччысь туй дорысь повзьѡмѡн чеччис сьѡд дозмѡр...* (ÖKK 92)
'Тогда же с обочины дороги, ведущей со стороны устья Дінъѡль, испуганно поднялся глухарь-самец'

Здесь актуальная проксимативная зона представляет первый тип проксимативности (см. 3.8.1).

Но не во всех примерах можно с полной уверенностью утверждать, что движение начинается именно около ориентира, например:

(400) *Сѡмын кык пон сикт-ланьсянь-ыс* (APR+EGR-DEF) *уськѡдчылісны кыр йылас...* (ÖKK 92)
'Только две собаки кинулись было со стороны села на пригорок'

(401) *Сикт-ланьсянь* (APR+EGR) *пѡльтіс куйѡд дук* (ÖKK 92)
'Со стороны села веяло запахом навоза'

Траектор в виде собак в примере (400) или источника запаха в примере (401) может начинать движение как в непосредственной близости к ориентире, так и в его пределах. Однако наблюдатель не располагает точной информацией. Поэтому, скорее, следует сказать, что падежная форма фо-

кусируется на обозначении направления движения со стороны ориентира. В этом значении рассматриваемый падеж синонимичен с аппроксимативом-элативом (ср. пример (391)).

Несколько иначе можно истолковать следующий пример:

- (402) ...**Поволжье-ланьянь** (APR+EGR) *Кама ю пöлөн да вятской туйяс кузя войвывланьö кыссисны му кодь съöд чужбмьяса йöз чукöрьяс* (ÖКК 92)
'...со стороны Поволжья вдоль реки Камы по вятским дорогам в сторону севера тащились группы людей с черными, как земля, лицами'

В силу того, что ориентир является масштабной местностью, вероятно, удаленной от наблюдателя, можно предположить, что форма аппроксиматива-эгрессива может указывать на нее как на отправной пункт движения (ср. 3.8.1.3).

3.8.1.6. Аппроксиматив-терминатив

Формально в представленных примерах аппроксиматив-терминатив также имеет указание на проксимативный к ориентиру участок пространства:

- (403) *Ме мöдöдчи горт-ланьöдз* (APR+TERM) (Некрасова 2004: 64)
'Я направился домой/к дому (букв. до места около [моего] дома)'
- (404) *Öдюк ветлис кар-ланьöдз* (APR+TERM) (ÖКК 93)
'Öдюк сходила/съездила до города/в город (букв. до места около города)'
- (405) *Веськöдчис тöдса вöр-ланьöдз* (APR+TERM) (ÖКК 93)
'[Он/она] направился в знакомый лес (букв. в сторону знакомого леса)'

На основе имеющегося объема контекстуальной информации их следует понимать именно так. Однако было бы неправильным определить пространственную функцию аппроксиматива-терминатива только как указание на предел движения траектора в непосредственной или относительной близости к ориентиру и никак иначе. Данные падежные формы можно понимать также несколько по-иному, без указания на участок около ориентира. В этом случае суффикс *-ланьöдз* следует рассматривать как аппроксимативный *-лань-* и терминативный *-öдз*. Т. е. в едином маркере выражается направление движения и путь с достижением предела. Возможно, лативный *-öдз* в этом едином суффиксе возвращает коаффиксу *-лань-* его изначальный лативный характер аналогично с аппроксимативом II (см. Некрасова 2002: 128).

3.8.2. Непространственная семантика

Из непространственных функций приблизительно-местные падежи – и то не все – могут выступать лишь в темпоральном значении. Исключение составляет аппроксиматив II, имеющий, в силу тесной синонимии с собственно аппроксимативом, более широкий семантический диапазон.

Во временном значении действуют те же структурные модели, что и в случае пространственных функций приблизительно-местных падежей – выражение проксимативности относительно ориентира:

- (406) *Ар-ланьын* (APR+INESS) *пужъявлö нин* (Некрасова 2002: 124)
'Под осень (букв. в стороне осени) уже бывают заморозки'
- (407) *Степан оліс пöрысь-ланьöдз* (APR+TERM), *оліс честнöя* (ÖКК 93)
'Степан прожил до старости (букв. до периода, близкого к старости), прожил честно'
- (408) *Смена пом-ланьöдз* (APR+TERM) *рычаг дорын Иван Максимович уджаліс ачыс* (Арт № 3, 2007)
'До конца смены (букв. до времени, близкого к концу смены) у рычага Иван Максимович проработал сам'

Аппроксиматив II в конструкциях с глаголом *мунны* 'идти' синонимичным с аппроксимативом образом передает отдаленную схожесть (ср. примеры (70–71)):

- (409) *Нылыс чужёмнас мамыс-ланьö* (APR+ILL) *мунö* (Некрасова 2002: 127)
'Девочка лицом похожа на мать (букв. идет в сторону матери)'

3.9. Функциональные параллели местных падежей

Падежные формы – не единственное средство выражения пространственных отношений в коми языке. Прежде всего, группы значений (семантические зоны), выражаемые местными падежами, можно передать и аналитическим путем, используя богатую систему послеложных конструкций, как, впрочем, и в других финно-угорских языках (см., например, Кондратьева 2011). Кроме того, пространственную семантику, синонимичную значениям отдельных местных падежей, в коми языке содержат особые конструкции, которые я условно называю *послеложными формантами* и грамматический статус которых, судя по некоторым упоминаниям и различным попыткам их рассмотрения (КЯД 61–62; Некрасова 1987: 189–191; Некрасова 2002: 128–129; Вакер 1985: 144–146 и др.), не совсем ясен.

Конечно, строго говоря, двух совершенно равных по смыслу высказываний не существует и не всегда можно говорить об их полной взаимоза-

меняемости (Кибрик 1970: 110–111), однако степень семантической синонимичности падежных форм и конструкций, о которых пойдет речь ниже, довольно высока, чтобы назвать их функциональными параллелями.

3.9.1. Послеложные конструкции

Многие из послелогов образованы от имен (Майтинская 1982: 24) путем присоединения к ним показателей местных падежей⁵⁷, например *сай* ‘место за чем-либо’ + С_х:

<i>керка сай-ын</i>	‘за домом (находиться)’
<i>керка сай-ысь</i>	‘из-за дома’
<i>керка сай-ӧ</i>	‘за дом’
<i>керка сай-ті</i>	‘по-за домом (пройти)’
<i>керка сай-лань</i>	‘в сторону пространства за домом’
<i>керка сай-сянь</i>	‘из-за дома, со стороны пространства за домом’
<i>керка сай-ӧдз</i>	‘за дом, до пространства за домом’ и т. д.

Это так называемые серийные послелого. Подобных серий в коми языке насчитывается свыше 30, и каждая из них состоит из трех и более послелогов (ÖKK 443–446). Лексическая составляющая пространственных серийных послелогов несет топологическое значение, т. е. содержит указание на частный тип локализации (в последних примерах – POST), а падежный маркер выражает локативную роль, т. е. определенную ориентацию. Таким образом, пространственные серийные послелого коми языка представляют собой смешанные локализационно-ориентационные образования.

В современном коми языке одни типы локализаций могут быть выражены только послеложными конструкциями и не маркироваться падежами, другие же могут иметь параллельное выражение падежными и послеложными конструкциями.

В первом случае послеложные конструкции обеспечивают грамматическое выражение практически любых топологических значений (см. ÖKK 448–471), в то время как далеко не все типы пространственных локализаций могут иметь падежную маркировку в именной словоформе. Например, локализации CIRCUM, POST, APUD, ANTE, INTER и т. д. в коми языке невозможно выразить иначе, как только с помощью послелогов. И даже выражение поверхностно-местного значения (локализация AD) в силу отсутствия соответствующих падежей за некоторыми исключениями (например, INESS *джодж-ын* ‘на полу’) берут на себя именно послелого: *пызан вылын* ‘на столе’. Однако, пространственные послелого этой группы выходят за тематические рамки данной работы и рассматриваться в ней не

⁵⁷ Назывались также *послелогамы-именами* (СКЯ 263) и *послеложными словами лексико-синтаксической службы* (Бубрих 1949: 165).

будут. Тем не менее, следует отметить, что необходимость в комплексном исследовании средств выражения локализации в коми языке существует.

Ко второй группе относятся локализации, которые могут быть выражены параллельно как падежными формами в составе именной словоформы, так и послеложными конструкциями. При этом степень синонимичности послеложных конструкций и падежных форм бывает разной: в одних случаях можно говорить о более или менее синонимичных формах (*енэж-ті* (PROL) ~ *енэж кузя* ‘по небу’), в других же послелогии имеют более конкретную семантику (ср. *вөр-ын* (INESS) ‘в лесу’ и *вөр шёрын* ‘посреди леса’).

При выборе средств выражения пространственных отношений имеет значение конкретный тип пространства, а также физические и геометрические характеристики ориентира и пр. К примеру, несмотря на отсутствие в коми языке поверхностно-местных падежей, в случае некоторых объектов, не имеющих внутренней полости, для обозначения локализации СУПЕР используются внутриместные падежи: *джодж-ын* (INESS) ‘на полу’. Личные местоимения в форме некоторых местных падежей (инессив, иллатив, пролатив) встречаются реже, а для выражения соответствующих пространственных отношений используются, скорее, послеложные конструкции, например: *мевн* (INESS) – *ме пытшкын, тиянти* (PROL) – *тиян вывти* и т. д. (ОКК 169).

3.9.2. Послеложные форманты

Функциональными соответствиями приблизительно-местных падежей с первым компонентом *-лань-* в коми языке в определенных ситуациях выступают конструкции, грамматический статус которых, исходя из анализа соответствующей литературы, пока не совсем ясен. Эти конструкции образованы с помощью составного элемента *-ладор-* и обычно принимают форму первичных местных падежей, например:

<i>керка-ладор-ын</i> (INESS)	‘в стороне дома’
<i>керка-ладор-ысь</i> (ELAT)	‘со стороны дома’
<i>керка-ладор-ӧ</i> (ILL)	‘в сторону дома’
<i>керка-ладор-ті</i> (PROL)	‘перед домом (пройти), через пространство возле дома’ и т. д.

Г. А. Некрасова (1987а: 189–190) разделяет в их составе суффикс *-ла* и послелогии с основой на *дор-* ‘место около, возле чего-либо’ и, соответственно, говорит об образовании новой серии пространственных послелогов с основой *ладор-* ‘сторона’: *керка ла-дорын* ‘в стороне дома’, *керка ла-дорысь* ‘со стороны дома’ и т. д.⁵⁸ В некоторых диалектологических рабо-

⁵⁸ В одной из более поздних своих работ Некрасова (2002: 128–129) также называет их послеложными конструкциями, но в представленных примерах отделяет *-ла-* от -

тах (см. КЯД 61–62, 139) идентичные конструкции также названы послелогоми. При таком раскладе видится необходимость пересмотра правописания этих конструкций, поскольку в литературе наблюдается их слитное написание (Некрасова 1987а: 190).

Действительно, формы *-ладорын*, *-ладорысь* и др., образуя целую серию, очень напоминают серию послелогов на *дор-*. Однако самостоятельными послелогоми они вряд ли являются.

В последней научной грамматике коми языка (см. ÖКК) послелого с основой *ладор-* не упоминаются. В качестве составляющего элемента *-ладор-* присутствует в структуре небольшой редкоиспользуемой серии пространственных послелогов с основой *водзладор-*: *водз-ладор-ын* ‘перед’ и т. д. (ÖКК 462–463). Кроме того, имеются единичные примеры аналогичного употребления в составе послелогов вместе с *-ладор-* других лексических основ:

- (410) *Павел мыш-ладор-сянь* (EGR) *на дінö матыстчис зон* (Попов 2008: 396)
 ‘Из-за (буков. со стороны спины) Павла к ним подошел парень’

По аналогии с номинацией единиц с неясным морфемным статусом в вепском языке (см. Иткин 2002) условно их можно назвать *послеложными формантами*. В качестве альтернатив И. Б. Иткин (2002: 167–168) предлагает также другие термины, не поддающиеся точной интерпретации, такие как *послелогообразные падежи* (видится определенная схожесть с падежами), *постпозиционалы* или, например, *агглютинаты* (отделив их как от послелогов, так и от падежей).

Морфемный статус *-ладор-* можно обозначить как суффиксоид (ÖКК 414). Наиболее часто он встречается в составе наречий, образованных от разных частей речи путем адвербиализации отдельных падежных словоформ: *бөр-ладор-ын* ‘позади, сзади’ (КРК 53), *веськыд-ладор-сянь* ‘справа’ (КРК 91), *та-ладор-сянь* ‘с этой стороны, отсюда’ (Попов 2008: 256) и т. д.

В сочетании с маркерами местных падежей он может образовывать целые серии наречий, прежде всего, с пространственным значением. При этом те же формы могут фигурировать в качестве послелогов (примеры из КРК 104 и ÖКК 414), ср.:

	наречие	послелог
<i>водз-ладор-ын</i>	‘вперед (в эссивном значении)’	‘перед X (в эссивном значении)’
<i>водз-ладор-ысь</i>	‘спереди (в элативном значении)’	‘спереди X (в элативном значении)’
<i>водз-ладор-ö</i>	‘вперед (в лативном значении)’	‘вперед X (в лативном значении)’
<i>водз-ладор-сянь</i>	‘спереди (в эгрессивном значении)’	‘спереди X (в эгрессивном значении)’
<i>водз-ладор-ті</i>	‘перед (в пролативном значении)’	‘перед X (в пролативном значении)’

дор-: *керкала дорын* ‘в стороне дома’, *керкала дорысь* ‘со стороны дома’ и т. д. (выделено мной – Н. К.).

Интересно, что кроме послелогов и наречий, *-ладор-* может присутствовать также в составе сложных имен в качестве второй основы (примеры из КРК): *ас-ладор* ‘своя, родная сторона’ (28), *бөр-ладор* ‘зад, тыл; задний, тыльный’ (53), *веськыд-ладор* ‘правая сторона’ (91), *водз-ладор* ‘перед, передняя сторона’ (104), *водз-ладор-са* ‘передний’ (104), *горт-ладор* ‘окрестности дома; родные места; этот берег’ (145), *йёз-ладор* ‘чужбина, чужая сторона’ (246), *кыкнан-ладор* ‘обе стороны; оба берега’ (327), *кыкнан-ладор-са* ‘двусторонний, взаимный’ (327), *миян-ладор* ‘наша сторона’ (391), *сы-ладор* ‘та сторона’ (618), *та-ладор* ‘эта сторона’ (631), *шуйга-ладор* ‘левая сторона’ (742) и т. д.

По аналогии образованы редкие композиты с участием лексем *пöв* ‘половина; один из пары’ и *бок* ‘бок’ вместо *дор* (см. также Некрасова 2002: 14): *талапöв* ‘эта сторона’ (КРК 631), *мöдлапöв* ‘тот, другой берег; та, другая сторона’ (КРК 397), *кыкнанлабокса* ‘обоюдный’ (КРК 327) и др. В составе определенных композит *-пöв-* и *-дор-* проявляют синонимию, например, при обозначении разных берегов реки *таладор* равнозначен *талапöв*:

(411) *таладор да мöдлапöв берегас коркö видз вöлöма* (КМ 07.08.2007)
 ‘на этом и на том берегу когда-то был луг’

(412) *Бөрьяас Пöдтыбоккладорö да талапöлö ветлöдлö шаландаа катер*
 (КМ 05.06.2007)
 ‘В последнем [селе] на подтыбокскую и на эту сторону ходит катер с шаландой’

В генетической связи или, по меньшей мере, в функциональной близости коаффикса *-лань-* в составе приблизительно-местных падежей и суффикса *ла-* сомневаться не приходится (подробнее см. Некрасова 1987: 190, 191; Некрасова 2002: 110–112, 114–116; Вакер 1985: 144–146). *-ла-* имеет словообразовательное происхождение и четковыраженное пространственное значение, но в современном коми языке он встречается лишь как элемент основы или коаффикс в составе сложных существительных, некоторых деэтимологизированных слов со значением места, топонимов, пространственных наречий и пр. (подробнее см. Некрасова 2002: 14–15; ÖКК 422–423).

Элемент *-ла-* в составе *-ладор-* четко сохраняет пространственное значение. Но несмотря на явную морфологическую членимость *-ладор-*, семантически он должен рассматриваться как единое целое. В отдельных случаях *-ладор-* синонимичен *-ла-*, например, *быдласянь* ~ *быдладорсянь* ‘отовсюду, со всех сторон’ (КРК 67), но как правило *-ла-*, с помощью которого в сочетании с показателями местных падежей также образуются целые серии наречий (например, *öти-ла-ö* ‘в одно место, на одно место’, *öти-ла-ысь* ‘из одного места, с одного места’, *öти-ла-ын* ‘в одном месте, на одном месте’, *öти-ла-ти* ‘по одному месту, в одном месте’ (примеры из

КРК 468)), обозначает неопределенное место, место вообще⁵⁹. В отличие от него, *-ладор-* может нести приблизительно-местное значение. Т. е. в некоторых случаях употребления определенные области семантики послеложных формантов с *-ладор-* и приблизительно-местных падежей совпадают, результатом чего проявляется практически взаимозаменяемая синонимия этих двух способов выражения пространственных отношений. Эту синонимию прекрасно демонстрирует следующий пример:

- (413) *Ме горт-ланьö* (APR+ILL) *тапикта*, – <...> *кõйысис нывбаба. Но горт-ладор-ас* (ILL.POSS3SG) *сетчигмоз...* (Попов 2008: 198)
 ‘Я домой (букв. в сторону дома) потопаю, – <...> пообещала женщина. Но подавшись (направившись) в сторону [своего] дома...’

Вне всякого сомнения, послеложные форманты могут быть заменены соответствующими формами приблизительно-местных падежей в следующих примерах:

- (414) *Емва-ладор-сянь* (EGR) *ыркйöдлiс васöд төвруöн* (Тимин 2000: 71)
 ‘Со стороны Выми дул влажный ветер’
- (415) *кодi локтiс Дон-ладор-сянь* (EGR) (КМ 23.10.2007)
 ‘который пришел со стороны Дона’
- (416) *Районын медуна вöв тiян-ладор-ын* (INESS) *арталöны* (КМ 07.07.2007)
 ‘В районе больше всего лошадей насчитывается в вашей стороне’
- (417) *Василий Васильевич чужис* <...> *Кудымкар-ладор-ын* (INESS),
Ильичи грездын (КМ 22.02.2007)
 ‘Василий Васильевич родился <...> в стороне Кудымкара, в деревне Ильичи’

Семантическая синонимия составляющих *-лань-* и *-ладор-* подтверждается также, например, использованием в значении аппроксиматива, кроме формы на *-лань*, конструкции *-лаз* с послелогом *дорэ* в говоре с. Ловозеро ижемского диалекта коми языка: *школалаз дорэ муни* ‘ушел в направлении школы’ (ИД 45), употреблением в случае личных местоимений послеложных конструкций (здесь – послеложных формантов) вместо аппроксиматива в коми-язьвинском наречии: *тэ ладорат* ‘в твою сторону’ (КЯД 61–62), а также отдельными примерами именной синонимии в литературном языке: *миян-лань-са* ~ *миян-ладор-са* ‘из наших мест, из наших краев’ (КРК 391).

Однако, далеко не каждое использование *-ладор-* синонимично с *-лань-*. Сравним два примера:

⁵⁹ Именно и только *-ла-* указывает на пространственный характер этих наречий.

- (418) *кытёнкё Африка-ладор-ын* (INESS) *ли мый колёны пё мужикъяс* (Попов 2008: 87)
 ‘где-то в стороне Африки, что ли, нужны, мол, мужики’
- (419) *А коми зонмёс кольёмаёсь Таджикистан да Афганистан костын граница видзны. <...> ётчюд Афганистан-ладор-ас* (INESS.DEF) *уськёддёмась вертолёт* (КМ 26.05.2007)
 ‘А коми парня оставили стеречь границу между Таджикистаном и Афганистаном. <...> однажды на стороне Афганистана сбили вертолет’

В первом случае падежным формантом *-ладорын* выражается приблизительно-местное значение и его в этом примере можно без всякого колебания заменить синонимичной формой аппроксиматива-инессива *-ланьын*. Во втором случае *-ладор-* выступает совершенно в иной функции, указывая на одну из двух сторон (афганская территория) разделенного линией (таджико-афганская граница) надвое пространства. Здесь он приблизительно-местной формой *-ланьын-* заменен быть не может.

В составе сложных имен (как правило) суффиксид *-ладор-* в качестве второй основы может обозначать одну из сторон, граней, боков, частей и т. д. какого-либо объекта, имеющих определенную пространственную направленность или ориентацию. При этом обозначение направленности и ориентации содержится в первой основе имени, которой могут быть дейктики, названия сторон света и прочие слова, семантика или контекст употребления которых содержит указание на наличие у объекта или ситуации двух или более сторон, боков, концов и пр.:

- (420) *сыысь шудаджык мортъс ёни та-ладор югыдас абу* (Попов 2008: 51)
 ‘счастливей его человека теперь на этом (букв. по эту сторону) свете нет’
- (421) *Керка водз-ладор-ас* (INESS.DEF) *ыджыд сюръя-антенна кыптис* (КМ 07.07.2007)
 ‘Перед домом (букв. с передней стороны дома) возвышался большой столб-антенна’
- (422) *Та-ладор-ыс* (DEF) – *ляпкыд, сюн-сёй, а мёдар-ладор-ас* (INESS.DEF) – *лёз парма, дзоридзалан видз* (КМ 17.04.2007)
 ‘Эта сторона [реки] – низкая, глинистая, а на той стороне – тайга, цветущий луг’
- (423) *Сиктлысь лунвыв-ладор-сё* (POSS3SG.ACC) *асыкалёма Эжва юным* (КМ 12.01.2007)
 ‘Южную сторону деревни огибает река Вычегда’

- (424) *Сикт лунвыв-ладор-ӧд* (PROL) *визувтӧ Важ Эжва, асыввыв-ладор-ӧд-ыс* (PROL-POSS3SG) *Джеджимью, войвыв-ладор-ас* (INESS.POSS3SG) *кыпалӧ Джеджим парма чурк* (КМ 20.10.2007)
 ‘С южной стороны (букв. по южной стороне) деревни протекает Старая Вычегда, с восточной стороны (букв. по восточной стороне) – Жежимью, с северной стороны (букв. в северной стороне) возвышается Жежимский таежный бугор’
- (425) *Агния Андреевнаӧс инсульт кучкӧма, веськыд-ладор-сӧ* (ACC.POSS3SG) *парализуйтӧма* (КМ 05.05.2007)
 ‘Агнию Андреевну поразил инсульт, парализовал правую сторону’
- (426) *А ӧтчӧд Нидз курья улыс-ладор-ысь* (ELAT) *шедӧс 12 килоа* (КМ 07.07.2007)
 ‘А однажды в (букв. из) нижней части заводи Нидз попалась 12-килограммовая [щука]’
- (427) *эзысь банбокьяса самӧвар сайын пукалӧны мам-ладор-са* (DER) *рӧдысь дона йӧз* (КМ 05.06.2007)
 ‘за самоваром с серебряными боками сидят дорогие люди со стороны материнского рода’

В каждом из этих примеров констатируется или – что бывает чаще – когнитивно подразумевается (энциклопедическая семантика!) наличие в ситуации, помимо обозначенной в словоформе с падежным формантом, второй, третьей и т. д. сторон и т. п.: *этот свет* указывает на наличие (вернее, веру в наличие) *того света*; *перед* дома подразумевает наличие его *зада*; *эта сторона/берег* контрастирует с *той стороной/берегом*; направленность по сторонам света подразумевает четырехкратную фиксированную систему ориентации в окружающем мире; при ориентации относительно самого себя направления не фиксированы, но, тем не менее, человек осознает деление пространства на *правую*, левую, переднюю и заднюю стороны; *нижняя часть* водоемов вытянутой формы предполагает наличие верхней части/конца; родословная состоит из *материнской* и *отцовской* линий и т. д.

В этих примерах *-ладор-* имеет специфическую семантическую роль и не проявляет синонимии с *-лань-*. Поэтому, к сожалению, эта функция *-ладор-* оказывается за тематическими рамками данного исследования, хотя непременно должна быть исследована в отдельной работе.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги к диссертации в целом, прежде всего следует сказать, что падежная парадигма коми языка отличается наличием широкого спектра падежных форм с пространственной семантикой. Это обстоятельство является одной из характерных черт коми языка.

Система местных падежей коми языка достаточно неоднородна. В-первых, несмотря на то, что генезис падежных суффиксов остается за рамками данной работы, не будет лишним отметить, что падежи отличаются друг от друга временем образования и структурой. Часть из них можно условно назвать традиционными или «первичными». Другую часть составляют падежи довольно позднего происхождения, маркеры которых имеют сложный состав.

Во-вторых, в плане статистики, что также детально не рассматривается в работе, местные падежи в коми языке имеют разную частоту употребления. К сожалению, соответствующие фундаментальные исследования в коми языкознании отсутствуют, но определенные статистические тенденции налицо. Причина небольшой частоты употребления отдельных падежных форм кроется как в их семантической специфике, так и в наличии альтернативных грамматических средств выражения обозначаемых ими пространственных отношений.

В-третьих, местные падежи различаются диапазоном выражаемых значений. Разница между количеством характерных функций между падежами разительна. Если одни, – как правило, это так называемые традиционные падежи, – в большинстве своем полифункциональны, то падежи позднего происхождения имеют лишь единичные значения, ограничиваясь выражением пространственных отношений.

Ниже я попытаюсь вкратце изложить содержание, наиболее значимые результаты и выводы по проведенному анализу.

Классификация местных падежей

Внутрисистемно местные падежи коми языка принято разделять на внутриместные, внешнеместные и с недавних пор – приблизительно-местные. В основе такого группирования лежит выражение падежами характера локализации, или актуализация определенной топологической зоны, или указание на положение определенного участка пространства относительно ориентира. Однако такая дифференциация имеет некоторые изъяны и поэтому требует дополнительного разъяснения.

Объединение инессива, иллатива и элатива в группу внутриместных падежей вопросов не вызывает, поскольку в своем основном пространственном значении они действительно содержат указание на внутренние

пределы ориентира и в типологическом плане вполне соответствуют своему названию.

Выделение приблизительно-местных падежей в отдельную подгруппу также соответствует классификации по выражению характера локализации, поскольку в них содержится указание на проксимативное к ориентиру пространство. Кстати, это свойство вообще исключает понятие внутренних пределов в случае приблизительно-местных падежей.

Внешнеместность аппроксиматива, эгрессива и терминатива выражается в том, что в своих основных значениях они не содержат прямого указания на касательство внутренней сферы ориентира. Однако при их типологическом рассмотрении и сравнении с падежными системами родственных языков именование их группой внешнеместных падежей требует некоторого разъяснения. Аппроксиматив, эгрессив и терминатив не составляют параллельную внутриместным падежам и контрастирующую с ними аналогичную стройную трехчленную серию. Для сравнения, в родственных коми языку венгерском и прибалтийско-финских языках между рассматриваемыми падежными сериями наблюдается одинаковая ориентационная дистрибуция. Более того, эта группа в коми языке вовсе не имеет какой-либо организации и является просто набором падежей.

Обособленно от вышеназванных групп стоит пролатив. В рассматриваемом аспекте выражения локализации его нельзя однозначно отнести ни к одной из этих групп. Являясь ориентационным падежом, не содержащим указания на тип пространства, пролатив не должен подвергаться классификации по выражению локализации.

С точки зрения выражения падежными формами различных типов ориентации, падежную систему коми языка без сомнения можно назвать богатой. В системе местных падежей коми языка каждый из семи возможных типов ориентации находит морфологическое выражение.

Матрица когнитивных областей

В рамках теории когнитивной лингвистики каждый из местных падежей имеет свою систему значений, одни из которых являются главенствующими, или прототипическими, а другие находятся на периферии системы. Система значений внутренне организована в виде матрицы когнитивных областей, включающих прототипические и периферийные употребления падежей. Когнитивные области могут пересекаться, образуя переходные зоны, к которым как раз так относятся периферийные падежные употребления.

Аналогично различиям в семантических спектрах, падежи разнятся также в плане представленности в различных когнитивных областях и количеством когнитивных областей в матрице каждого из них.

Базовой, несводимой когнитивной областью для каждого местного падежа без исключения является физическое пространство. Под физическим

пространством здесь понимается его несколько упрощенное, наивное языковое представление, идеализированная репрезентация, основывающаяся на каноническом представлении геометрического мира. Т. е. в качестве пространства здесь рассматривается ментально спроецированное трехмерное физическое пространство. Количество доминирующих измерений в объектах реального мира позволяет идеализировать их в языковом представлении до 1-, 2-, 3-мерных пространств или до 0-мерных пространств в случае невозможности однозначно определить мерность.

Все остальные когнитивные области в большей или меньшей мере связаны с физическим пространством, например, повторяя действующие в нем структурные модели и др. Области, проявляющие наибольшую общность с физическим пространством, имеют с ним зоны пересечения.

Наиболее частыми когнитивными областями, отражаемыми в семантике местных падежей коми языка, являются абстрактное, событийное и социальное пространство, а также области времени, состояния, шкалы и абстрактных отношений. Сумма матриц когнитивных областей местных падежей графически представлена на схеме 11.

Пространственная семантика

Внутриместные падежи

Группу внутриместных падежей образуют **инессив**, **иллатив** и **элатив**. Все три падежа в своих основных пространственных функциях имеют указание на внутреннюю локализацию, однако в зависимости от топологического типа ориентира и его физических характеристик, они могут также использоваться для указания различных других локализаций.

Ситуации употребления внутриместных падежей в основных значениях схожи, они обозначают одинаковые локализации и фигурируют с одинаковыми типами ориентиров. При этом они отличаются обозначением типов ориентации: ориентационной функцией инессива является указание на местонахождение траектора, иллатив обозначает конечный пункт движения или действия, а элатив в своей основной роли выражает исходный пункт.

- Наиболее прототипическая функция предполагает связь траектора с внутренними пределами трехмерного объекта-ориентира (локализация IN). При этом падежи нейтральны в отношении формы, размера, закрытости ориентира. Инессив указывает на местонахождение траектора внутри ориентира (*керка-ын* ‘в доме’), в случае иллатива траектор движется в его внутренние пределы (*кудй-ӧ* ‘в ящик’), а в случае элатива – из внутренних пределов ориентира (*кабина-ысь* ‘из кабины’).
- Таким же образом распределены роли внутриместных падежей в случае ориентиров в виде однородной среды (локализация INTER): *INESS лымын* ‘в снегу’, *ILL ва-ӧ* ‘в воду’, *ELAT ва-ысь* ‘из воды’.

- Кроме того, маркеры внутриместных падежей имеют указание на место, характеризующееся отсутствием четких физических границ (0-мерное пространство): INESS *ывла-ын* ‘на улице’, ILL *ывла-õ* ‘на улицу’, ELAT *ывла-ысь* ‘с улицы’.
 - Подвидом прототипа можно считать указание частичного нахождения траектора во внутренних пределах ориентира: *тазй-ын рõсада* ‘рассада в тазу’.
 - Также в качестве подвида прототипического значения можно рассматривать ситуации, в которых ориентиром является КОНТЕЙНЕР, образуемый путем сгибания плоского объекта таким образом, что он образует объем: ILL *дõра-õ* ‘в ткань’.
 - В случае фигурирования в качестве ориентира так называемых сплошных предметов, не имеющих внутренней полости, внутриместные падежи выступают в роли внешнеместных падежей (локализация AD): INESS *джодж-ын* ‘на полу’, ILL *джодж-õ* ‘на пол’, ELAT *джодж-ысь* ‘с пола’.
- Интересно заметить, что в случае ориентира *му* ‘земля’ в составе одного слова в форме внутриместных падежей могут активизироваться разные топологические характеристики. Поэтому в зависимости от контекста внутриместные падежи могут выражать разную локализацию: ILL *му-õ* ‘в землю; на землю’, ELAT *му-ысь* ‘из земли; с земли’.
- Достаточно специфическим можно считать употребление внутриместных падежей в ситуации, где вместо самого ориентира активизировано его непосредственное окружение (локализация APUD): INESS *Пач пельõс-ын* <...> *мыйкõ шõнкõдис* ‘Возле угла (букв. *в углу*) печи <...> что-то шептал’; *Ме пуксьышити пызан пельõс-ас* (ILL.POSS3SG) ‘Я присел в углу (букв. *в угол*) стола’.
 - Маркеры внутриместных падежей являются типичным оформлением названий частей тела и человеческого тела в целом как особого подвида пространства в функции ориентира при выражении ношения, надевания и снятия предметов обуви и одежды, а также часов, украшений, предметов туалета и пр.: *юр-ас* (INESS.POSS3SG) ‘на [его/ее] голове’, *юр-ас* (ILL.POSS3SG) ‘[себе] на голову’, ELAT *юр-ысь* ‘с головы’.
 - К переходной зоне между физическим и событийным пространствами относятся случаи использования внутриместных падежей с ориентирами, относящимися к области физического пространства, но содержащими указание на событие: INESS *туй-ын* ‘в дороге’, ILL *туй-õ* ‘в дорогу’, ELAT *туй-ысь* ‘с дороги’.
 - Собственные имена и родственные термины во множественном числе в форме внутриместных падежей выражают значение ‘у кого-то дома’ (INESS *ыджыд мамõяс-ын* ‘у бабушки’), ‘к кому-либо домой’ (ILL *Машаяс-õ* ‘к семье/в дом к Маше’), ‘от кого-то из дома’ (ELAT *Вавилøvьяс-ысь* ‘от Вавиловых’) – локализация DOMUS. В этом случае социальное пространство пересекается с физическим.

Некоторые из внутриместных падежей имеют достаточно специфические значения:

- В качестве специфической функции иллатива можно назвать выражение им соприкосновения траектора с ориентиром в конструкциях с глаголами касания, хватания и т. п. В этом случае иллатив реализует образ-схему КОНТАКТА: *йирк-ас* (ILL.DEF) ‘в потолок, по потолку’.
- Отличным от центральных является употребление иллативного маркера в словах, семантика которых содержит значение ‘проем’. При этом иллатив проявляет функциональную связь с пролативом в роли маркера «прохода»: *ёшинь-ё* ‘в окно’.
- Крайне неординарной видится выражение формой элатива локализации POST: *керка пельёс-ысь чепёсьяс* ‘из-за угла (букв. из угла) дома’.

Помимо основного обозначения физического пространства, маркируемое внутриместными падежами пространство может быть абстрактным, относиться к области временного и социального пространств. Также они выражают ряд других непространственных значений.

Пролатив

Пролатив в коми языке является ориентационным падежом, выражая путь, маршрут и т. п. без указания на тип пространства. Являясь, так сказать, общеместным, он не может быть причислен ни к внутриместным, ни к внешнеместным падежам.

Семантика пролатива в падежной системе современного коми языка представлена пространственными значениями, образующими ее центр, а также периферийными значениями, являющимися результатом развития центральных значений. Из четырех типологически выделяемых пространственных значений посредством показателя пролатива реализуются три. Можно выделить следующие значения пролатива в коми языке:

- 1) Наиболее частой центральной функцией пролатива в коми языке является выражение значения ‘маршрут’. Ориентир в этом случае задает маршрут движения траектора: *туй-ёд* ‘по дороге’.
- 2) Значение ‘проход’, как и ‘маршрут’, содержит траекторию движения объекта, но в данном случае ориентир не задает траекторию движения объекта, а является лишь промежуточным этапом движения, в результате чего траектор выходит из границ ориентира: *ёшинь-ті* ‘через окно’.
- 3) В значении ‘сцена’ ориентир включает, но не задает маршрут движения траектора, являясь лишь неким пространством, в котором происходит движение траектора: *вёр-ті* ‘по лесу’.
- 4) Результатом семантического развития пространственного значения ‘проход’ является периферийное значение ‘точка приложения’. В качестве управления глаголов со значением ‘держат’, ‘хватать’, ‘тянуть’ и

т. п. формы пролатива в коми языке указывают на локальные характеристики как объект приложения действия: *ки-öд* ‘за руку’.

- 5) Семантическая роль ‘сцены’ иногда может быть расширена и в этом случае пролатив может иметь локативную функцию, указывая на место протекания действия или проявления признака: *морöсьяс-öд-ыс вышивайтöм* ‘вышитые на груди’.

Аппроксиматив

Аппроксиматив в коми языке является морфологическим выражением локативной роли ‘направление к ориентиру’. В плане выражения локализации он считается внешнеместным, поскольку не имеет внутренней локализации. Однако в некоторых периферийных употреблениях аппроксиматив проявляет функциональную синонимию с внутриместными падежами.

Инвариантное значение аппроксиматива – направление в сторону ориентира – реализуется в различных модификациях в узкоконтекстных ситуациях. Посредством наложения профиля на базу удалось проанализировать некоторые случаи его реализации и определить наиболее прототипические и периферийные пространственные значения аппроксиматива, а также их расширения.

Категоризация по принципу «центр–периферия», характерная прототипическому подходу в описании полисемии, дает возможность более гибко трактовать некоторые специфические пространственные употребления аппроксиматива коми языка. Отсутствие у них типичного для наиболее прототипических его употреблений признака неконтактности относит их к периферийным членам семантической структуры.

Специфические употребления аппроксиматива имеют ограниченную сочетаемость, что характерно для периферийных представителей семантической структуры. Об этом говорит употребление аппроксиматива лишь в конструкциях с конкретными глаголами (*вартны, усьны*) или при глаголах определенного характера (обозначение начинательного, результативного и кратковременного движения).

Весь немногочисленный материал периферийного использования аппроксиматива в значении, близком к иллативному или терминативному, свидетельствует о том, что в подобных случаях ориентиром служит понятие определенной категории – обжитое (человеком) пространство с относительными пределами, например населенный пункт, дом в значении место жительства и др. Но не всегда такой ориентир означает периферийность употребления. Основу для такой интерпретации дают контекст, а также опыт и знания говорящего.

Многозначность и семантические взаимоотношения пространственных значений аппроксиматива представлена в сетевой модели его пространственных значений на схеме 22.

Помимо примарного пространственного значения, аппроксиматив имеет также ряд секундарных непространственных функций (см. Некра-

сова 2002: 106–107), в т. ч. темпоральные значения и функцию сравнения в конструкциях с глаголом *мунны* ‘идти, походить (на кого-либо)’.

Эгрессив

Будучи элативным падежом в плане выражения ориентации, эгрессив в коми языке является морфологическим выражением ‘направления от ориентира’. Он считается внешнеместным, однако может выполнять функции как внутриместной, так и внешнеместной ориентации.

Семантическое наполнение пространственного эгрессива состоит из указания на направление, отправной пункт, распространение движения или действия от ориентира до определенной точки, удаленность от ориентира. В паре с терминативом или иллативом эгрессив указывает на начальную точку траектории. В каждом конкретном употреблении эти нюансы могут быть активизированы в отдельности или же составлять набор значений.

Тесная генетическая связь с элативом может проявляться в синонимичных конструкциях выражения формой эгрессива движения из внутренних пределов ориентира.

Обозначение эгрессивом отправной точки движения или действия просматривается и в ряде непространственных функций этого падежа.

Терминатив

Терминатив представляет лативный тип ориентации и выражает ‘путь с достижением предела’. Основной его функцией является выражение пространственной границы движения или распространения действия. «По умолчанию» выражение предельности движения или действия не предполагает вхождения траектора во внутреннюю сферу ориентира, но в некоторых случаях можно констатировать их контакт. В определенных контекстах можно предположить вступление траектора во внутренние пределы ориентира и интерпретировать ситуацию как выражение локализации IN. Однако в этом случае внимание фокусируется не на достижении цели в виде вхождения вовнутрь, а на преодолении расстояния в пространстве до предела-ориентира, на что, как правило, имеется контекстуальное указание.

Функциональная синонимия терминатива с иллативом в некоторых употреблениях, тем не менее, проявляется достаточно явно. Использование терминатива в них придает выражениям стилистический оттенок, подчеркивающий исключительность ситуации – траектор входит УЖ, АЖ, СОВСЕМ внутрь ориентира.

В паре с эгрессивом или без него терминатив может содержать указание на конечную точку траектории движения или крайнюю точку в конструкциях выражения удаленности объектов друг от друга.

В конструкциях с глаголом *инмӧдчы(в)ны* ‘касаться, коснуться’ терминатив указывает на контакт траектора с ориентиром.

В непространственных значениях терминатива повторяются структурные модели физического пространства: терминатив содержит указание на временной, а также количественный предел.

Приблизительно-местные падежи

Двойные названия приблизительно-местных падежей, за исключением аппроксиматива II, указывают на их сложный состав: аппроксиматив-инессив, аппроксиматив-элатив, аппроксиматив-пролатив, аппроксиматив-эгрессив и аппроксиматив-терминатив. Они являются относительно новыми образованиями и лишь недавно были включены в падежную парадигму коми языка. Сложным же составом суффиксов этих падежей обусловлен узкий диапазон их значений. Исключение составляет аппроксиматив II.

Чаще всего *-лань-* в составе суффиксов приблизительно-местных падежей выступает в качестве маркера локализации, являясь морфологическим обозначением топологической зоны в непосредственной или относительной близости к ориентиру. Однако *-лань-* в составе приблизительно-местных падежей не во всех случаях указывает на проксимативность. Нередки случаи его проявления как раз таки в одной из функций аппроксиматива – обозначения направленности. Вторые компоненты в суффиксах рассматриваемых падежей несут ориентационную функцию.

В зависимости от контекста ситуации, зона, близкая к ориентиру, может быть двух типов. В одних случаях она находится между наблюдателем и ориентиром, а в других – радиально распространяется от ориентира, а наблюдатель не актуален. Однако однозначно определить тип зоны в конкретных выражениях не всегда просто и даже не всегда возможно.

Оба типа обозначенных зон представлены в примерах употребления **аппроксиматива-инессива**. На основе имеющегося материала можно заключить, что второй тип фигурирует при ориентирах, являющихся местами проживания, населенными пунктами и т. д., а также ориентирами, находящимися далеко от наблюдателя и невидимыми ему.

В употреблении **аппроксиматива-элатива** значение проксимативности проявляется в его функции обозначения участка пространства около ориентира, где начинается движение или действие. Кроме того, эта падежная форма может иметь указание только на направление движения от ориентира в сторону наблюдателя. В этой функции аппроксиматив-элатив проявляет синонимию с аппроксимативом-эгрессивом.

В случае **аппроксиматива-пролатива** также может быть актуализировано пространство около ориентира, по которому или в котором совершается действие или движение или проявляется признак. Кроме этого, аппроксиматив-пролатив может иметь указание на направленность положения траектора в сторону ориентира. В последнем случае выделяемое пространство является участком, стороной самого траектора, имеющей

направленность в сторону ориентира. Т. е. здесь налицо проявление одной из функций собственно аппроксиматива, а не коаффикса *-лань-*.

Аппроксиматив-эгрессив содержит указание на ориентир, со стороны которого начинается или совершается движение траектора. Зачастую движение предположительно начинается в проксимативной к ориентиру зоне и распространяется до наблюдателя. Иногда падежная форма фокусируется лишь на обозначении направления движения со стороны ориентира, что говорит о синонимии с аппроксимативом-элативом.

Аппроксиматив II наиболее частый из падежей этой группы. Это обусловлено практически полной синонимией с собственно аппроксимативом, что в какой-то мере отражается и в названии падежа. Копирование аппроксимативом II функций аппроксиматива объясняется возвращением коаффиксу *-лань-* его лативного характера под влиянием лативного *-õ* в составе *-ланьõ*.

Функциональные параллели местных падежей

Значения, выражаемые местными падежами, можно передать и посредством послеложных конструкций. Многие из так называемых серийных послелогов образованы от имен путем присоединения показателей местных падежей. Лексическая составляющая пространственных послелогов несет топологическое значение, а падежный маркер выражает ориентацию. Т. е. пространственные серийные послелогов коми языка представляют собой смешанные локализационно-ориентационные образования.

Пространственную семантику, синонимичную значениям приблизительно-местных падежей, в коми языке содержат особые конструкции, которые можно условно назвать *послеложными формантами*. Их грамматический статус не совсем ясен. Эти конструкции образованы с помощью составного элемента *-ладор-*, морфемный статус которого можно обозначить как суффиксоид.

В некоторых случаях употребления послеложных формантов с *-ладор-* и приблизительно-местных падежей проявляется их практически взаимозаменяемая синонимия. Однако, далеко не каждое использование *-ладор-* синонимично с *-лань-*.

СОКРАЩЕНИЯ

ACC	аккузатив
AD	локализация ‘поверхность ориентира’
ANTE	локализация ‘пространство перед с ориентиром’
APR	аппроксиматив
APR+EGR	аппроксиматив-эгрессив
APR+ELAT	аппроксиматив-элатив
APR+ILL	аппроксиматив-иллатив
APR+INESS	аппроксиматив-инессив
APR+PROL	аппроксиматив-пролатив
APR+TERM	аппроксиматив-терминатив
APUD	локализация ‘пространство рядом с ориентиром’
CIRCUM	локализация ‘пространство вокруг ориентира’
Cx	падежный суффикс
DEF	посессивная форма 2 или 3 лица в функции маркера определенности
DER	словообразовательный суффикс
DOMUS	локализация ‘место жительства’
EGR	эгрессив
ELAT	элатив
ILL	иллатив
IN	локализация ‘пространство внутри ориентира’
INESS	инессив
INSTR	инструменталис
INTER	локализация ‘пространство между элементами множества/совокупности’
LAT	локализация ‘пространство сбоку ориентира’
LAT-C	локализация ‘боковая поверхность’
LM	ориентир (<i>landmark</i>)
LOC	локатив
POSS	посессивная (притяжательная) форма
POST	локализация ‘пространство позади ориентира’
PROL	пролатив
TERM	терминатив
TR	траектор
1SG, 2SG, 3SG, 3PL	формы соответствующего лица и числа

Сокращенные названия журналов и пр.

CIFU	Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum
ESUKA (= JEFUL)	Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri, Tartu
FUF	Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki
JEFUL (= ESUKA)	Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, Tartu
LU	Linguistica Uralica, Tallinn
MSFOu	Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki
NyK	Nyelvtudományi Közlemények, Budapest
МСШ	Московская семантическая школа
СФУ	Советское финно-угроведение, Tallinn 1965–1989

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- «Арт»**, литературно-художественный журнал Республики Коми. Сыктывкар, 2007.
- Безносиков, В.** 1964. *Жар гожём*. Сыктывкар.
- ВТ** – «Выль туйёд», газета Удорского района Республики Коми. Кослан, 2007.
- Гуляев, Е. С.** 1961. *с'-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом освещении)*. Сыктывкар.
- «Звезда»**, газета Корткеросского района Республики Коми. Корткерос, 2007.
- ИД** = Сахарова, М. А., Н. Н. Сельков. *Ижемский диалект коми языка*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
- «Йёльга»**, газета для молодежи Республики Коми. Сыктывкар, 2007.
- КМС** – *Коми мойдъяс, съыланкывъяс да пословицаяс*. Сыктывкар, 1956.
- КМ** – газета «Коми му». Сыктывкар, 2007.
- КРК** – Безносикова, Л. М., Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева 2000. *Коми-роч кывчукёр*. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін.
- КЯД** = Лыткин, В. И. *Коми-язьвинский диалект*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- ЛЛД** = Жилина, Т. И. *Лузско-летский диалект коми языка*. Москва: Наука, 1985.
- НВД** – Сорвачева, В. А. 1978. *Нижневычегодский диалект коми азыка*. Москва: Наука.
- Некрасова, Г. А.** 2002. *Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика*. Сыктывкар.
- ПГ** – «Парма гор», газета Усть-Куломского района Республики Коми. Усть-Кулом, 2007.
- Попов, А.** 2008. *Грезд: Повесътъяс да висътъяс*. Сыктывкар: Анбур.
- Тимин, В.** 2000. *Эжва Перымса зонка*. Сыктывкар: Эскöм.
- Торопов, И.** 1976. *Арся съыланкыв*. Сыктывкар.
- УД** – Сорвачева, В. А., Л. М. Безносикова 1990. *Удорский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- ЧЗ** – «Чушканзі», сатирический журнал. Сыктывкар, 2007.
- Юхнин В.** *Диньёльса вöрпункт*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев, М., Б. Атаев** 1997. *Аварский язык*. Москва: Academia.
- Аронсон, Э., Т. Уилсон, Р. Эйкерт** 2004. *Психологические законы поведения человека в социуме*. Перевод с английского В. Волохонский, Л. Ордановская, А. Палий и др. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак.
- Бараксанов, Г. Г.** 1986. *История коми литературного языка и проблемы языковой нормы*. Доклад на заседании президиума Коми филиала АН СССР 25 декабря 1986 г. Серия препринтов “Научные доклады” 158. Сыктывкар.
- Баталова, Р. М.** 1975. *Коми-пермяцкая диалектология*. Москва: Наука.
- Баталова, Р. М.** 1982. *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)*. Москва: Наука.
- Болдырев, Н. Н.** 1998. О функционально-семиологическом подходе к анализу языковых единиц. – *Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития*. Ч. 1, 3–4. Тамбов.
- Болдырев, Н. Н.** 2004. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. – *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1, 18–36. Санкт-Петербург: Наука.
- Бубрих, Д. В.** 1949. *Грамматика литературного коми языка (СФУ XIV)*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- ВВД = Сорвачева, В. А., М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев** 1966. *Верхневычегодский диалект коми языка* (Историко-филологический сборник 10). Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Вежбицкая, А.** 1996. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Великорещкий, А. Д.** 2002. *Пространство в современных западногерманских и русском языках: опыт построения метаязыка*. – В. А. Плуноян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, 8–34. Москва: Русские словари.
- Витгенштейн, Л.** 1994. *Философские работы*. Часть I. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис.
- ВСД = Жилина, Т. И.** 1975. *Верхнесольский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- Всеволодова, М. В., Е. Ю. Владимирский** 1982. *Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке*. Москва: Русский язык.
- Ганенков, Д. С.** 2002. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива. – В. А. Плуноян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, 35–56. Москва: Русские словари.
- Ганенков, Д. С., С. Р. Мерданова** 2002. Семантика пространственных форм существительных в агульском языке. – В. А. Плуноян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, 127–149. Москва: Русские словари.
- ГСУЯ = Перевошиков П. Н.** (отв. ред.) 1962. *Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Гуляев, Е. С.** 1961. *с’-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом освещении)*. Сыктывкар.

- Демьянков, В. З.** 1994. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. – *Вопросы языкознания*, № 4, 17–33. Москва: Наука.
- Залевская, А. А.** 1999. *Введение в психолингвистику*. Москва.
- Зализняк, А. А.** 2002. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. – *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*, 613–647. Москва: Языки славянской культуры.
- Игушев, Е. А.** 1990. *Стилистика морфологических категорий коми языка*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Сыктывкар.
- ИД = Сахарова, М. А., Н. Н. Сельков** 1976. *Ижемский диалект коми языка*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Иткин, И. Б.** 2002. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема «послеложных формантов» (на материале Корвальского диалекта вепского языка). – В. А. Плуноян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, 167–182. Москва: Русские словари.
- Кибрик, А. Е.** 1970. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков). – *Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова* (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики, Вып. 4), 110–156. Москва: Издательство Московского университета.
- Кибрик, А. Е.** 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка. Том II: Таксономическая грамматика*. Москва: Издательство Московского университета.
- Князев, Ю. П.** 1999. Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика. – Н. Д. Арутюнова & И. Б. Шапуновский (отв. ред.) *Логический анализ языка. Языки динамического мира*, 182–192. Дубна.
- Колпакова, Н. Н., Л. Я. Галахова** (сост.) 1999. *Система средств выражения пространственных и временных отношений в венгерском и финском языках. I. Падежные окончания. Учебно-методическое пособие*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Кондратьева, Н. В.** 2011. *Категория падежа имени существительного в удмуртском языке*. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет».
- Кондратьева, О. Н.** 2008. Когнитивная парадигма в современной лингвистике. – *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сборник статей участников IV международной научной конференции, 25–26 апреля 2008 года, Челябинск*. Т. 1, 137–141. Челябинск: РЕКПОЛ.
- Кронгауз, М. А.** 2005. *Семантика: Учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Издательский центр «Академия».
- Кубрякова, Е. С.** 1994. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. – *Вопросы языкознания*, № 4, 34–47. Москва: Наука.
- Кубрякова, Е. С.** 2001. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». – *Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация*. Вып. 1, 4–10. Воронеж.

- Кубрякова, Е. С., В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина** 1997. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва.
- Кузнецов, Н. В.** 2010. Сетевая модель пространственных значений аппроксиматива коми языка. – *В. И. Лыткин: грани наследия: материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 25–26 ноября 2010 г.*, 184–187. Сыктывкар: Издательство СыктГУ.
- Кузнецов, Н.** 2011a. Периферийные употребления аппроксиматива в коми языке. – *LU XLVII*, 191–198. Tallinn.
- Кузнецов, Н.** 2011b. Местные падежи коми языка в когнитивном аспекте (на примере пространственных значений аппроксиматива). – *CIFU XI, Pars V*, 215–221. Pilsacsaba.
- Куратов, И. А.** 1939. *Лингвистические работы*. Том 2. Сыктывкар: Коми государственное издательство.
- Курилович, Е.** 2000. *Очерки по лингвистике*. Биробиджан: ИП «Тривиум».
- КЯД = Лыткин, В. И.** 1961. *Коми-язвинский диалект*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Лайонз, Дж.** 1978. *Введение в теоретическую лингвистику*. Перевод с английского Н. Н. Перцовой, Т. В. Булыгиной и Б. Ю. Городецкого. Москва: Прогресс.
- Лакофф, Дж.** 1996. Когнитивное моделирование [Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы»] – *Язык и интеллект*, 143–184. Москва: Прогресс.
- Лакофф, Дж., М. Джонсон** 2004. *Метафоры, которыми мы живем*. Перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. Москва: Едиториал УРСС.
- Лангаккер, Р. У.** 1992. *Когнитивная грамматика*. Москва.
- ЛЛД = Жилина, Т. И.** 1985. *Лузско-летский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- Лудыкова, В. М.** 2005. *Предиктивное прилагательное в коми языке*. Сыктывкар: Издательство СыктГУ.
- Лыткин, В. И. (Ильа Ваг)** 1929. *Материалы по коми грамматике (обоих наречий)*. Москва: Центральное издательство народов СССР.
- Лыткин, В. И.** 1952. *Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Лыткин, В. И.** 1977. *Историческая морфология коми языка*. Пермь–Сыктывкар.
- Лыткинъ, Г. С.** 1884. *Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ*. Санктпетербургъ.
- Майтинская, К. Е.** 1979. *Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков*. Москва: Наука.
- Майтинская, К. Е.** 1982. *Служебные слова в финно-угорских языках*. Москва: Наука.
- Маслова, В. А.** 2008. *Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука.
- Мельчук, И. А.** 1993. Согласование, управление, конгруэнтность. – *Вопросы языкознания*, № 5, 16–58. Москва: Наука.
- Мельчук, И. А.** 1998. *Курс общей морфологии*. Том II. Перевод с французского В. А. Плунгяна. Москва–Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах.
- НВД = Сорвачева, В. А.** 1978. *Нижневычегодский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- НЗЛ XXIII = Оборина, М. А. (ред.)** 1988. *Когнитивные аспекты языка (Новое в зарубежной лингвистике XXIII)*. Москва: Прогресс.

- Некрасова, Г. А.** 1985. О падежах на *-лань(-)* в коми языке. – *Fenno-Ugristica* 12, 147–154. Тарту.
- Некрасова, Г. А.** 1987а. *л-овые падежи в коми языке*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту.
- Некрасова, Г. А.** 1987б. Аллатив места в пермских языках. – *Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков*, 108–113. Ижевск.
- Некрасова, Г. А.** 1989. *Функциональная модель местных падежей коми языка*. Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО АН СССР 15 июня 1989 г. Серия препринтов «Научные доклады» 210. Сыктывкар.
- Некрасова, Г. А.** 1990. К проблеме возникновения вторичных падежных суффиксов в современном коми языке. – *Материалы VI международного конгресса финно-угроведов*. Том 2. Москва.
- Некрасова, Г. А.** 1995. Семантическая структура аппроксиматива в пермских языках. – *Грамматика и лексикография коми языка* (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН 58), 36–47. Сыктывкар.
- Некрасова, Г. А.** 1998. Падеж. – Г. В. Федюнова (ред.) *Коми язык. Энциклопедия*, 336–337. Москва: Издательство ДиК.
- Некрасова, Г. А.** 2000. Коми кывйын кык вежлӧг формалӧн ӧттшӧтш паныдаслӧм. – *Коми слово в грамматике и словаре*, 30–41. Сыктывкар.
- Некрасова, Г. А.** 2002. *Система л-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика*. Сыктывкар.
- Некрасова, Г. А.** 2004. *Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног: Велӧдчан небӧг*. Сыктывкар.
- Некрасова, Г. А.** 2006. К вопросу о дефектных парадигмах существительных в пермских языках. – *Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь)*, 225–233. Пермь.
- Некрасова, Г. А.** 2009а. Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке. – *LU XLV*, 9–22. Tallinn.
- Некрасова, Г. А.** 2009б. К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа названий падежей). – *Известия Уральского государственного университета*, № 3 (65), 100–108. Екатеринбург.
- Некрасова, Г. А.** 2010. Средства выражения инструмента в коми диалектах. – *LU XLVI*, 185–194. Tallinn.
- Некрасова, Г. А.** 2011. Семантическая структура пролатива в пермских языках. – *Динамические процессы в системах пермских языков* (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН 68). Сыктывкар.
- Нечаев, Г. А.** 1948. *Местные формы в коми языке*. Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. I, оп. II, д. 103. Сыктывкар
- ОФУЯ** 1976 = *Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки*. Москва: Наука.
- ӦКК** = Федюнова Г. В. (ред.) 2000. *Ӧня коми кыв. Морфология*. Сыктывкар: Коми небӧг лӧдзанӧн.
- ПД** = Сахарова, М. А., Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова 1976. *Печорский диалект коми языка*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Плунгян, В. А.** 2002. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации. – В. А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, 57–98. Москва: Русские словари.

- Плунгян, В. А.** 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие*. Издание 2-е, исправленное. Москва: Едиториал УРСС.
- Плунгян, В. А., Е. В. Рахилина** 1994. О некоторых направлениях современной французской лингвистики. – *Вопросы языкознания*, № 5, 107–125. Москва: Наука
- Плунгян, В. А., Е. В. Рахилина** 2000. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под*. – Д. Пайар & О. Н. Селиверстова (ред.) *Исследования по семантике предлогов. Сборник статей*, 115–133. Москва: Русские словари.
- Попова, З. Д., И. А. Стернин** 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: Восток–Запад.
- ПСД = Жилина, Т. И., Г. Г. Бараксанов** 1971. *Присыктывкарский диалект и коми литературный язык*. Москва: Наука.
- Разманов, И. И.** 1930. *Комі кыв (Ыжыд школажасын велодан отсөг)*. Сыктывкар: Коми ыга лезанін.
- Рахилина, Е. В.** 1998. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты. – *Семиотика и информатика*. Вып. 36, 274–323. Москва.
- Рахилина, Е. В.** 2000а. «Без конца и без края». – Д. Пайар & О. Н. Селиверстова (ред.) *Исследования по семантике предлогов. Сборник статей*, 243–262. Москва: Русские словари.
- Рахилина, Е. В.** 2000б. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари.
- Рахилина, Е. В.** 2000с. О тенденциях в развитии когнитивной семантики. – *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 59, № 3, 3–15.
- Рахилина, Е. В.** 2006. Основные идеи когнитивной семантики. – А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.) *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. Издание третье, стереотипное, 370–389. Москва: Едиториал УРСС.
- Роговь, Н.** 1860. *Опытъ грамматики пермяцкаго языка*. С. Петербургъ.
- Рябцева, Н. К.** 2000. Этические знания и их «предметное» воплощение. – *Логический анализ языка. Языки этики*, 178–189. Москва.
- Савваитов, П. И.** 1850. *Грамматика зырянскаго языка*. Санкт-Петербургъ.
- Селиверстова, О. Н.** 2000. Семантическая структура предлога *на*. – Д. Пайар & О. Н. Селиверстова (ред.) *Исследования по семантике предлогов. Сборник статей*, 189–242. Москва: Русские словари.
- Серебренников, Б. А.** 1963. *Историческая морфология пермских языков*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Серебренников, Б. А.** 1964. *Основные линии развития надежной и глагольной систем в уральских языках*. Москва: Наука.
- Скребцова, Т. Г.** 2000. *Американская школа когнитивной лингвистики*. Санкт-Петербург.
- Скребцова, Т. Г.** 2011. *Когнитивная лингвистика: Курс лекций*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- СКЯ = Лыткин, В. И.** (ред.) 1955. *Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Соколова, С., А. Байдимирова** 2011. *Роль конструкций в определении значений приставки: корпусное исследование приставки ЗА-*. Постер-доклад на международной конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (24–26 марта 2011, Санкт-Петербург).

- Солсо, Р. Л.** 1996. *Когнитивная психология*. Перевод с английского Н. Ю. Спомиор. Москва: Тривола.
- ССД = Колегова, Н. А., Г. Г. Бараксанов** 1980. *Среднесыольский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- ССКЗД = Жилина Т. И., М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева** 1961. *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сост. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Строева, М. Н.** 2012. Семантика «конкретных» падежей в уральских языках. – Казанский Н. Н. (отв. ред.) *Исследования по типологии и грамматике. Материалы Пятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей* (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Том 6, часть 3), 15–19. Санкт-Петербург: Наука.
- Талми, Л.** 1999а-с. Отношение грамматики к познанию. – *Вестник Московского университета, Серия Филология*. а) № 1, 91–115 б) № 4, 76–104 с) № 6, 88–121. Москва: Издательство Московского университета.
- Тепляшина, Т. И.** 1981. О новых удмуртских падежах. – *CIFU V, Pars VI*, 285–292. Turku.
- Тираспольский, Г. И.** 2002. Греко-латинская модель коми грамматик и ее языковая основа. – *Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир: Сборник статей*, 94–99. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета.
- УД = Сорвачева, В. А., Л. М. Безносикова** 1990. *Удорский диалект коми языка*. Москва: Наука.
- Усачёва, М. Н.** 2012а. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. – А. И. Кузнецова (отв. ред.) *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*, 142–220. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Усачёва, М. Н.** 2012б. *Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- ФДЧ = Федюченко, Л. Г.** *Общие положения когнитивной семантики*. – *Язык и литература* 20; <http://frgf.utmn.ru/last/No20/journal.htm> (07.11.2012).
- Федонёва, Г. В.** (ред.) 1998. *Коми язык. Энциклопедия*. Москва: Издательство ДиК.
- Флёров, А.** 1813. *Зырянская грамматика, изданная отъ главнаго правленія училищъ*. Санктпетербургъ.
- Ченки, А.** 2006. Семантика в когнитивной лингвистике. – А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.) *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. Издание третье, стереотипное, 340–369. Москва: Едиториал УРСС.
- Чудинов, А. П.** 2001. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург.
- Шелякин, М. А.** 1985. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике. – В. Н. Ярцева (отв. ред.) *Проблемы функциональной грамматики*, 37–49. Москва: Наука.
- Шихобалов, Л. С.** 2006. О направленности во времени. – В. С. Чураков (ред.) *Проблема времени в культуре, философии и науке: сборник научных трудов* (Библиотека времени 3), 124–133. Шахты: Издательство ЮРГУЭС.
- Юдакин, А. П.** 1997. *Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков (Становление системы падежей)*. Москва: Глас.

- ЯИ** = Петров В. В. (сост.) 1995. *Язык и интеллект*. Москва: Прогресс.
- Янда, Л.** 2000. *Когнитивная лингвистика: Лекции по когнитивным наукам*. Вып. 2. Казань.
- Alvre, Paul** 1987. *Soome-ugri keelte ajalooline grammatika I. Sõnaliigid. Arvu- ja käändekategooria*. Teine trükk. Tartu.
- Anderson, John M.** 1971. *The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baker, Robin** 1985. *The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation* (MSFOu 189). Helsinki.
- Balogh et al.** 2000 = Balogh Judit, Haader Lea, Keszler Borbála, Kugler Nóra, Laczkó Krisztina, Lengyel Klára. *Magyar grammatika*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Bartens, Raija** 2000. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys* (MSFOu 238). Helsinki.
- Bergsland, Knut** 1997. *Aleut Grammar: Unangam Tunuganaan Achixaasix* (Alaska Native Language Center Research Paper 10). Fairbanks: ANLC.
- Bencédy et al.** 1968 = Bencédy József, Pál Fábián, Endre Rác, Velcsov Mártonné. *A mai magyar nyelv*. Budapest.
- Broccias, Cristiano** 2006. Cognitive Approaches to Grammar. – G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (eds.) *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives*, 81–115. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Budenz, József** 1884–1894. *Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana*. Budapest.
- Castrén, Matias Aleksanteri** 1844. *Elementa grammatices syrjaenae*. Helsingforsiae.
- Clausner, Timothy C., William Croft** 1999. Domains and Image Schemas. – *Cognitive Linguistics* Vol. 10, No. 1, 1–31.
- Collinder, Björn** 1960. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Creissels, Denis** 2009. Spatial cases. – A. Malchukov & A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*, 609–625. Oxford: Oxford University Press.
- Croft, William** 2007. Construction Grammar. – D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 463–508. Oxford: Oxford University Press.
- Croft, William, D. Alan Cruse** 2007. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cruse, D. Alan** 2002. Aspects of the Micro-Structure of Word Meanings. – Y. Ravin & C. Leacock (eds.) *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*, 30–51. Oxford: Oxford University Press.
- Danaher, David S.** 2007. Úvod do kognitivní gramatiky [An Introduction to Cognitive Grammar]. – L. Saicová Římalová (ed.) *Čítanka textů z kognitivní lingvistiky II* [Reader in Cognitive Linguistics II], 89–103. Prague: Charles University, Faculty of Arts.
- EKG** = Erelt M., R. Kasik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare 1995. *Eesti keele grammatika I*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut.
- Evans, Vyvyan** 2007. *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Evans, Vyvyan, Melanie Green** (eds.) 2006. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Evans, Vyvyan, Benjamin K. Bergen & Jörg Zinken** 2007. The Cognitive Linguistics Enterprise: An Overview. – V. Evans, B. K. Bergen, J. Zinken (eds.) *The Cognitive Linguistics Reader (Advances in Cognitive Linguistics)*, 2–36. London: Equinox.

- Fauconnier, Gilles** 2007. Mental Spaces. – D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 351–376. Oxford: Oxford University Press.
- Fillmore, Charles J., Paul Kay & Mary Catherine O'Connor** 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let alone*. – *Language* 64, No 3, 501–538.
- Fillmore, Charles J.** 2006. Frame Semantics. – D. Geeraerts (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, 373–400. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Gabelentz, Hans Conon von der** 1841. *Grundzüge der Syrjänischen Grammatik*. Altengurg: Verlag von H. A. Pierer.
- Geeraerts, Dirk** 2006a. A Rough Guide to Cognitive Linguistics. – D. Geeraerts (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, 1–28. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Geeraerts, Dirk** (ed.) 2006b. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Geeraerts, Dirk, Hubert Cuyckens** 2007a. Introducing Cognitive Linguistics. – D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 188–213. Oxford: Oxford University Press.
- Geeraerts, Dirk, Hubert Cuyckens** (eds.) 2007b. *Handbook of Cognitive Linguistics*, 3–21. Oxford: Oxford University Press.
- Gibbs, Raymond W., Herbert L. Colston** 2006. The Cognitive Psychological Reality of Image Schemas and their Transformations. – D. Geeraerts (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, 239–268. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Givón, Talmy** 2001. *Syntax: An Introduction*. Vol. 1. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins.
- Goldberg, Adele E.** 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure (Cognitive Theory of Language and Culture)*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Goldberg, Adele E.** 2003. Constructions: A New Theoretical Approach to Language. – *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7, No. 5, 219–224.
- Grady Joseph E.** 2007. Metaphor. – D. Geeraerts & H. Cuyckens (eds.) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, 188–213. Oxford: Oxford University Press.
- Hajdú, Péter** 1966. *Bevezetés az uráli nyelvtudományba (a magyar nyelv finnugor alapjai)*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Hajdú, Péter** 1981. *Az uráli nyelvészet alapkérdései*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Hakulinen, Lauri** 1979. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Neljäs korjattu ja lisätty painos. Helsinki: Otava.
- Hampe, Beate** 2005. Image Schemas in Cognitive Linguistics: Introduction. – B. Hampe (ed.) *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* (Cognitive linguistics research 29), 1–12. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Haspelmath, Martin** 2009. Terminology of Case. – A. Malchukov & A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*, 505–517. Oxford: Oxford University Press.
- Itkonen, Erkki** 1957. Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta. – *Virittäjä*, 1–23. Helsinki.
- Itkonen, Erkki** 1966. Esiintyykö s-latiivi permiläisissä kielissä? – *Virittäjä*, 273–280. Helsinki.
- Janda, Laura A.** 1993. *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental* (Cognitive Linguistics Research 4). Berlin–New York: Mouton de Gruyter.

- Janda, Laura A.** 2006. *Cognitive Linguistics*. Glossos 8; <http://www.seelrc.org/glossos/issues/8/janda.pdf> (07.11.2012)
- Jespersen, Otto** 1924. *The Philosophy of Grammar*. London: Georg Allen & Unwin Ltd.
- Johnson, Mark** 1987. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kel'makov, Valentin, Sirkka Saarinen** 1994. *Udmurtin murteet*. Turku–Iževsk.
- Kuznetsov, Nikolay** 2002. *Lähikohakäänded komi keele kohakäänete süsteemis*. Magistritöö. Tartu ülikooli filosoofiateaduskonna uurali keelte õppetool.
- Kuznetsov, Nikolay** 2012. Matrix of Cognitive Domains for Komi Local Cases. – *ESUKA – JEFUL* 3 – 1, 373–394. Tartu.
- Künnap, Ago** 1996. *Mea culpa*, aga omakeelsed Eesti põlisisukad oleme olnud juba 12 000 aastat. – *Keel ja Kirjandus* 8, 505–513.
- Laanest, Arvo** 1975. *Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse*. Tallinn.
- Lakoff, George** 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago–London.
- Lakoff, George** 1990. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? – *Cognitive Linguistics* Vol. 1, No. 1, 39–74.
- Lakoff, George** 2006. Conceptual Metaphor. – D. Geeraerts (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, 185–238. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Lakó, György** 1950. Zur Frage des permischen Prosektivs und Transitivs. – *MSFOu* XCVIII, 219–243. Helsinki.
- Langacker, Ronald W.** 1987. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, Ronald W.** 1988. A View of Linguistic Semantics. – *Topics in Cognitive Linguistics*, 49–90. Amsterdam–Philadelphia.
- Langacker, Ronald W.** 1991a. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald W.** 1991b. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 2: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press.
- Langacker, Ronald W.** 2006. Cognitive Grammar. – D. Geeraerts (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*, 29–67. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald W.** 2007. Cognitive Grammar. – D. Geeraerts & H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 421–462. Oxford: Oxford University Press.
- Langacker, Ronald W.** 2008. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Leino, Pentti** 1989. Paikallissijat ja suhdesääntö: kognitiivisen kieliopin näkökulma. – *Virittäjä* 2, 161–219.
- Leino, Pentti** 1990. Sijojen asema kielikuvauksessa. – *Suomen paikallissijat konseptuaalisessa semantiikassa* (Kieli 5), 12–58. Helsinki.
- Leino, Pentti** 1993. *Polysemia – kielen moniselitteisyys*. (Kieli 7. Suomen kielen kognitiivista kielioppia 1). Helsinki.
- Lewandowska-Tomaszczyk, Barbara** 2007. Polysemy, Prototypes, and Radial Categories. – D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 139–169. Oxford: Oxford University Press.
- Lyons, John** 1968. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Onikki-Rantajääskö, Tiina** 2001. *Sarjoja – nykysuomen paikallissijaiset olotilanimaukset kielen analogisuuden ilmentäjinä* (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 817). Helsinki.
- Pusztay, János** 1987. *Analóg vonások az uráli és a paleoszibériai nyelvek névszói rendszerében* (A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 173). Budapest.
- Ravila, Paavo** 1953. Sanaluokat, erityisesti uralilaisia kieliä silmällä pitäen. – *Virittäjä* 57, 41–50.
- Ravin, Yael, Claudia Leacock** 2002. Polysemy: An Overview. – Y. Ravin, C. Leacock (eds.) *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*, 1–29. New York: Oxford University Press.
- Rédei, Károly** 1978. *Chrestomathia syrjaenica*. Budapest.
- Rosch, Eleanor** 1975. Cognitive Representations of Semantic Categories. – *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 104, No 3, 192–233.
- Sjögren, Anders Johan** 1830. Ueber den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. – *Mémoires de l'Académie Impériale de sciences de St. Pétersbourg*. VI série. Tome I, 149–169.
- Szinnyei, Josef** 1922. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Zweite, verbesserte Auflage. Berlin–Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Svorou, Soteria** 1994. *The Grammar of Space* (Typological Studies in Language 25). Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins.
- Talmy, Leonard** 1975. Figure and Ground in Complex Sentences. – *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 419–430. Berkeley: Berkeley Linguistics Society.
- Talmy, Leonard** 2000. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Taylor, John R.** 1995. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press.
- Taylor, John R.** 2002. *Cognitive Grammar*. New York: Oxford University Press.
- Taylor, John R.** 2003. Polysemy's Paradoxes. – *Language Sciences* 25, 637–655.
- Tauli, Valter** 1966. *Structural Tendencies in Uralic Languages* (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 17). The Hague: Mouton & Co.
- Tragel, Ilona** (ed.) 2001. *Papers in Estonian Cognitive Linguistics* (Publications of the Department of General Linguistics 2). Tartu: University of Tartu.
- Tragel, Ilona** 2003. *Eesti keele tuumverbid* (Dissertationes Lingusiticae Universitatis Tartuensis 3). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Turner, Mark** 2007. Conceptual Integration. – D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) *Handbook of Cognitive Linguistics*, 377–393. Oxford: Oxford University Press.
- Uotila, Toivo E.** 1933. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen* (MSFOu LXV). Helsinki.
- Uotila, Toivo E.** 1938. *Syrjänische Chrestomathie mit Grammatischem Abriss und Etymologischem Wörterverzeichnis*. Helsinki.
- Vainik, Ene** 1995. *Eesti keele väliskohakäänete semantika kognitiivse grammatika vaatenurgast*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut.
- Vászolyi, Erik** 1967. A finnugor személyjelek kérdéséhez. – *NyK* LXIX, 3–56.
- Vászolyi, Erik** 1968. Prolatívusz, tranzitívusz, lokatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben. – *NyK* LXX, 47–85.
- Veismann, Ann** 2009. *Eesti keele kaas- ja määrsõnade semantika võimalusi* (Dissertationes Lingusiticae Universitatis Tartuensis 11). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

- Wiedemann, Ferdinand Johann** 1847. *Versuch einer Grammatik der Syrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte*. Reval: Verlag von Franz Kluge.
- Wiedemann, Ferdinand Johann** 1884. *Grammatik der Syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*. St. Petersburg.
- Wichmann, Yrjö** 1923. Zur permischem grammatik. – *FUF* XVI, 146–163. Helsingfors.
- Õim, Haldur** 1990. Kognitiivse lähenemise võimalusi keeleteaduses. – *Akadeemia* 9, 1818–1836.

KOKKUVÕTE

Komi keele kohakäänete ruumisemantika (kognitiivne analüüs)

Uurimisobjekt

Käesoleva töö uurimisobjektiks on (sürja-)komi keele kohakäänete semantika. Tähelepanu keskmes on nende ajalooliselt esmased ruumitähendused. Selline valik on tingitud kohatähenduste erilisest rollist käänete semantika arengus, aga ka väitekirja piiratud mahust. Töös vaadeldakse nii peamisi ja sagedasi kohakäänete kasutusjuhtumeid, kui ka nende harvu ja isegi üksikuid kasutusi.

Käänete kohatähenduse all mõeldakse siin objekti paiknemise või liikumise märkimist füüsilise orientiiri suhtes. Seega on osalejad reeglina materiaalsed ja visuaalselt fikseeritavad. Liikumised võivad olla ka fiktiivsed, neid sooritatakse mentaalselt, kuid ruumisuhted on ka nendel juhtudel selgelt esil. Taolised kasutusjuhtumid paiknevad kohakäänete ruumisemantika perifeerias.

Töös vaadeldakse kohakäänete funktsioneerimist nimisõnade koosseisus. Muud kohasuhte osutamise vahendid, mille morfoloogiline struktuur sisaldab samuti kohakäänete markereid, nt postpositsioonid, ei ole käesoleva töö otseks uurimisobjektiks. Siiski käsitletakse neid põgusalt kohakäänete funktsionaalsete vastetena.

Uurimuse fookuses pole ka kohakäänete tekke- ja arengulugu. Vastavad peatükid on väga ülevaatlilikud ja ei pretendeeri ammendatusele. Ka käändesufiksiste struktuuri analüüs jääb töös tagaplaanile. Analüüsile on pööratud siiski tähelepanu, kui see on vajalik semantika seisukohalt.

Väitekirjas vaadeldakse vaid normeeritud komi kirjakeele kohakäändeid. Mõnda üksikut murdelist varianti käsitletakse vaid juhul, kui see on tähenduse poolest iseäralik või muul viisil kirjakeelsest väga erinev.

Teoreetiline taust ja eesmärk

Töö teoreetiliseks taustaks on kognitiivne lingvistika. Käändesemantikast püütakse vaadelda tuginedes kognitiivse keeleteaduse põhimõtetele ja kasutades selle mõistestikku ning uurimisvahendeid. Sellises lähenemises seisneb ka uurimuse uudsus. Nõnda võib seda tööd pidada esimeseks katseks uurida komi keele käändeid kognitiivses võtmes.

Töö eesmärk seisneb komi keele kohakäänete ruumitähenduste kognitiivses kirjeldamises ja analüüsis. Püütakse vaadelda ja verifitseerida varasemaid uurimistulemusi teistelt teoreetilistelt positsioonidelt. Siiski ei tähenda see nende ümberlükkamist, vaid üksnes uute lahenduste ja tõlgenduste esitamist.

Niisiis võib tööd lühidalt iseloomustada kui **ruumisuhete väljendamise kognitiivset analüüsi komi kirjakeele nimisõnade kohakäändevormides**.

Materjal

Käsitlusest lähtudes on uurimuse empiiriliseks materjaliks kohakäänete kasutusjuhtumid väga erinevas kontekstis. Konteksti maht näidetes varieerub, kuid see peab olema piisav käänete tähenduste õigeks mõistmiseks. Palju näiteid on esitatud ka lühendatult, kuid ilma, et see kuidagi mõjutaks käändekasutuse sisu.

Iga näide originaalkeeles on esitatud nummerdatuna eraldi reas kursiivis ja varustatud tõlkega, mis on samuti paigutatud eraldi ritta kohe näite järele. Parema esiletoomise nimel on nimisõnade käändelised vormid esitatud paksemas kirjas ja käändelõpud eraldatud muust sõnaosast sidekriipsuga. Tõlgetes on näidete vastavad osad allakriipsutatud.

Kogu analüüsitav näitematerjal on pärit kirjalikest allikatest. Põhinäitebaasi moodustavad käändekasutused ilukirjanduslikest tekstidest ja perioodilistest väljaannetest. Lisaks on näiteid võetud ka erinevatest grammatilistest kirjeldustest, mis on enamasti samuti ilukirjandusliku päritoluga. Näidete päritolu on käesoleva käsitluse seisukohalt teisejärguline. Põhiline on esile tuua võimalikult palju erinevaid käändetähendusi.

Struktuur ja lühitutvustus

Väitekiri algab sissejuhatausest, kus piiritletakse uurimisobjekt, põhjendatakse teema aktuaalsust, seatakse eesmäärke, iseloomustatakse allikaid ja uuritavat materjali jpm. Sellele järgneb töö sisuline jagu, mis koosneb kahest suuremast osast ehk teoreetilisest poolest ja analüüsist.

Teoreetiline osa koosneb mitmest peatükist. Esimeses peatükis määratletakse töös kasutatavaid põhilisi mõisteid. Teine peatükk on pühendatud kohakäänete rühmitamisele ja tüpoloogiale, samuti iseloomustatakse seal põgusalt soomeugri keelte käändeid. Kolmandas peatükis antakse lühiülevaade komi keele kohakäänete uurimisloost. Neljandas peatükis räägitakse kognitiivsest lähenemisest keeleteaduses, muuseas esitatakse kognitiivse keeleteaduse põhiprintsiipe ja sisu, seletatakse Ronald W. Langackeri kognitiivse grammatika põhisukohti ning kirjeldatakse kognitiivset lähenemist polüseemia käsitlusele.

Samuti mitmest peatükist koosnev analüüsiosa on pühendatud komi keele kohakäänete ruumisemantika analüüsile. Selle osa esimestes peatükkides esitatakse komi keele kohakäänete klassifikatsioon ja kirjeldatakse kohakäänete sisemist struktuuri sagedasemate kognitiivsete valdkondade maatriksi kujul. Järgnevad peatükid sisaldavad kohasuhte osutamise analüüsi käändeti. Nendes esitatakse suurem osa empiirilisest materjalist ja tõlgendatakse konkreetseid näiteid. Analüüsiosa lõpeb peatükiga kohakäänete funktsionaalsetest vastetest.

Sisulisele jaole järgneb järelduste ja kokkuvõtete osa. Töö lõpus on esitatud ka eraldi lühendite, allikate ja kasutatud kirjanduse loetelu ning kaks lisa.

Kohakäänete klassifitseerimine

Nn konkreetsete käänete hulka kuuluvad kohakäänded on endale nime saanud oma põhifunktsioonide ehk ruumisuhete osutamise alusel. Ruumisuhete väljendamisvahendite diferentseerimise kümnetest parameetritest võib peamisteks pidada **lokalisatsiooni** (*relative orientation* nt Blake 2004: 151 ja Haspelmath 2009: 515 järgi) ja **orientatsiooni** (*direction* nt Haspelmath 2009: 515–516 järgi).

Orientatsiooni ehk suuna märkimise alusel jagatakse kohakäändeid reeglina neljaks rühmaks, mis väljendavad: 1) **asukohta**, 2) **lähtepunkti**, 3) **lõpupunkti** ja 4) **marsruuti** (Плунгян 2002: 65). Peale lähte- ja lõpupunkti võib liikumine või tegevus olla orienteeritud ka 5) **lähtesuuna** ja 6) **lõpusuuna** järgi, kui lähte- ja lõpupunktid ei pruugi olla teadagi (Плунгян 2002: 70–71). Eri keeltes on eraldi käändega võimalik väljendada ka 7) tervet **teekonda jõudmisega lõpupunkti** (lähemalt vt Haspelmath 2009: 515–516).

Kõiki seitset orientatsioonitüüpi markeeritakse komi keeles morfoloogiliselt kohakäänetega.

Ruumala orientiiri ümber jaguneb *topoloogilisteks tsoonideks* (*region* nt Svorou 1994 järgi). Lokalisatsioon on sellise ala asetus teatud orientiiri suhtes (Плунгян 2002: 66). Ta konkretiseerib trajektoori ruumilist paiknemist orientiiri suhtes geomeetrilise asetuse terminites (Мельчук 1998: 52; Плунгян 2003: 175).

Eri keeled jagavad ruumala erineva detailsusega. Nii on lokalisatsiooni inventar keeliti väga erinev (Мельчук 1998: 53; Плунгян 2003: 175). Rikas lokalisatsiooni süsteem on nt dagestani keeltes (lähemalt vt Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516; Алексеев & Атаев 1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1970: 110–156; Мельчук 1998: 53–55). Soome-ugri keelte kohakäänded markeerivad kõige sagedamini sisemist ruumi ja pealispinda, kuid esineb ka muid lokalisatsioonitüüpe.

Tüpoloogilistes töodes tähistatakse lokalisatsioonimarkereid tavaliselt ladinakeelsete prefiksitena, mis ei ole erinevatel uurijatel alati samad (vrd Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516; Алексеев & Атаев 1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1977: 51–58; Мельчук 1998: 53–55, 336–337; Плунгян 2002: 67–68; Плунгян 2003: 176):

APUD	'juures'	ANTE	'ees'	PART	'perifeerne osa'
ULTRA	'kaugel'	POST	'taga'	AD	'pealispind'
CIRCUM	'üumber'	LAT	'kõrval (ei ees ega taga)'	SUPER-C	'ülalind'
SUPER	'kohal'	IN	'sees'	SUB-C	'alalind'
SUB	'all'	INTER	'vahel'	LAT-C	'külgpind'

Need prefiksivõtted on ka vastavate kohakäänete nimetuste koosseisus.

Sageli ei esine orientatsiooni ja lokalisatsiooni markerid nõ puhtalt, vaid nad kombineeruvad. Kohasuhteid osutavate käänete suhteliselt suur arv soome-ugri

keeltes ongi sellise kombineerumise tulemus (Blake 2004: 152), mis esineb nendes keeltes süstemaatiliselt käändesarjade kujul. Lokalisatsiooni ja orientatsiooni märkimine on soome-ugri keeltes tavaliselt kokku sulanud, kuigi morfeemne analüüs on sageli kergesti teostatav. Aglutinatiivne struktuur on esindatud vähem.

Kognitiivne lähenemine keeleteaduses

Kognitiivne keeleteadus (*cognitive linguistics*) on kognitiivse teaduse (*cognitive science*) ehk kognitoloogia haru. Teooria nimetus on tingitud keele kindlast seosest kognitsiooniga:

„Keel on nähtus, mille juured ulatuvad inimese kõige sügavamate tunnetus- ja käitumismehhanismideni, on nendega läbi põimunud. Keele olemust ei saa täielikult mõista neist seostest lahus” (Öim 1990: 1819).

Keelt käsitletakse tihedas seoses inimese üldteadmistega ümbritsevast maailmast, tema kogemustega jmt, kaasates teiste teadusharude empiirilisi andmeid (Скребцова 2000: 6–7; Ченки 2006: 340). George Lakoff (1990: 40) on seda põhimõtet nimetanud *kognitiivseks kohustuseks* (*cognitive commitment*).

Kognitiivse lingvistika **põhiline idee** seisneb selles, et keelt nähakse informatsiooni omandamise, korrastamise, töötlemise, säilitamise ja edastamise vahendina (Geeraerts 2006a: 3). Kognitiivset keeleteadust iseloomustavateks **põhiprintsiipideks** on see, et lingvistiline tähendus 1) oleneb vaatekohast, 2) on dünaamiline ja paindlik, 3) on entsüklopeediline ja mitteautonoomne ning 4) põhineb kasutusel ja kogemusel.

Langackeri kognitiivne grammatika

Kognitiivset grammatikat seostatakse selle looja ja arendaja Ronald W. Langackeri nimega. Tema teooria põhineb samadel põhimõtetel kui kognitiivne lingvistika tervikunagi. Selles teorias on semantika keskne ja tähendusi on ka seotud morfeemidel.

Grammatikat näeb Langacker kui *konventsionaalsete keeleliste üksuste struktureeritud tagavara* (*structured inventory of conventional linguistic units*). Keeleline üksus tähendab täielikult omandatud struktuuri (*thoroughly mastered structure*) ehk kognitiivset šablooni, mis on kõnelejal valmis kujul võtta (*preassembled* ehk *prepackaged*) ja mida ta kasutab automaatselt, süvenemata selle ülesehituse detailidesse. Seejuures võivad ühed üksused olla teiste komponentideks. (Langacker 1987: 57; Langacker 1991a: 15)

Grammatika koosneb sümbolüksustest, millest pannakse kokku üha keerulisemad struktuurid. Kõnestruktuuride ülesehitamist ja mõistmist mõjutavad mitte ainult lingvistilised võimed, vaid ka konteksti tundmine, kommuni-

katsiooni eesmärgid, esteetilised seisukohad ning kõik muud üldteadmised ja kognitiivsed võimed. Tulemuseks on reeglina midagi muud, kui oleks keeleüksuste sisust algoritmiliselt järeldatud. (Langacker 1991a: 16; Лангаккер 1992: 16)

Sõnavara, morfoloogia ja süntaks moodustavad erineva struktuurse keerukuse, konkreetsuse, üldistatuse ja regulaarsusega sümbolüksuste pidevustiku (Лангаккер 1992: 13–14; Скребцова 2000: 114; Ченки 2006: 364). Kognitiivse grammatika vaatevinklist koosneb grammatika vaid sümbolüksustest ja ei baseeru pelgalt grammatikareeglitel ühest küljest ja leksikonil teisest küljest (Geeraerts 2006: 7–8).

Kognitiivses grammatikas samastatakse tähendus *mõistestusega* (*conceptualization*), mis tähendab nii kindlaid mõisteid kui ka esmakordselt loodavaid kontsepte jne. Keeleüksuse semantilist struktuuri ehk *predikatsiooni* (*predication*) seletatakse eelkõige taustsüsteemis, mis on *kognitiivsetest* ehk *tunnetusvaldkondadest* (*cognitive domain*) koosnev semantiline ruum. Ühtede kontseptide iseloomustamiseks on vaja teisi. (Langacker 1991a: 3; Скребцова 2000: 117) Nt pole võimalik seletada *hüpoteenuusi* mõistet viitamata täisnurksele kolmnurgale.

Predikatsiooni täiskirjeldus peab sisaldama valdkonna kirjeldust ja kõiki tāsandeid põhikontseptide hierarhias kuni baasvaldkondadeni (Langacker 1991a: 3–4; Скребцова 2000: 117; Ченки 2006: 358). Baasvaldkondadeks (*basic domain*), mis pole ise enam millekski taandatavad, peab Langacker 3-mõõtmelist ruumi, aega, värviruumi, helisageduste ulatust, temperatuuriskaalat, sensoorseid aistinguid jne. Mõne predikatsiooni seletamiseks piisab ühest valdkonnast, kuid enamasti tuleb viidata mitmele valdkonnale ehk *komplekssele maatriksile* (*complex matrix*) (Langacker 1991a: 4–5).

Kognitiivsele grammatikale on omane **entsüklopeedilise semantika** kontseptsioon (vt Langacker 1987: 154–158; Langacker 2008: 39). See tähendab, et keelelise üksuse semantiline pool sisaldab kõneleja kõiki teadmisi ja kogemusi sellest. Tähtis on, et keelelistel ja mittekeelelistel teadmistel pole vahet, sest väljendite käitumist võivad mõjutada kõik teadmised. (Vainik 1995: 29) Seejuures aktiveeruvad ühed sisuosad keelelise üksuse igal kasutuskorral, olles nõnda kesksemad, teised aktiveeruvad harvemini ja kõige perifeersemad ilmnevad vaid spetsiifilisemates kontekstides. Sellepärast räägitakse ka teadmiste *tsentreerituse* (*centrality*) astmest. (Langacker 1987: 159; Langacker 2008: 39)

Keeleüksuse tähenduse mõistmiseks ei piisa vaid taustsüsteemi tundmisest. Tähtis on ka see, kuidas on keeleüksuse sisu konstrueeritud (*construed*) kõneleja poolt, sest ühte ja sama objekti või sündmust võivad inimesed näha erinevalt (Danaher 2007). Langacker toob esile mitu *kujundlikkuse dimensiooni* (*dimensions of imagery*) ehk *fookuse korrigeerimise parameetrit* (*parameters of focal adjustments*), mis võivad muuta tähendust, nt *sätetatus* (*specificity*) ehk *detailiseerimise* (*granularity*) aste ehk resolutsioon (*resolution*), *fokuseerimine* (*focusing*), *predikatsioonihaare* (*scope*), *allstruktuuride esilduvus* (*prominence*) ja *perspektiiv* (*perspective*).

Kontseptuaalne sisu on predikatsiooni tähenduse kirjeldamise aluseks. See on *baas* (*base*), milleks on kas kompleksse maatriksi maksimaalne haare või üksik valdkond, kuhu predikatsioon vahetult kuulub. Predikatsioonihaarde määratlemine on vajalik *profili* (*profile*) kontseptualiseerimiseks. Profiil on kõige paremini esilekerkiv baasi osa. Profiili esiletõstmist baasist võib nimetada *profileerimiseks* (*profiling*), mis on allstruktuuride esilduvuse nähtus. (vt Langacker 2008: 66–70) Nt mõiste *hüpoteenus* baasiks on *täisnurkne kolmnurk* ja profiiliks on täisnurga vastas olev kül. Profiilil pole ilma baasita semantilist väärtust – suvalist joont pole võimalik hüpoteenusiks nimetada ilma täisnurksele kolmnurgale viitamata. (Langacker 1991a: 5–6; Скрецова 2000: 119–120) Seega ongi baasi ja profiili vastastikune suhe keelelise üksuse semantiliseks sisuks.

Allstruktuuride esildamisel on tähtis ka *trajektoori* ja *orientiiri vastastikune paiknemine* (*trajector/landmark alignment*). Trajektoor on vaatleja poolt enam tähelepanu saav ja seepärast esile tõusev osaline profiilis ning orientiir on see osaline, mille suhtes trajektoori liikumist, asendit või tegevust hinnatakse (Langacker 2008: 70). Eesti kognitiivses keeleteaduses on neid nimetatud ka vastavalt *muutujaks* ja *pidepunktiks* (vt Vainik 1995). Ühe objekti esile toomisel teise suhtes kasutatakse ka terminipaare *figure* ja *ground*, *locans* ja *locatum*, *relans* ja *relatum* jne (Svorou 1994: 9).

Väljenditel võib olla sama sisu ja predikatsioonis võib profiiliks olla sama osa, kuid nad on ikkagi erineva tähendusega, kuna trajektoor ja orientiir on neis erinevad (Langacker 2008: 70), nt prepositsioonidel *above* 'kohal' ja *below* 'all' on sama sisu ($X \text{ above } Y = Y \text{ below } X$), kuid nad pole sünonüümid. Nende erinevus seisnebki osaliste ehk trajektoori ja orientiiri esile toomises (Langacker 1991a: 9; Langacker 2008: 71).

Üheks tähtsaks aspektiks, millega tähenduste kirjeldamisel tuleb arvestada, on ka perspektiiv (*perspective*). See eeldab *vaatleja* (*viewer* ehk *conceptualizer*) olemasolu. Perspektiiv hõlmab selliseid asjaolusid nagu *vaatepunkt* (*vantage point*) ja situatsiooni kujutamise *subjektiivsus–objektiivsus* (*subjectivity–objectivity*). On väljendeid, kus eeldatav vaatepunkt on tähenduse kohustuslik koostisosa. Sellised on deiktikud või nt konstruktsioonid *in front of* 'ees' ja *behind* 'taga'.

Vaikimisi on vaatepunktiks kõneleja ja kuulaja tegelik paiknemine. Kuid see pole alati nii, sest me võime kergesti omaks võtta fiktiivse vaatepunkti ja kirjeldada situatsiooni kuulaja positsioonilt või kellegi teise perspektiivist (Langacker 2008: 76). Sama hästi on vaatepunkt kui kirjeldav struktuur rakendatav ka abstraktsemates kognitiivsetes valdkondades (Langacker 1991a: 316; Langacker 2008: 76–77).

Subjektiivsuse ja objektiivsuse asümmeeria situatsiooni kujutamises on abiks ka selle analüüsimisel. Maksimaalne objektiivsus saavutatakse siis, kui objekt on eraldatud vaatlejast ja tervenisti tema vaateväljas ning vaatleja on üleni hõivatud vaatamisega. Vaatleja lülitamine situatsiooni sisse tähendab maksimaalset subjektiivsust. Enamik situatsioone asub nende äärmuste vahel.

Lähemalt vt Langacker 1987: 128–132; Langacker 1991a: 316–318; Langacker 2008: 77.

Tähenduse struktuur. Polüseemia

Polüseemia on keeltes regulaarne nähtus (Taylor 2003: 637). Väga paljudel sõnadel on tähendusi kaks või enamgi, seejuures on sagedasematel sõnadel neid rohkem (Ravin & Leacock 2002: 1). Keeleüksuste mitmetähenduslikkus ei ole reeglina kommunikatsiooni takistuseks, sest me oskame vaevata mitmest võimalikust sobiva tähenduse välja valida (Ravin & Leacock 2002: 1; Taylor 2003: 647). Seotud morfeemidel on samuti lai semantiline struktuur. Enamik markereid maailma keeltes on polüseemsed, sest vastasel juhul oleks vajadus morfoloogiliste üksuste lõpmatu arvu järele (Ганенков 2002: 36, 37).

Kognitiivses keeleteaduses tähendab polüseemia uurimine selle käsitlemist kategoriseerimisviisina (Lewandowska-Tomaszcyk 2007: 140).

Üheks teadmiste süstematiseerimise ja esitamise vahendiks on *semantiline võrgustik* (*semantic network*). Seda kujutatakse tavaliselt graafina, mille tipud märkivad kontsepte ja suunatud kaared tähistavad nendevahelisi suhteid. Tao-line mudel on sobiv polüseemia kirjeldamiseks.

Prototüübiteooria kujutab endast polüseemia käsitlemist iseäralise kategoriseerimisena, mille aluseks on prototüübid. Prototüübiteooria teket seostatakse Eleanor Roschi nimega. Tema uuris oma kolleegidega loomulikke semantilisi kategooriaid ja kinnitas, et kategooria liikmed on organiseeritud prototüübi ümber perekondliku sarnasuse (*family resemblance*) alusel (nt Rosch 1975). St kõigil kategooriatel on keskmest ja perifeeriast koosnev sisemine struktuur (Lakoff 1987: 41; Кронгауз 2005: 115) ning kategooria ühed liikmed on teistest representatiivsemad. Prototüüp on „parim näide” (*the clearest case, best example* (Rosch 1975: 193, 199)), etalon ja selle järgi on tuvastatav kogu kategooria (Кронгауз 2005: 115). Seega pole kategooria liikmed võrdsed ja võib rääkida tüüpilisematest ja vähem tüüpilistest liikmetest (Скребцова 2000: 89). Sellises asümmeetrias seisneb *prototüübi efekt* (Lakoff 1987: 41): tüüpilisemad liikmed on lähemal keskmale ehk prototüübile ja vähem tüüpilised on perifeerias. Kategooriasse kuulumise aste peegeldub liikme distantis prototüübist. Pole mingit kindlaksmääratud piiri, kui „kaugel” prototüübist liige võib olla ikka veel kategooriasse kuuludes, kui kategoriseerija leiab temas mingit sarnasust tüüpilisemate esindajatega. (Langacker 1991a: 266)

Kategooria kesketel liikmetel on teistsugused tunnused kui perifeersematel: nad on äratuntavamad, kiiremini identifitseeritavad ja omandatavad, sagedasemad jne (Lakoff 1987: 41–42; Кронгауз 2005: 264–265). Tavaliselt on prototüüpsem mingi konkreetne tähendus, nt ruumitähendus (Кронгауз 2005: 265). Perifeersed tähendused on abstraktsemad ja diakrooniliselt hilisemad ning piiratud kombineerumisega (Ченки 2006: 350).

Prototüübiteooria võimaldab sagedaste „probleemsete” faktide (nagu mõni perifeerne kasutus) kirjeldamist. Selles teoorias on võimalik paindlikumalt

tõlgendada vastastikuseid seoseid keelelise üksuse tähenduste ehk kategooria liikmete vahel (Кубрякова jt. 1997: 143).

Ka **radiaalne võrgustik** kui polüseemia kirjeldamise vahend põhineb prototüübi efekti põhimõttel. Võrgustiku keskmes paikneb põhitähendus, mille ümber koonduvad vähem esindavate tähenduste ahelad (siit ka radiaalne struktuur) (vt Lakoff 1987: 40–46; Янда 2000: 8). Eri tähendused on omavahel seotud erinevate suitemehhanismidega (Lakoff 1987: 91; Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 148). Kategooria liikmetel võib olla mitu erinevat seost prototüübiga (Янда 2000: 10). Mida kaugemal prototüübist asub mõni tähendus, seda nõrgem on tema seos prototüübiga. Tähtis on, et kategooria liikmed ei pea kuuluma sinna ühe või mitme kohustusliku ühistunnuse alusel (Янда 2000: 8; Janda 2006: 14). Tähenduse mõistmine on seotud prototüübiga, mitte teatud tingimustega. Radiaalne tähendusvõrgustik seletab üsna hästi nii leksikaalset kui ka grammatiliste nähtuste polüseemiat, kuna demonstreerib väga mitmekesiste liikmetega kategooria ühtsust (Янда 2000: 9).

Ronald Langacker esitab polüseemiat **võrgustikumudelina**, mis kujutab endast prototüübiteooria ja skeemidel põhineva kategoriseerimise sünteesi (Langacker 1991a: 266). Tähendused ja alltähendused on selles mudelis seotud skeemsus- (*schematicity*) ja laiendussuhetega (*extension*). Tähenduslaiendust võib ette kujutada „horisontaalse” ja skemaatilisust „vertikaalse” suhtena (Langacker 1987: 373). Graafiliselt märgitakse laiendussuhteid katkendliku noolega suunaga perifeersemale tähendusele ja skeemsussuhteid pideva noolega suunaga spetsifikatsioonile (vt skeem 8). Osade asetus võrgustikumudelis võib erinevate inimeste teadvuses olla erinev olenevalt kogemusest ja kategoriseerimisvõimest. Samas ei takista see kommunikatsiooni, kui inimeste võrgustikumudelites kattub piisavalt palju sõlmi ehk tähendusi. (Langacker 1988: 52) Keelelise üksuse konventsionaalne tähendus peaks vastama tervele võrgustikule, mitte üheleainsale sõlmele selles (Langacker 1991a: 3; Langacker 2008: 38).

Skeemkujutlused (*image-schema*) on tegevuste skematiseerunud mudelid, mis tulenevad meie igapäevasest kehalisest kogemusest (Langacker 2008: 32) ja korrastavad meie mentaalset maailma füüsilise taju ja liikumise tasandil (Gibbs & Colston 2006: 240–241). Need on inimese sensomotoorse tegevuse tulemus. Skeemkujutlused struktureerivad primaarsete semantiliste mudelitena meie kogemusi mõiste-eelsel tasandil (Lakoff 1987: 275; Langacker 2008: 32). Nimelt skeemkujutlused annavad meile võimaluse kodeerida ja töödelda infot samas formaadis olenemata (visuaalsest või keelelisest) infokanalist (Lakoff 1987: 440). Igapäevastes mõtlemis- ja muudes protsessides kasutatavate skeemkujutluste arvu on raske ette kujutada. Kohakäänete ruumisemantika analüüsimisel on tähtsaimad skeemkujutlused MAHUTI (*container*), (PEALIS)PIND (*surface*), LÄTE (*source*), TEE (*spath*), SIHT (*goal*) jne.

Kohakäänete ruumisemantika

Komi keele käände-paradigma paistab silma ruumisuhet osutavate käände-vormide rohkusega. See asjaolu on üheks komi keele iseloomulikuks tunnuseks. Kohakäänete süsteem pole komi keeles heterogeenne. Esiteks erinevad käänded omavahel struktuurilt ja arenguloo poolest. Osa nendest on nõ traditsioonilised ehk esmased, teised on tekkinud suhteliselt hilja ja nad on struktuurilt komplekssemad. Teiseks on käänded kasutussageduselt väga erinevad. Kolmandaks on kohakäänedel väga erinev tähenduste ulatus.

Komi keele kohakäändeid on tavaks jagada sise-, välis- ja lähikohakääne-teks. Rühmitamise aluseks on lokalisatsioon ehk erinevate topoloogiliste tsoo-nide aktualiseerimine. Inessiivi, illatiivi ja elatiivi ühendamine sisekohakääne-teks ei tekita küsimusi, sest põhitähendustes osutavad nad tõepoolest orientiiri sisemusele. Lähikohakäänete esitamine omaette rühmana vastab samuti klassi-fitseerimise printsiibile, sest nende põhifunktsioonides on viide orientiiri lähi-alale.

Tüpoloogilisel ja kontrastiivsel vaatlemisel nõuab komi aproksimatiivi, egressiivi ja terminatiivi nimetamine väliskohakääneteks seletamist. Põhi-tähendustes ei näe nad ette kokkupuudet orientiiri sisesfääriga. Samas ei moodusta need käänded sisekohakäänetega paralleelset ja nendega vastanduvat korrapärast sarja nagu on see nt ungari või läänemeresoome keeltes. Üleüldse pole aproksimatiiv, egressiiv ja terminatiiv rühmana kuidagi organiseeritud.

Teistest eraldi seisab prolatiiv. Ta ei kuulu ühetähenduslikult ühtegi rühma. See on orientatsioonikääne ja ei klassifitseeru lokalisatsiooni väljendamise alusel.

Kognitiivsete valdkondade maatriks

Kognitiivse keeleteaduse raames on igal kohakäändel tähenduste süsteem, kus ühed tähendused on kesksemad ehk prototüüpsemad ja teised asuvad süsteemi perifeerias. Tähenduste süsteem on sisemiselt organiseeritud tunnetusvald-kondade maatriksina. Valdkonnad võivad lõikuda, moodustades üleminekuala-sid. Käänded erinevad omavahel esindatuse poolest valdkondades ja ka vald-kondade arvu poolest iga käände maatriksis.

Baasvaldkonnaks, mis ise pole enam kuhugi taandatav, on füüsiline ruum. Selle all mõeldakse siin ruumi lihtsustatud kujutlust keeles, selle idealiseeritud representatsiooni, mis põhineb geomeetrilise maailma kanoonilisel kujutamisel. Teisisõnu kujutab ruum endast mentaalselt projitseeritud kolmedimensioonilist füüsilist ruumi. Domineerivate dimensioonide arv reaalse maailma objektidel võimaldab neid idealiseerida 1-, 2-, 3- või 0-dimensioonilisteks ruumideks.

Ülejäänud kognitiivsed valdkonnad on vähemal või suuremal määral seotud ruumiga, nt seal kehtivad samad struktuurimudelid. Enam seotud valdkondadel on ruumiga lõikumiskohti. Kõige sagedasematest tunnetusvaldkondadest on komi keele kohakäänete semantikas esindatud abstraktne, sotsiaalne ja

sündmusruum, samuti aeg, seisund, skaala ja abstraktsed suhted. Kohakäänete maatriksite summa on graafiliselt näidatud skeemil 11.

Sisekohakäänded

Sisekohakäänete rühma moodustavad **inessiiv**, **illatiiv** ja **elatiiv**. Kõik kolm käänat märgivad oma põhifunktsioonis sisemist lokalisatsiooni, kuid sõltuvalt orientiiri topoloogilisest tüübist ja füüsilistest omadustest võivad nad tähistada ka muid erinevaid lokalisatsioone.

Kolme sisekohakäände kasutussituatsioonid on põhirusmitähendustes sarnased, nad markeerivad samu lokalisatsioone ja figureerivad samade orientiiritüüpidega. Erinevad on vaid orientatsioonid: inessiiv on ainus sisekohakääne, mille põhifunktsiooniks on trajektoori asukoha märkimine; illatiivi viitab liikumisele orientiiri sisesfääri; elatiivi põhiliseks semantiliseks rolliks on siselähtepunkti märkimine.

- Sisekohakäänete prototüüpseim tähendus eeldab trajektoori seost kolmemõõtmelise orientiiri sisesfääriga (lokalisatsioon IN). Seejuures on käänded neutraalsed orientiiri vormi, suuruse ja kinnisuse suhtes. Inessiiv viitab trajektoori asukohale orientiiris (*кёрка-ын* 'majas'), illatiivi puhul liigub trajektoori orientiiri sisemusse (*кудй-ө* 'kasti') ja elatiivi puhul selle seest välja (*кабина-ысь* 'kabiinist').
- Samamoodi näitavad sisekohakäänded suhteid pideva keskkonnaga (lokalisatsioon INTER): INESS *лымй-ын* 'lumes', ILL *ва-ө* 'vette', ELAT *ва-ысь* 'veest'.
- Lisaks viitavad nende käänete markerid selgete füüsiliste piirideta (0-mõõtmelisele) ruumile: INESS *ывла-ын* 'õues', ILL *ывла-ө* 'õue', ELAT *ывла-ысь* 'õuest'.
- Prototüübi alaliigiks on trajektoori osalise paiknemise märkimine orientiiri sisemuses: *тазй-ын рөсада* 'istik(ud) kauasis'.
- Samuti võib prototüüpse tähenduse alaliigina käsitleda situatsioone, kus on orientiiriks lamedast esemest painutamise teel tekitatud mahuti: ILL *дөра-ө* 'riidesse'.
- Õõnsuseta orientiiride puhul, mida pole võimalik käsitleda mahutina, aktiveerub orientiiri pealispind ja sisekohakäanel on väliskohafunktsioon (lokalisatsioon AD): INESS *дждж-ын* 'põrandal', ILL *дждж-ө* 'põrandale', ELAT *дждж-ысь* 'põrandalt'.

Huvitav on märkida, et orientiiril *му* 'maa, muld' aktiveeruvad eri kontekstides erinevad topoloogilised tunnused. Olenevalt situatsioonist võivad sisekohakäänded sama sõna vormis väljendada erinevaid lokalisatsioonitüpe: ILL *му-ө* 'maasse; maale', ELAT *му-ысь* 'maast; maalt'.

- Üsna spetsiifiliseks võib pidada sisekohakäänete kasutamist situatsioonis, kus aktiveerub orientiiri vahetu ümbrus (lokalisatsioon APUD): INESS *Пач*

пельӧс-ын <...> *мыйкӧ шӧпкӧдӧс* 'Ahju nurgas <...> midagi sosistas'; ILL *Ме пуксьышти пызан пельӧс-ас* (ILL.POSS3SG) 'Ma istusin laua nurka'.

- Sisekohakäänete vormid on tüüpilised riideesemete ja jalatsite, aga ka käekella, ehete jm kandmise, jalga, kätte või pähe panemise ning jalast, käest või peast võtmise märkimisel. Orientiirideks on sel juhul kehaosad ja keha tervikuna kui iseäralik ruumiliik: *юр-ас* (INESS.POSS3SG) 'tema peas', *юр-ас* (ILL.POSS3SG) 'pähe', ELAT *юр-ысь* 'peast'.
- Füüsilise ja sündmusruumivahelisse üleminekutsooni kuuluvad sisekohakäänete kasutused orientiiridega, mis käivad selgelt füüsilise ruumi alla, kuid sisaldavad ka viidet sündmusele: INESS *туй-ын* 'teel, reisil', ILL *туй-ӧ* 'teele, reisile', ELAT *туй-ысь* 'teelt, reisist'.
- Mitmuses pärisnimed ja sugulusterminid inessiivis, illatiivis ja elatiivis väljendavad vastavalt asumist 'kellegi kodus' (*ыджыд мамӧяс-ын* 'vanaema juures'), liikumist 'kellegi juurde koju' (*Машияс-ӧ* 'Maša juurde koju') ja 'kellegi juurest, kodust' (*Вавиловьяс-ысь* 'Vavilovite juurest') – lokalisatsioon DOMUS. Sotsiaalne ruum lõikub siin füüsilisega.

Siiski on mõnel neist käänetest ka spetsiifilisi tähendusi:

- Illatiivi spetsiifiliseks funktsiooniks on trajektoori ja orientiiri kokkupuute märkimine konstruktsioonides puutumist, haaramist jms väljendavate verbidega. Siin kehtib KONTAKTI skeemkujutus: *йурк-ас* (ILL.DEF) 'vastu lage'.
- Kesksimatest funktsioonidest erineb ka illatiivi kasutus sõnadega, mille semantika sisaldab 'ava' tähendust. Seejuures ilmneb illatiivi seos prolatiivi „läbikäigu” rolliga: *ӧшинь-ӧ* 'aknasse'.
- Tavaline ei ole ka elatiivi vormiga viitamine lokalisatsioonile POST: *керка пельӧс-ысь чепӧсьяс* 'maja nurga tagant (sõnasõnalt nurgast) kargab'.

Prolatiiv

Prolatiiv on orientatsioonikääne, ta ei viita ruumitüübile. Seega ei kuulu ta ei sise- ega väliskohakäänete rühma.

Prolatiivi ruumifunktsioonid moodustavad selle käände semantikaspektri keskosa. Perifeersemaid tähendused on kesksete tähenduste laienduse resultaat. Komi keeles on eristatavad järgmised prolatiivi ruumitähendused:

- Kõige sagedasemaks põhifunktsiooniks on liikumise märkimine mingil 'marsruudil'. Orientiir määrab marsruuti: *туй-ӧд* 'mööda teed'.
- 'Läbikäigu' tähendus sisaldab 'marsruudi' tähendusega sarnaselt liikumise trajektoori, kuid orientiir ei määra marsruuti, vaid on liikumise vaheetapiks. Liikumise käigus väljub trajektoori orientiiri piirest: *ӧшинь-ми* 'läbi akna'.
- 'Lava' tähenduses sisaldab orientiir trajektoori liikumise marsruuti, kuid ei määra seda. Orientiir on vaid ruum, kus liikumine toimub: *вӧр-ми* 'läbi metsa'.
- 'Läbikäigu' tähenduse laiendusena võib käsitleda perifeerset 'millestki võtmise koha' tähendust. Sel juhul on prolatiivi vorm võtmise, hoidmise,

tõmbamise jms tähendusega verbide reksiooniks: *ку-од* 'käest (kinni võtma, tirima jne)'.

- 'Lava' tähenduse laiendamise tulemusena võib prolatiivil tekkida lokatiivne funktsioon. Kääne märgib siis tegevuse kulgemise või omaduse ilmumise paika: *моросьяс-од-ыс вышивайтөм* 'rinnale on tikitud'.

Aproksimatiiv

Aproksimatiiv on orientatsiooni 'suund orientiiri poole' morfoloogiline väljendus. Lokalisatsiooni väljendamise alusel peetakse seda käänet väliskohasuhet osutavaks. Teatud perifeersetes kasutamistes on ta sünonüümne sisekohakäänetega.

Käände invariantne tähendus 'suund orientiiri poole' väljendub erinevates modifikatsioonides konkreetsetes kontekstides. Kasutusjuhtumite profileerimise teel tehtud analüüsis tulevad välja aproksimatiivi kõige prototüüpsemad ja kõige perifeersemad tähendused ning nende tähenduslaiendused. Spetsiifilisemate kasutuste paindlikum tõlgendamine paigutab neid käände semantilise spektri perifeeriasse. Sellised on trajektoori ja orientiiri kontaktile viitavad kasutused, mis pole aproksimatiivi puhul tüüpilised. Spetsiifilisi kasutusi iseloomustab piiratud kombineerumine, nt esinemine ainult konstruktsioonides konkreetsete verbidega.

Näidetest aproksimatiivi kasutamise kohta illatiivses või terminatiivses funktsioonis selgub, et taolistes situatsioonides figureeriv orientiir kuulub kindlasse kategooriasse – (inimese poolt) asustatud suhteliste piiridega ruum, nt asula, kodu jm. Aproksimatiivi illatiivse ja terminatiivse funktsiooni tõlgendamiseks annab alust kontekst ja üldteadmised maailmast.

Aproksimatiivi mitmetähenduslikkus ja semantilised suhted eri ruumitähenduste vahel on graafiliselt näidatud skeemil 22.

Egressiiv

Egressiivi orientatsioonitüübiks on 'suund orientiiri poolt'. Käänet peetakse väliskohasuhet osutavaks, kuid ta võib viidata ka sisekohale.

Egressiivi semantika sisaldab endas mitut komponenti: suund, lähtepunkt, liikumise või tegevuse levik orientiirist teatud punktini, kaugus orientiirist. Konstruktsioonides terminatiiviga viitab egressiiv kulgjoone alguspunktile. Erinevates kasutustes aktiveeruvad need tähendusosad eraldi või moodustavad kogumi.

Tihe geneetiline seos elatiiviga ilmneb egressiivi sünonüümses kasutamises liikumise väljendamisel orientiiri seest.

Terminatiiv

Terminatiiv esindab latiivset orientatsiooni ja väljendab 'teekonda jõudmisega lõpupunkti'.

- Käände põhifunktsiooniks on liikumise või tegevuse ruumilise piiri märkimine. Vaikimisi ei eelda see sisenemist orientiiri, vahel võib rääkida trajektoori ja orientiiri kontaktist.
- Teatud kontekstis on sisenemine orientiiri oletatav ja situatsiooni on võimalik interpreteerida kui lokalisatsiooni IN väljendamist. Kuid sel juhul ei ole tähelepanu fokuseeritud sihi saavutamisele orientiiri sisenemise kujul, vaid vahemaa läbimisele piirini, millele osutatakse kontekstis.
- Terminatiivi sünonüümsus illatiiviga ilmneb mõnes kasutuses ikkagi üsna selgelt. Terminatiiv lisab väljenditele stiilivarjundi, mis rõhutab situatsiooni erakordsust – trajektoori siseneb KOGUNI, TÄIESTI, PÄRISELT orientiiri.
- Konstruksioonides egressiiviga või ka ilma selleta osutab terminatiiv kauguse väljendamisel liikumise kulgjoone lõpupunktile või äärepunktile.
- Konstruksioonides verbiga *инмөдчы(в)ны* 'puutama, puudutama' sisaldab terminatiivi vormi kontakti orientiiriga.

Lähikohakäänded

Lähikohakäänete topeltnimetused, v.a aproksimatiiv II, viitavad nende keerulisele koosseisule: **aproksimatiiv-inessiiv**, **aproksimatiiv-elatiiv**, **aproksimatiiv-prolatiiv**, **aproksimatiiv-egressiiv** ja **aproksimatiiv-terminatiiv**. Need suhteliselt uued moodustised arvati komi keele käändeparadigmasse alles hiljuti. Käänete markerite keerulisest koosseisust on tingitud ka nende suhteliselt kitsas semantiline ulatus. Erandiks on siin jälle aproksimatiiv II.

Komponent *-лань-* lähikohakäänete suffiksites esineb kõige sagedamini lokalisatsiooni markerina ja markeerib orientiiri otseses või suhtelises läheduses paiknevat ala. Samas pole harvad ka situatsioonid, kus ilmneb selle komponendi aproksimatiivne funktsioon ehk suuna märkimine. Teistel komponentidel on lähikohakäänete markerites orientatsiooni funktsioon.

Orientiiri läheduses olev ala võib olla kahte tüüpi: ta võib paikneda kas vaatleja ja orientiiri vahel või orientiiri ümber ning vaatleja pole sel juhul aktuaalne. Selgelt ütelda, kumma tüübiga on tegemist, on sageli raske või pole koguni võimalik.

Mõlemad tüübid on esindatud aproksimatiivi-inessiivi kasutustes. Olemasoleva materjali alusel võib järeldada, et teist tüüpi alad figureerivad orientiiridega, milleks on elukohad, asutused jms. ning vaatlejast kaugel asuvad ja nähtamatud paigad.

Aproksimatiivi-elatiivi kasutustes algab liikumine või tegevus orientiiri lähedal asuvalt alalt. Lisaks võib see käänne märkida vaid liikumise suunda orientiirist vaatleja poole. Selles funktsioonis on aproksimatiiv-elatiiv sünonüümne aproksimatiiv-egressiiviga.

Aproksimatiivi-prolatiivi kasutustes võib samuti olla aktuaalne orientiiri lähiala, kus toimub liikumine või tegevus või avaldub omadus. Lisaks võib see käänne märkida trajektoori asendi suuna orientiiri poole. Sel juhul on aktuaali-

seeritud ala trajektoori osa, mis on pööratud orientiiri poole. St jällegi ilmneb aproksimatiivi funktsioon.

Aproksimatiiv-egressiiv osutab orientiirile, mille suunast algab või toimub trajektoori liikumine. Liikumine algab oletatavasti orientiiri lähialal ja levib vaotlejani. Mõnikord on fookuses suund orientiiri poolt. Selles ilmneb aproksimatiivi-egressiivi sünonüümsus aproksimatiivi-elatiiviga.

Aproksimatiiv II on lähikohakäänete rühma kõige sagedasem kääne. Struktuurilt on ta lähikohakääne, kuid tähenduste poolest aproksimatiivi funktsionaalne sünonüüm. See asjaolu on ka aproksimatiiv II sageduse põhjuseks. Aproksimatiivi funktsioonide kopeerimist aproksimatiiv II poolt seletatakse latiivsuse taasaktiveerumisega *-ланы-* komponendi semantikas latiivse *-õ* mõjul.

Kohakäänete funktsionaalsed vasted

Kohakäänete ruumifunktsioone on võimalik väljendada ka postpositionaal-konstruksioonidega. Paljud tagasõnade sarjad on moodustatud nimisõnadest kohakäänete markerite liitmise teel. Leksikaalsel komponendil on topoloogiline tähendus ja käändemarker märgib orientatsiooni. Seega on seeriatagasõnad lokalisatsiooni-orientatsiooni segamoodustised.

Lähikohakäänetega sünonüümset ruumisemantikast sisaldavad iseäralikud konstruksioonid, mida võib tinglikult nimetada *tagasõnalisteks formantideks*. Nende grammatiline staatus pole päris selge. Konstruksioonide koostisosaks on sufiksoid *-ладор-*. Paljudel, kuid kaugel mitte kõikidel juhtudel on tagasõnalised formandid ja lähikohakäänded vastastikku vahetatavad.

SUMMARY

The spatial semantics of locative cases in the Komi language (cognitive analysis)

Object of the study

The object of study in this thesis is the semantics of locative cases in the Komi-(Zyrian) language. The focus is on their historically primary spatial meanings. This choice was made because of the special role of location meanings in the development of the semantics of case, but also due to the limitations on the scope of the thesis. Both the main and frequent usages of locative cases as well as rare and even singular usages are taken under observation.

When speaking of the location meanings of cases, what is meant here is the marking of the position of an object or its movement in relation to a physical landmark. Therefore, the participants are generally material and visually perceivable. The movements can also be fictitious, they occur mentally, but spatial relations are clearly outlined in these instances as well. Such cases of usage are located on the periphery of the spatial semantics of locative cases.

This work examines how the locative cases function as components of nouns. Other means of indicating a location relationship, where the morphological structure also contains the locative case markers, e.g. postpositions, are not the primary object of study in this thesis. Nevertheless, they are dealt with in brief as the functional counterparts of locative cases.

In the thesis, only the locative cases occurring in standardised written Komi are studied. A few instances of dialectal variants are dealt with, but only if they possess a peculiar meaning or differ from the written language considerably in some other way.

The origins and development of locative cases are also not the focus of the study. The relevant chapters are very general and do not pretend to conclusiveness. The analysis of the structures of case suffixes also remains secondary. However, it has been given more attention than it might be required from the point of view of semantics.

Theoretical background and objective

Cognitive linguistics forms the theoretical background of the work. The author has tried to analyse the semantics of cases by relying on the principles of cognitive linguistics and by using its terminology and research methods. In this approach also lies the novelty of the study. This work could be considered the first attempt at examining the cases of Komi language from a cognitive perspective.

The objective of the work is to describe and analyse the spatial semantics of locative cases in the Komi language. Attempts are made to examine and verify

the results of previous studies from other theoretical positions. However, this does not mean refuting them, but merely presenting new solutions and interpretations.

In short, the work can be characterised as the **cognitive analysis of the expression of spatial relationships in the locative case forms of nouns in the Komi written language.**

Material

Because of the approach taken, the empirical material of the study consists of the usage samples of locative cases in very different contexts. The amount of context provided in the examples varies, but it must be sufficient for understanding the meanings of the cases correctly. Many examples have also been shortened, but it has been done in such a way that it does not affect the content of case usage.

All examples in the original language are numbered and presented in a separate row in italics. A translation is also provided and that is placed in a separate row right after the example. For greater prominence, the case forms of nouns are presented in bold and the case endings have been separated by a hyphen from the rest of the word. In translations, the corresponding parts of the examples have been underlined.

All material that is being analysed comes from written sources. The main example base consists of the usages of cases in literary texts and periodical publications. In addition, examples have been acquired from various grammatical descriptions, which also mostly have literary origins. The origins of the examples are secondary in terms of this study. It is important to present as many different case meanings as possible.

Structure and a brief overview

The thesis begins with an introduction, in which the object of the study is outlined, the relevance of the topic is stated, the objectives are presented, the sources and the materials studied are described etc. This is followed by the main section, which consist of two major parts – the theoretical part and the analysis.

The theoretical part is made up of several chapters. In the first chapter, the basic concepts used in the thesis are defined. The second chapter is dedicated to grouping locative cases and their typology; the cases used in Finno-Ugric languages are also briefly described here. Then, a brief overview is given of previous studies of the locative cases in the Komi language. In the next chapter, the cognitive approach in linguistics is discussed. Among other things, the basic principles of cognitive linguistics are presented, the main positions of R. W. Langacker's cognitive grammar are explained and the cognitive approach to polysemy is described.

The analysis section, which also consists of several chapters, is devoted to the analysis of the spatial semantics of the locative cases in the Komi language. First, the classification of Komi locative cases is presented. Then, the internal structure of locative cases is described in the form of a matrix of the more common cognitive domains. The subsequent chapters contain the case by case analysis of indicating location relationships. In these chapters, most of the empirical material is presented and specific examples are interpreted. The analysis ends with a chapter on the functional counterparts of locative cases.

These parts are followed by conclusions and summaries. At the end of the work, a list of abbreviations, sources and the literature used is also presented.

Classification of locative cases

The locative cases included among the so-called concrete cases have acquired their name from their main function, i.e. they indicate spatial relations. From the tens of parameters used to differentiate the ways of expressing spatial relations, the main ones could be taken to be **localisation** (*relative orientation* e.g. after Blake 2004: 151 or Haspelmath 2009: 515) and **orientation** (*direction* after Haspelmath 2009: 515–516).

On the basis of how they indicate orientation or direction, locative cases are generally divided into four groups that represent: 1) **location**, 2) **starting point**, 3) **end point** and 4) **route** (Плунгян 2002: 65). In addition to the starting and end point, the orientation of movement or activity can also be based on the 5) **starting direction** and the 6) **end direction**, while the starting and end points might not even be known (Плунгян 2002: 70–71). In different languages, it is also possible to express the 7) entire **route with reaching the end point included** by using a separate case (see Haspelmath 2009: 515–516).

All seven orientation types are morphologically marked with locative cases in the Komi language. The area around the landmark is divided into *topological zones* (*region* after Svorou 1994). Localisation is the positioning of this area in relation to a specific landmark (Плунгян 2002: 66). It concretises the spatial positioning of the trajector in relation to a landmark in the terms of geometrical positioning (Мельчук 1998: 52; Плунгян 2003: 175).

Different languages divide the area with a different level of detail, so the inventory of localisation varies greatly between languages (Мельчук 1998: 53; Плунгян 2003: 175). The Dagestan languages, for example, have a rich localisation system (see e.g. Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516; Алексеев & Атаев 1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1970: 110–156; Мельчук 1998: 53–55). The locative cases of Finno-Ugric languages most commonly mark the internal space and surface, but there are also other localisation types.

In typological studies, the localisation markers are usually indicated with Latin prefixes, which are not always the same in the works of different researchers (cf Blake 2004: 152; Haspelmath 2009: 516; Алексеев & Атаев

1997: 47; Ганенков & Мерданова 2002: 127–149; Кибрик 1977: 51–58; Мельчук 1998: 53–55, 336–337; Плу́нган 2002: 67–68; Плу́нган 2003: 176):

APUD	‘at/by/near’	ANTE	‘in front’	AD	‘surface’
ULTRA	‘far’	POST	‘behind’	SUPER-C	‘upper surface’
CIRCUM	‘around’	LAT	‘next to (not in front or behind)’	SUB-C	‘lower surface’
SUPER	‘above’	IN	‘in’	LAT-C	‘side surface’
SUB	‘under’	INTER	‘between’		
		PART	‘peripheral part’		

These prefixes also occur in the names of the respective locative cases.

Often, orientation and localisation markers do not occur alone, but they combine. The relatively large number of cases indicating local relationships in the Finno-Ugric languages is the result of such combinations (Blake 2004: 152). In these languages, it occurs systematically in the form of a series of cases. The marking of localisation and orientation has usually fused in the Finno-Ugric languages, but a morpheme analysis is often easily carried out. Agglutinative structure is less represented.

Cognitive approach in linguistics

Cognitive linguistics is a branch of cognitive science i.e. cognitology. The name of the theory comes from the definite connection between language and cognition:

„Language is a phenomenon the roots of which reach the deepest cognitive and behavioural mechanisms of people and are intertwined with them. The nature of language cannot be fully understood without considering these connections” (Õim 1990: 1819).

Language is treated as being in close connection with people’s general knowledge of the surrounding world, their experiences etc. The empirical data of other disciplines is incorporated. (Скребцова 2000: 6–7; Ченки 2006: 340) George Lakoff (1990: 40) has called this principle the *cognitive commitment*.

The **main idea** of cognitive linguistics is that language is seen as a tool for acquiring, arranging, processing, storing and communicating information (Geeraerts 2006a: 3). The **basic principles** that characterise cognitive linguistics are: 1) linguistic meaning is perspectival, 2) linguistic meaning is dynamic and flexible, 3) linguistic meaning is encyclopedic and non-autonomous, 4) linguistic meaning is based on usage and experience.

Langacker's cognitive grammar

Cognitive grammar is associated with the name of its creator and developer Ronald W. Langacker. His theory is based on the same principles as cognitive linguistics as a whole. Semantics are central to this theory and connected morphemes also have meanings.

Langacker sees grammar as a *structured inventory of conventional linguistic units*. A linguistic unit denotes a *thoroughly mastered structure*, i.e. a cognitive template, which is *preassembled* or *prepackaged*, and which the speaker uses automatically without considering the details of its structure. At the same time, one unit can be the component of another. (Langacker 1987: 57; Langacker 1991a: 15)

Grammar consists of symbolic units, from which more and more complicated structures are assembled. The construction and understanding of speech structures is not only influenced by linguistic ability, but also by familiarity with the context, the purposes of communications, aesthetic considerations and all other types of general knowledge and cognitive abilities. The result is usually something other than we would have deduced from the content of the linguistic units based on algorithms. (Langacker 1991a: 16; Лангаккер 1992: 16)

Vocabulary, morphology and syntax form a continuum of symbolic units with different structural complexity, specificity, generalness and regularity (Лангаккер 1992: 13–14; Скребцова 2000: 114; Ченки 2006: 364). From the perspective of cognitive grammar, grammar consists only of symbolic units and is not merely based on grammatical rules on the one hand and lexicon on the other (Geeraerts 2006: 7–8).

In cognitive grammar, meaning is equated with *conceptualisation*, which means both specific concepts but also concepts created for the first time etc. The semantic structure of a linguistic unit i.e. *predication* is explained primarily in the background system, which is a semantic space that consist of cognitive domains. In order to describe one concept, we need other concepts. (Langacker 1991a: 3; Скребцова 2000: 117) For example, it is impossible to explain the concept of *hypotenuse* without referring to a right-angled triangle.

The full description of a predication must contain the description of the domain and all levels in the hierarchy of basic concepts up to the basic domains (Langacker 1991a: 3–4; Скребцова 2000: 117; Ченки 2006: 358). According to Langacker, the basic domains, which cannot themselves be reduced to anything, are three-dimensional space, time, colour space, the extent of sound frequencies, temperature scale, sensory experiences etc. For explaining some predications, one domain is sufficient, but mostly it is necessary to refer to several domains i.e. *complex matrix* (Langacker 1991a: 4–5).

Cognitive grammar is characterised by the concept of **encyclopaedic semantics** (see Langacker 1987: 154–158; Langacker 2008: 39). This means that the semantic side of the linguistic unit contains all the knowledge and experience of the speaker. It is important to note that there is no distinction

between linguistic and non-linguistic knowledge, because all knowledge can affect the behaviour of expressions. (Vainik 1995: 29) Some parts of content are activated every time a linguistic unit is used, and are thus more central, while others are activated more rarely, and the most peripheral ones only occur in specific contexts. Thus, we can also speak of the level of *centrality* of knowledge. (Langacker 1987: 159; Langacker 2008: 39)

In order to understand the meaning of a linguistic unit, knowing the background system is not enough. It is also important to consider how its content is *construed* by the speaker, as the same object or event can be perceived differently by people (Danaher 2007). Langacker outlines several *dimensions of imagery* i.e. *parameters of focal adjustments*, which can change meaning e.g. *specificity* i.e. *granularity* i.e. *resolution*, *focusing*, *scope*, *prominence* and *perspective*.

Conceptual content is the basis for describing the meaning of a predication. It is a *base*, which is either the maximum range of a complex matrix or a single domain where the predication immediately belongs. Determining the scope of a predication is necessary for conceptualising a *profile*. A profile is the most prominent feature of the base. Highlighting the profile on a base can be called *profiling*, which is a phenomenon of the sub-structures becoming prominent. (see Langacker 2008: 66–70) For example, the base for the concept *hypotenuse* is a *right-angled triangle* and the side opposite the right angle is the profile. A profile has no semantic value without a base – it is not possible to call a random line a hypotenuse without referring to a right-angled triangle. (Langacker 1991a: 5–6; Скребцова 2000: 119–120) Hence, the reciprocal relationship of a base and a profile forms the semantic content of a linguistic unit.

When foregrounding sub-structures the concepts of *trajector/landmark alignment* are also important. Trajector is the part in a profile that receives the most attention from the viewer and consequently is the most prominent, while a landmark is the part in reference to which the movement, position and activity of the trajector is evaluated (Langacker 2008: 70). When foregrounding one object in relation to another, the terminological pairs of *figure* and *ground*, *locans* and *locatum*, *relans* and *relatum* etc are also used (Svorou 1994: 9).

Expressions may have the same content and the same part can be the profile in a predication, but they still have different meanings, since their trajector and landmark differ (Langacker 2008: 70), e.g. the prepositions *above* and *below* have the same content ($X \text{ above } Y = Y \text{ below } X$), but they are not synonyms. Their difference lies in the foregrounding of the parts i.e. the trajector and landmark (Langacker 1991a: 9; Langacker 2008: 71).

Another important aspect to consider when describing meanings is *perspective*. This assumes the existence of a *viewer* or a *conceptualizer*. Perspective includes such elements as the *vantage point* and the *subjectivity–objectivity* of depicting a situation. There are expressions where the supposed vantage point is the compulsory part of the meaning. These include deictic words or constructions like *in front of* and *behind*.

By default, the vantage point is the actual position of the speaker and the listener. However, this is not always the case, as we can easily adopt a fictitious vantage point and describe the situation from the position of the listener or from somebody else's perspective (Langacker 2008: 76). Vantage point as a descriptive structure can be applied equally well in the more abstract cognitive domains (Langacker 1991a: 316; Langacker 2008: 76–77).

The asymmetry of subjectivity and objectivity in depicting a situation is also helpful in analysing it. Maximum objectivity is achieved when the object has been separated from the viewer, is completely in his/her view and the viewer is wholly occupied with viewing. Including the viewer in the situation means maximum subjectivity. Most situations are located between these two extremes. (See Langacker 1987: 128–132; Langacker 1991a: 316–318; Langacker 2008: 77).

The structure of meaning. Polysemy

Polysemy is a common phenomenon in languages (Taylor 2003: 637). Very many words have two or more meanings, and polysemic words also occur more frequently (Ravin & Leacock 2002: 1). The ambiguity of linguistic units usually does not hinder communication, as we can easily select the suitable meaning from the several possibilities (Ravin & Leacock 2002: 1; Taylor 2003: 647). Connected morphemes also have an extensive semantic structure. Most markers in world languages are polysemic, as otherwise there would be a need for an infinite number of morphological units (ГАНЕНКОВ 2002: 36, 37).

In cognitive linguistics the study of polysemy means treating it as a method of categorisation (Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 140).

One of the means of systematising and presenting knowledge is through a *semantic network*. This is usually presented as a graph, the nodes of which mark concepts and the directed arcs denote their relationships. This model is suitable for describing polysemy.

The prototype theory is a treatment of polysemy as a particular form of categorisation, the basis for which lies in prototypes. This approach is connected with the name of Eleanor Rosch. Together with her colleagues, she studied the natural semantic categories and confirmed that the members of categories are organised around a prototype on the basis of a *family resemblance* (e.g. Rosch 1975). This means that all categories have an internal structure consisting of the centre and the periphery (Lakoff 1987: 41; Кронгауз 2005: 115), and some members of a category are more representative than others. A prototype is *the clearest case, the best example* (Rosch 1975: 193, 199), the standard, and based on this, the entire category can be identified (Кронгауз 2005: 115). Hence, the members of a category are not equal and we can speak of more typical and less typical members (Скребцова 2000: 89). In this kind of asymmetry lies the *prototype effect* (Lakoff 1987: 41): the more typical members are closer to the centre or the prototype, and the less typical members are in the periphery.

The degree of membership in a category is reflected in the distance of a member from the prototype. There is also no fixed limit on how “far” a member can be from the prototype and still belong to the category if the categoriser finds some resemblance to the more typical representatives. (Langacker 1991a: 266)

The central members of a category have different features than the ones on the periphery: they are more recognisable, they can be identified and acquired faster, they are more frequent etc. (Lakoff 1987: 41–42; Кронгауз 2005: 264–265). Usually, a specific meaning is more prototypical e.g. spatial meaning (Кронгауз 2005: 265). Peripheral meanings are more abstract and have appeared diachronically later. Their ability to form combinations is limited (Ченки 2006: 350).

The prototype theory allows for the description of frequent “problematic” facts, such as some peripheral usages. It makes possible a more flexible interpretation of the connections between the meanings of linguistic units i.e. the members of a category (Кубрякова jt. 1997: 143).

Radial network as a means of describing polysemy is also based on the principle of the prototype effect. The basic meaning is located at the centre of the network, around which are concentrated the chains of less representative meanings (hence the radial structure) (see Lakoff 1987: 40–46; Янда 2000: 8). Different meanings are connected with each other by different relationship mechanisms (Lakoff 1987: 91; Lewandowska-Tomaszczyk 2007: 148). The members of a category can have several different connections with the prototype (Янда 2000: 10). The further a meaning is from the prototype, the weaker its connection with the prototype. It is important that the members of a category need not belong there based on one or several compulsory shared characteristics (Янда 2000: 8; Janda 2006: 14). The understanding of meaning is related to the prototype, not with certain conditions. A radial network of meanings explains fairly well both lexical polysemy and the polysemy of grammatical phenomena, as it demonstrates the unity of a category with very varied members (Янда 2000: 9).

Langacker presents polysemy in a **network model**, which is a synthesis of the prototype theory and of categorisation based on schemes (Langacker 1991a: 266). In this model, meanings and sub-meanings are linked by *schematicity* and *extension* relations. Extension of meaning can be seen as a “horizontal” relation and schematicity as “vertical” (Langacker 1987: 373). Graphically, extension relations are marked with a discontinuous arrow in the direction of the more peripheral meaning, while schematic relations are marked with a continuous arrow in the direction of the specifications (see diagram 8). The arrangement of parts in a network model can be different in the minds of different people, depending on their experience and categorisation ability. However, it does not hinder communication as long as a sufficient number of nodes i.e. meanings are shared in people’s network models. (Langacker 1988: 52) The conventional meaning of a linguistic unit should correspond to the entire network, not a single node included in it (Langacker 1991a: 3; Langacker 2008: 38).

Image schemata are the schematised models of activities, which result from our daily bodily experience (Langacker 2008: 32) and arrange our mental world on the level of physical sensations and movement (Gibbs & Colston 2006: 240–241). These are the results of human’s sensory-motor activities. Image schemata as primary semantic models structure our experience on a pre-concept level (Lakoff 1987: 275; Langacker 2008: 32). Image schemata allow us to encode and process information in the same format, regardless of the (visual or linguistic) information channel (Lakoff 1987: 440). It is difficult to imagine the number of image schemata present in everyday thinking processes and other processes. When analysing the spatial semantics of locative cases, the most important image schemata are *container*, *surface*, *source*, *path*, *goal* etc.

Spatial semantics of locative cases

The declination paradigm of the Komi language is characterised by the abundance of case forms indicating spatial relationships. This is one of the characteristic features of the language. The system of locative cases is not heterogeneous in Komi. Firstly, cases differ in terms of their structure and development. Some of them are traditional or primary, others have emerged relatively late and are structurally more complex. Secondly, they are very different in terms of their frequency of use. Thirdly, locative cases possess a very different range of meanings.

The locative cases of Komi are commonly divided into internal, external and proximal locative cases. The basis for such groupings lies in localisation, or the actualisation of different topological zones. Linking inessive, illative and elative together as internal cases does not pose any questions. In their basic meanings, they actually refer to the inside of the landmark. Presenting proximal locative cases as a separate group also corresponds to the classification principle, since their main function includes a reference to the area near the landmark.

On a typological and contrastive observation, the classification of the Komi approximative, egressive and terminative as external locative cases requires explanation. In their basic meanings, they do not imply a connection with the internal sphere of the landmark. At the same time, they do not form a regular series that is parallel and in opposition to the internal locative cases, as in Hungarian or other Finnic languages. Generally, the approximative, egressive and terminative are not at all organised as group.

Prolative stands apart from others. It does not belong to any group. It is an orientation case and cannot be classified on the basis of expressing localisation.

The matrix of cognitive domains

In cognitive linguistics, each locative case has a system of meanings where some meanings are more central or prototypical while others are located on the periphery of the system. The system of meanings is internally organised as a matrix of cognitive domains. The domains can intersect and form transitional areas. Cases differ from each other depending on their representation in a domain and the number of domains in the matrix of each case.

The base domain, which itself is not reducible, is the physical space. By this, what is meant here is the simplified depiction of space in a language, its idealised representation, which is based on the canonical depiction of the geometrical world. In other words, space is the mentally projected three-dimensional physical space. The number of dominant dimensions on the objects of the real world allows us to idealise them into one-, two-, three- or zero-dimensional spaces.

Other cognitive domains are to a lesser or greater extent connected with space, e.g. the same structure models apply. The domains more closely related have intersecting points with space. From the most common cognitive domains, the following are represented in the Komi locative cases: abstract, social and event space; also time, state, scale and abstract relationships. The sum of the matrixes of locative cases is graphically illustrated on diagram 11.

Internal locative cases

The category of internal locative cases consists of the **inessive**, the **illative** and the **elative**. All three cases mark internal localisation in their main function, but depending on the topological type and physical characteristics of the landmark, they may also denote other different localisations.

The usage situations of the three internal locative cases are similar in terms of the main spatial meanings; they mark the same localisations and occur with the same types of landmarks. Only orientations differ: the inessive is the only internal locative case where the main function is marking the position of the trajector; the illative refers to movement to the internal sphere of the landmark; the main semantic role of the elative is to mark the internal starting point.

- The most prototypical meaning of internal locative cases presupposes the connection of the trajector with the three-dimensional internal sphere of the landmark (localisation IN). At the same time, cases are neutral to the form, size and closedness of the landmark. The inessive refers to the location of a trajector in a landmark (*керка-ын* ‘in the house’), in the case of an illative, the trajector moves inside the landmark (*кудй-ӧ* ‘into the box’) and in the elative case it moves out of it (*кабина-ысь* ‘from/out of the cabin’).
- The same way, internal locative cases indicate relationships with the constant environment (localisation INTER): INESS *лымй-ын* ‘in the snow’, ILL *ва-ӧ* ‘into the water’, ELAT *ва-ысь* ‘out of the water’.

- In addition, the markers of these cases refer to space without clear physical boundaries (zero-dimensional): INESS *ывла-ын* ‘outside’, ILL *ывла-ө* ‘to outside’, ELAT *ывла-ысь* ‘from outside’.
- A subcategory of a prototype is the marking of the trajector’s partial location inside the landmark: *тазй-ын рөсада* ‘plant(s) in a bowl’.
- Situations where the landmark is a container created by bending a flat object can also be regarded as subcategories of a prototypical meaning: ILL *дөра-ө* ‘inside a piece of cloth’.
- In the case of landmarks without cavities that cannot be treated as containers, the surface of the landmark is activated and the internal locative cases have the function of external locations (localisation AD): INESS *джодж-ын* ‘on the floor’, ILL *джодж-ө* ‘onto the floor’, ELAT *джодж-ысь* ‘from the floor’.

It is interesting to note that with the landmark *му* ‘earth, soil’, different topological features are activated in different contexts. Depending on the situation, internal locative cases can express different localisation types but use the same form of the word: ILL *му-ө* ‘into the earth; onto the earth’, ELAT *му-ысь* ‘out of the earth; from the earth’.

- Using internal locative cases in situations where the immediate surroundings of a landmark are activated can be considered quite specific (localisation APUD): INESS *Пач пельёс-ын <...> мыйкө шөпкөдис ‘In the corner of a stove <...> something whispered’*; ILL *Ме пуксьышти пызан пельёс-ас* (ILL.POSS3SG) ‘I sat into the corner of the table’.
- The forms of internal locative cases are typical when describing the processes of wearing, putting on or taking off items of clothing and footwear, also watches, jewellery etc. The landmarks in these cases are body parts and the body as whole as a particular type of space: *юр-ас* (INESS.POSS3SG) ‘on his/her head’, *юр-ас* (ILL.POSS3SG) ‘onto the head’, ELAT *юр-ысь* ‘from the head’.
- The uses of internal locative cases with landmarks that clearly belong to the physical space but also contain a reference to events are regarded as being in a transitional zone between the physical and the event space: INESS *туй-ын* ‘on a journey’, ILL *туй-ө* ‘onto a journey’, ELAT *туй-ысь* ‘from a journey’.
- Proper names in plural and kinship terms in the inessive, illative and elative express location ‘at someone’s home’ (*ыджыд мамёяс-ын* ‘at grandmother’s’), movement ‘to someone’s home’ (*Машаяс-ө* ‘to Masha’s home’) and movement ‘from someone’s home’ (*Вавиловьяс-ысь* ‘from the Vavilov’s’) – localisation DOMUS. Here, social space intersects the physical.

Nevertheless, some of them have specific meanings:

- The specific function of the illative is to mark the contact of the trajector and the landmark in constructions with verbs expressing touching, gripping etc.

Here the image schema of CONTACT applies: *йурк-ас* (ILL.DEF) ‘against the ceiling’.

- The use of the illative with words where the semantics contain the meaning of ‘opening’ also differs from the more central functions. At the same time, the connection of the illative to the prolicative’s ‘passageway’ role becomes apparent: *ёшинь-ё* ‘to the window’.
- It is not uncommon to use an elative form to refer to the localisation POST: *керка пельёс-ысь чепёсьяс* ‘from behind the corner of the house (literally ‘from the corner’) springs’.

Prolative

The prolicative is an orientation case, it does not refer to a type of space. Hence, it does not belong to the groups of internal and external locative cases.

The spatial functions of the prolicative form the centre of the semantic spectrum of this case. The more peripheral meanings are the result of extending the central meanings. The following spatial meanings of the prolicative can be distinguished in Komi:

- The most frequent main function is marking movement on a certain ‘route’. The landmark determines the route: *туй-ёд* ‘along the road’.
- Similarly to the ‘route’ meaning, the ‘passageway’ meaning also contains the movement trajectory, but the landmark does not determine the route but is an intermediate stage of the movement. During movement, the trajectory exits the boundaries of the landmark: *ёшинь-ти* ‘through the window’.
- In the meaning of ‘stage’, the landmark contains the route of the trajectory’s movement but does not determine it. The landmark is only the space in which the movement occurs: *вёр-ти* ‘through the forest’.
- As an extension of the ‘passageway’ meaning, the peripheral meaning of ‘the place from which you take’ can also be included. In this case, the prolicative form is the rection of the verbs with the meanings of taking, holding, pulling etc.: *ки-ёд* ‘hold a hand/pull by the hand etc.’.
- As an extension of the ‘stage’ meaning, the prolicative can acquire a locative function. The case then marks the place of the progress of the activity or the place of the appearance of a feature: *морёсьяс-ёд-ыс вышивайтём* ‘on the chest is embroidered’.

Approximative

Approximative is the morphological representation of the orientation ‘direction towards the landmark’. On the basis of expressing localisation, this case is considered to indicate external location relationships. In certain peripheral uses, it is synonymous with the internal locative case.

The invariant meaning of the case ‘direction towards the landmark’ is expressed in different modifications in specific contexts. By profiling the usage instances, the analysis reveals the most prototypical and most peripheral meanings of the approximative and their meaning extensions. The more flexible in-

terpretation of the specific usages places them on the periphery of the semantic spectrum of the case. Such are the usages referring to the contact of the trajector and the landmark, which are not characteristic of approximative. Specific uses are characterised by limited ability to combine, e.g. they only appear in constructions with certain verbs.

The examples of using approximative in the illative or terminative function reveal that the landmark appearing in such situations belongs to a certain category – the (human) inhabited area with relative boundaries, e.g. settlement, home etc. Interpreting the illative and terminative function of the approximative is based on context and the general knowledge of the world.

The ambiguity of the approximative and its semantic relations between different spatial meanings are graphically illustrated on diagram 22.

Egressive

The orientation type of the egressive is ‘direction from the landmark’. This case is considered to indicate external location relationships, but it can also refer to an internal location.

The semantics of the egressive contain several elements: direction, starting point, the spread of movement or activity from the landmark to a certain point, distance from the landmark. In constructions with the terminative, the egressive case refers to the starting point of a process line. In different usages, these parts of meaning are activated separately or they form a set.

A strong genetic relationship with the elative is apparent in the synonymous use of the egressive when expressing movement from inside the landmark.

Terminative

The terminative represents a lative orientation and expresses ‘the journey with reaching the end point included’.

- The main function of the case is to mark the spatial boundaries of movement or activity. By default, it does not presuppose entering the landmark; sometimes we can also speak of the contact of the trajector and the landmark.
- In certain contexts, the entry into the landmark is assumable and the situation can be interpreted as the expression of the localisation IN. However, in such cases the attention is not focused on achieving the aim in the form of entering the landmark, but covering the distance to the boundaries indicated in the context.
- However, the synonymy of the terminative with the illative appears quite clearly in some usages. The terminative case adds a stylistic nuance, which stresses the extraordinary nature of the situation – the trajector enters ACTUALLY, REALLY, TRULY into the landmark.
- In constructions with the egressive and also without it, the terminative indicates the end point of the process of movement or the edge point in expressing distance.

- In constructions with the verb *инмӧдчы(в)ны* ‘touch, come in contact with’, the terminative form includes contact with the landmark.

Proximal locative cases

The double names of proximal locative cases, except approximative II, refer to their complex composition: **approximate inessive**, **approximate elative**, **approximate prolative**, **approximate egressive** and **approximate terminative**. These fairly new constructions have only recently been included in the Komi language case paradigm. Due to the complex composition of the case markers, they also have a fairly narrow semantic range. Approximative II is an exception here.

The component *-лань-* in the suffixes of proximal locative cases occurs most commonly as a localisation marker, and marks the area in direct or relative proximity to the landmark. At the same time, situations where its proximative function, i.e. the marking of direction, occurs are also not rare. Other components have an orientation function in the proximal locative case markers.

The area near the landmark can be of two types: it can be located either between the viewer and the landmark or around the landmark, whereas the viewer is not relevant then. It is often hard or almost impossible to state the type clearly.

Both types are represented in the usage of the approximate inessive. On the basis of the existing material, it can be concluded that other types of areas occur with landmarks such as places of residence, institutions and locations that are distant from the viewer or invisible.

In the usage of the approximate elative, movement or activity begins from the area close to the landmark. In addition to this, the case can only mark the direction of movement from the landmark towards the viewer. In this function, approximate elative is synonymous with approximate egressive.

In the use of the approximate prolative case, the area close to the landmark where the movement or activity occurs or where a certain feature manifests itself is also important. In addition, this case can mark the direction of the position of the trajector towards the landmark. Then, the actualised area is the part of the trajector that is turned towards the landmark i.e. again the approximative function appears.

The approximate egressive indicates a landmark from the direction of which the movement of the trajector begins or occurs. The movement presumably begins from the proximity of the landmark and spreads towards the viewer. Sometimes the direction from the landmark is in focus. Here, the synonymy of this case with the approximate elative appears.

Approximative II is the most common case of this group. In its structure, it is a proximal locative case, but in terms of its meanings, it is the functional synonym of the approximative. This is also the reason for the frequency of this

case. The copying of the approximative functions by the approximative II is explained by the re-activation of lativity in the *-лань-* component's semantics due to the impact of the lative *-ō*.

Functional counterparts of locative cases

The spatial functions of locative cases can also be expressed by postpositional constructions. Several series of postpositions are formed from nouns by adding the locative case markers. The lexical component has a topological meaning and the case marker marks orientation. Hence, the serial postpositions are the result of the combinations of localisation-orientation. Spatial semantics identical with the proximal locative cases occur in special constructions, which can be called *postpositional formants*. Their grammatical status is not entirely clear. The component of these constructions is the suffix *-ладор-*. In many but definitely not all cases the postpositional formants and proximal locative cases are mutually exchangeable.

Приложение 1.

Краткий справочник по падежной терминологии

Справочник представлен в алфавитном порядке. За некоторыми исключениями, его основу составляют названия падежей коми языка. В качестве основных терминов «по умолчанию» используются названия, образованные на базе латинского языка. По каждому из падежей указывается его основное значение. В качестве маркеров падежей даны падежные суффиксы основного (непосессивного) склонения.

абессив, также *каритив* (например, Bartens 2000; Rédei 1978; Vászolyi 1967), рус. *лишительный падеж*, к. *торйöдан* (букв. ‘отделительный’) **-тöг** – один из **объектных падежей**, указывающий на отсутствие чего-либо.

аблатив, также *генитив-аблатив* (например, Rédei 1978), рус. *притяжательный падеж*, к. *босьтан* (букв. ‘изъятельный’) **-лысь** – один из **принадлежностных падежей**, выражающий притяжательные отношения. В современном коми языке аблатив не имеет пространственных функций (например, Некрасова 2004: 76), поэтому латинский термин может ввести в заблуждение. В сущности, он имеет функцию генитива, отличаясь от собственно **генитива** лишь в морфосинтаксическом плане (ср. маркирование зависимого имени двумя разными генитивами в зависимости от падежной формы подчиняющего имени в цахурском языке (Мельчук 1993: 51, 341, 342)). В этом смысле, название *генитив-аблатив* точнее передает суть этого падежа, не допуская неправильного понимания его семантики. Некоторыми исследователями (Castrén 1844: 16, 20, 21; Collinder 1960: 292) коми аблатив был отнесен к пространственным падежам.

адессив – см. **генитив**.

аккузатив, рус. *винительный падеж*, к. *керан* (букв. ‘творительный’) **Ø/-öс** – падеж, выражающий объект действия, маркирует прямое дополнение.

аппроксиматив, также *аппроксиматив I*, рус. *приблизительный, направительный падеж*, к. *матыстчан* (букв. ‘приблизительный’) **-лань** – один из **местных падежей**, выражающий ориентир направленного действия.

аппроксиматив II, также *аппроксиматив-иллатив*, рус. *направительный*, к. *матö матыстчан* (букв. ‘близко-приблизительный’) **-ланьö** – один из **приблизительно-местных падежей**, по своим функциям идентичный собственно **аппроксимативу**.

аппроксиматив-инессив, к. *матыс ина* (букв. ‘близко-местный’) **-ланьын** – один из **приблизительно-местных падежей**, выражающий местонахождение или действие вблизи ориентира.

аппроксиматив-пролатив, рус. *приблизительно-переходный*, к. *маті вуджан* (букв. ‘близко-переходный’) **-ланьöд, -ланьті** – один из **приблизительно-местных падежей**, выражающий путь движения вблизи ориентира.

аппроксиматив-терминатив, рус. *приблизительно-предельный*, к. *матöдз воан* (букв. ‘близко-достижимый’) **-ланьöдз** – один из **приблизительно-местных падежей**, выражающий предел движения или действия вблизи ориентира.

- аппроксиматив-эгрессив**, рус. *приблизительно-отдалительный*, к. *матысь ылыстчан* (букв. ‘изблизити отдалительный’) **-ланьянь** – один из **приблизительно-местных падежей**, выражающий ориентир, со стороны которого начинается движение. Семантически схож с **аппроксимативом-элативом**.
- аппроксиматив-элатив**, рус. *приблизительно-исходный*, к. *матысь петан* (букв. ‘изблизити исходный’) **-ланьясь** – один из **приблизительно-местных падежей**, выражающий ориентир, со стороны которого происходит движение. Семантически схож с **аппроксимативом-эгрессивом**.
- внешнеместные падежи**, к. *ортсы ина* – одна из условных подгрупп **местных падежей**, выражающая различные внешнеместные значения. Таковыми в коми языке считаются **аппроксиматив**, **эгрессив**, **пролатив**, **терминатив**. По ÖKK (63, 64) пролатив относится к внутриместным падежам.
- внутриместные падежи**, к. *пытшикӧс ина* – одна из подгрупп **местных падежей**, выражающая различные внутриместные значения. Таковыми в коми языке считаются **инессив**, **элатив**, **иллатив**, по ÖKK (63, 64) также **пролатив**.
- генитив**, рус. *родительный падеж*, к. *асалан* (букв. ‘присвоительный’) **-лӧн** – один из **принадлежностных падежей**, выражающий в коми языке «обладание», как и во многих языках мира. В отдельных работах (например, Лыткин 1929: 18; Uotila 1938: 46; Бубрих 1949: 44; СКЯ 140–141) назван также адессивом, а некоторые исследователи (Castrén 1844: 16, 20, 21; Collinder 1960: 292), более того, относят его к пространственным падежам. Пространственной функции эта падежная форма (сегодня уже) не имеет, хотя выражение локальных отношений считается ее исторически первичным значением (см. Некрасова 2002: 20–24; ÖKK 62–63).
- датив**, рус. *дательный падеж*, к. *сетан* (букв. ‘дательный’) **-лы** – один из **принадлежностных падежей**, выражающий адресат направленного действия, передачи, речи и т. д., а также субъект ситуации восприятия (экспериментер). Данная падежная форма в коми языке некоторыми учеными (например, Vászolyi 1967) названа аллативом, а Б. Коллиндер (Collinder 1960: 292) и вовсе обозначил ее как внешнеместный падеж. Однако пространственная функция этого падежа сегодня выступает как реликтовое или диалектное явление (Некрасова 1987b: 112), хотя выражение локальных отношений считается его исторически первичным значением (см. Некрасова 1987b; Некрасова 2002: 20–24; ÖKK 62–63).
- инессив**, рус. *местный падеж*, к. *ина* (букв. ‘местный’) **-ын** – один из **внутриместных падежей**, выражающий место внутренней локализации. В отличие от латинского термина, русский и коми названия не указывают на конкретный тип пространства. В этом и нет прямой необходимости за отсутствием в коми языке других параллельных инессиву локативных падежей с внешнеместной (например, пространственный аблатив в прибалтийско-финских языках) или поверхностно-местной (например, суперессив в коми-пермяцком языке) семантикой.
- инструменталис**, рус. *творительный падеж*, к. *керанторъя* (букв. ‘инструментальный’) **-ӧн** – один из **объектных падежей**, выражающий орудие действия, инструмент, средство.
- иллатив**, рус. *вступительный падеж*, к. *пыран* (букв. ‘входной’) **-ӧ** – один из **внутриместных падежей**, выражающий конечный внутренний пункт действия.

комитатив, также *комплетатив* (Лудыкова & Федина 2001), рус. *соединительный, совместный падеж*, к. *отвывтан* (букв. ‘соединительный’) **-кӧд** – один из **объектных падежей**, выражающий совместность.

консекутив, также *конзекутив* (например, ОФУЯ 1976), *каузатив* (например, Бубрих 1949), рус. *достигательный падеж*, к. *могман* (букв. ‘целевой’) **-ла** – один из **объектных падежей**, выражающий причину или цель действия.

локатив – семантическое соответствие термина **местный**, не используемое относительно коми инессива.

местные падежи, также *пространственные падежи*, также *локальные падежи*, к. *ина* – группа падежей, выражающих различные пространственные отношения.

номинатив, рус. *именительный падеж*, к. *нимтан* (букв. ‘назывательный’) **∅** – субъектный падеж, используемый прежде всего для называния объектов вне контекста.

объектные падежи, к. *объекта* – падежи, выражающие различные отношения субъекта или действия к объекту. Таковыми в коми языке считаются **аккузатив, инструменталис, комитатив, абессив, консекутив, преклюзив**.

падежная форма – форма слова вместе с падежным маркером. В некоторых языках падежный маркер неотделим от основы, поэтому следует говорить о варьировании форм слова в зависимости от падежа.

падежный маркер – аффикс, отделяемый от основы слова.

приблизительно-местные падежи, к. *матыс ина* – одна из подгрупп **местных падежей**, выражающая различные приблизительно-местные значения. Таковыми в коми языке считаются **аппроксиматив II, аппроксиматив-инессив, аппроксиматив-пролатив, аппроксиматив-терминатив, аппроксиматив-эгрессив, аппроксиматив-элатив**.

принадлежностные падежи, к. *асалан* – падежи, выражающие различные принадлежностные отношения. Таковыми в коми языке считаются **генитив, аблатив, датив**.

преклюзив, рус. *сравнительный падеж*, к. *откодялан* (букв. ‘сравнительный’) **-ся** – один из **объектных падежей**, выражающий сравнение одного объекта с другим.

пролатив, рус. *переходный падеж*, к. *вуджан* (букв. ‘переходный’) **-ӧд, -ті** – один из **местных падежей**, выражающий путь движения. Считается также двумя падежами **просекутивом** и **транзитивом** (например, Baker 1985).

просекутив, также *пролатив* (например, Bartens 2000), рус. *переходный падеж*, к. *1 вуджан* (букв. ‘переходный’) **-ӧд** – один из **местных падежей**, объединяемый вместе с **транзитивом** в один падеж **пролатив**.

терминатив, рус. *предельный падеж*, к. *воан* (букв. ‘достигательный’) **-ӧдз** – один из **местных падежей**, выражающий предел движения или действия.

транзитив, рус. *переходный падеж*, к. *2 вуджан* (букв. ‘переходный’) **-ті** – один из **местных падежей**, объединяемый вместе с **просекутивом** в один падеж **пролатив**.

элатив, рус. *исходный падеж*, к. *петан* (букв. ‘выходной’) **-ысь** – один из **внутриместных падежей**, выражающий внутренний исходный пункт действия.

эгрессив, также *делатив* (Лудыкова & Федина 2001), рус. *отдалительный падеж*, к. *ылыстчан* (букв. ‘отдалительный’) **-сянь** – один из **местных падежей**, выражающий исходный пункт действия.

Приложение 2. Краткий справочник по когнитивной терминологии

Справочник представлен в алфавитном порядке. При составлении списка и толковании терминов использованы разработки русскоязычной когнитивной терминологии (Кубрякова и др. 1997; Рахилина 2000с: 3–15 и др.), а также глоссарии, содержащие англоязычную когнитивную терминологию (Evans 2007; Langacker 1987: 485–494; Langacker 1991b: 543–556), и различные исследования по когнитологии (см. БИБЛИОГРАФИЯ).

абстрактная область (*abstract domain*) – эквивалент **идеализированной когнитивной модели** Дж. Лакоффа. В различных терминологиях называется также **фреймом**, *сценой*, *схемой*, *скриптом*.

база (*base*) – один из участников **профилирования**, фрагмент **матрицы когнитивных областей**, необходимый для **концептуализации профиля языковой единицы**. Соответствует *коммуникативному фону* или *презумпции* в МСШ (Рахилина 2000с: 5).

базисный уровень (*basic level*) – уровень, промежуточный между самым высоким и самым низким в иерархии **категорий**, на котором сконцентрированы наиболее релевантные для обыденного сознания свойства (см. Кубрякова и др. 1997: 14–15).

базовая область (*basic domain*) – основная, когнитивно несводимая область.

выдвижение (*foregrounding*) – один из аспектов **фокусировки**, обозначающий вынесение концептуального содержания на передний план.

выпуклость (*prominence/salience*), также *выделенность*, также *высвечивание* – один из **параметров фокусной корректировки**, обозначающий выделение определенных подструктур внутри **предикации**. К выпуклости относятся такие когнитивные операции как **профилирование** и **соположение траектора и ориентира**.

гештальт – целостный допонятийный образ фрагментов мира (Маслова 2008: 24).

домен (*domain*) – см. **когнитивная область**.

идеализированная когнитивная модель (*idealized cognitive model*), или ИКМ – комплексная структура знаний, представлений об объекте в целом, некий «нерасчлененный образ» (Рахилина 2000с: 4).

категоризация (*categorization*) – процесс образования и выделения **категорий**, классификация явлений, объектов и пр. в соответствии с их характеристиками, а также результат классификационной деятельности. Центральными понятиями в процессе категоризации являются **прототип** и **базисный уровень**.

категория (*category*) – когнитивная форма мышления человека, позволяющая обобщать опыт и осуществлять его классификацию (см. Кубрякова и др. 1997: 45–47).

когнитивная область, также *концептуальная область*, также *домен* – любая последовательная область осмысления (в т. ч. любой вид опыта, понятия, сложная система знаний и пр.), некий семантический фон, относительно которого характеризуется **концепт**. Домены соотносимы с филлморовским понятием **фрейма** (Рахилина 2000с: 3) и **ментальными пространствами** Фоконье

(Langacker 2008: 50–51). Соответствует *коммуникативному фону* или *презумпции* в МСШ (Рахилина 2000с: 5). См. также **абстрактная область** и **базовая область**.

когнитивное обязательство (*cognitive commitment*) – идея, согласно которой, принципы языковых структур должны отражать знания, известные из других дисциплин, в частности других когнитивных наук, о человеческой когниции.

когнитивный (*cognitive*) – связанный с **когницией**, ‘познавательный’, ‘внутренний’, ‘ментальный’.

когниция (*cognition*), также *познание* – центральное понятие когнитивной науки, обозначающее как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты; совокупность ментальных процессов, служащих обработке, переработке, преобразованию информации, поступающей в сознание человека по различным каналам.

конструал (*construal*), также (ранее) *изображение, образность (imagery)* – рассмотрение и изображение сцены или ситуации альтернативными способами, достигаемое путем **фокусной коррективы**.

контаминация (*blending*) – термин для описания словообразовательных и синтаксических гибридов.

концепт (*concept*) – фундаментальная единица знаний, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, всей картины мира, отраженной в человеческой психике, совокупность всех смыслов, схваченных словом (см. Кубрякова и др. 1997: 90–93; Попова & Стернин 2007: 29–35). Соответствует *коммуникативному фокусу* или *ассерции* в МСШ (Рахилина 2000с: 5).

концептуализация (*conceptualization*) – понятийная классификация; способ обобщения человеческого опыта; процесс когнитивной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию **концептов**, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека. Соответствует *наивной картине мира* в МСШ (Рахилина 2000с: 7).

максимальная сфера действия (*maximal scope*) – все области, служащие основанием для определения значения **языковой единицы**.

матрица когнитивных областей (*domain matrix*) – множество **доменов** или набор **когнитивных областей**, относительно которых характеризуется выражение.

ментальные пространства (*mental spaces*) – модели реальных или гипотетических ситуаций в представлении человека, среда концептуализации и мышления. Они не являются заданными, а создаются, корректируются и подвержены динамическим изменениям в процессе коммуникации.

непосредственная сфера действия (*immediate scope*) – минимальный фрагмент **матрицы когнитивных областей**, необходимый для определения значения **языковой единицы**.

образ-схема, также *схема образности*, также *образная схема (image schema)*, также *топологическая схема* (Рахилина 2000b: 364) – динамическая аналоговая репрезентация пространственных отношений и передвижений в пространстве (Gibbs & Colston 2006: 240); типовая модель, семантическая «картинка», простая когнитивная (**гештальт**-)структура, получаемая из нашего взаимодействия с миром и используемая в повседневном опыте. На некотором уровне абстракции соответствует *семантическому примитиву* в МСШ (Рахилина 2000с: 6).

ориентир, также *точка отсчета (landmark)* – выделенная в меньшей степени фигура **профиля**, относительно которой определяется расположение **траектора**; вторичный семантический фокус (*secondary focus*).

параметры фокусной корректировки (*parameters of focal adjustments*), также *аспекты образности (aspects of imagery)* – аспекты, призванные отразить **конструал**, в число которых входят **спецификация, фокусировка, выпуклость и перспектива**.

перспектива (*perspective*) – один из **параметров фокусной корректировки**, обозначающий организацию обозрения сцены или ситуации и включающий различные аспекты соотношения наблюдателя и наблюдаемого. С понятием перспективы тесно связаны такие факторы как **точка наблюдения, субъективность и объективность** интерпретации.

предикация (*predication*) – семантический полюс языкового выражения.

прототип (*prototype*) – наиболее репрезентативный пример, отражающий наиболее часто встречающиеся признаки, свойственные некоторому набору экземпляров.

профилирование (*profiling*) – частный случай **выпуклости**, обозначающий «высвечивание» **профиля** на фоне **базы**.

профиль (*profile*) – один из участников **профилирования**, наиболее выпуклая подструктура внутри **базы**, на котором фокусируется внимание. Соответствует *коммуникативному фокусу* или *ассерции* в МСШ (Рахилина 2000с: 5).

радиальная сеть – категория с радиальной структурой, некоторые члены которой являются более представительными, чем другие. От них отходят цепочки менее представительных членов.

разложимость (*analyzability*) – один из аспектов **фокусировки**, обозначающий уровень салиентности составляющих подструктур относительно сложного концепта.

семантическая сеть (*semantic network*) – способ систематизации и представления знаний в виде сети.

семейное сходство, также *фамильное сходство (family resemblance)* – понятие в **теории прототипов**, обозначающее идею, согласно которой, члены одной категории не обязательно проявляют полное тождество достаточных и необходимых свойств, а могут объединяться по наличию некоторых сближающих черт подобно тому, как члены одной семьи похожи друг на друга в разных отношениях.

сетевая модель (*network model*) – способ описания грамматической **категории**, синтез **теории прототипов** и категоризации на базе схем.

символьная единица – см. **языковая единица**.

скрипт (*script*) – см. **фрейм**.

соположение траектора и ориентира (*trajector/landmark alignment*) – частный случай **выпуклости**, характеризующий асимметричную выделенность **траектора** и **ориентира** в **профиле**.

спецификация (*specificity*) – один из **параметров фокусной корректировки**, обозначающий уровень конкретности, или степень детализации информации.

субъективность (*subjectivity*) и **объективность** (*objectivity*) интерпретации – аспект отражения ситуации, согласно которому, субъективность/объективность восприятия зависит от степени отделенности наблюдателя от наблюдаемого и пр.

- сфера действия** предикации (*scope*) – один из аспектов **фокусировки**, обозначающий фрагмент в **матрице когнитивных областей** языкового выражения, служащий основанием для определения его значения. См. также **максимальная сфера действия** и **непосредственная сфера действия**.
- сцена** (*scene*) – см. **фрейм**.
- сценарий** (*script*) – см. **фрейм**.
- схема** (*schema*) – см. **фрейм**.
- теория прототипов** (*prototype theory*) – взгляд на полисемию как на **категоризацию** особого рода, в основе которой лежат **прототипы**.
- точка наблюдения** (*vantage point*), также *точка зрения* (*viewpoint*) – позиция, с которой обозревается сцена или ситуация.
- траектор** (*trajector*) – выделенная в большей степени фигура **профиля**, на которой сфокусировано основное внимание (*primary focus*).
- фокусировка** (*focusing*) – один из **параметров фокусной корректировки**, обозначающий выбор содержания и его организацию. Включает **выдвижение**, **разложимость**, **сферу действия**.
- фокусная корректировка** (*focal adjustment*) – способ фокусирования внимания на определенном аспекте сцены или ситуации. См. также **параметры фокусной корректировки**.
- фрейм** (*frame*) – унифицированная конструкция знания или связанная схематизация опыта (НЗЛ ХХIII: 54), стереотипная ситуация (Маслова 2008: 24), структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта. В различных терминологиях называется также *схемой*, *сценарием*, *сценой* и т. д.
- эффект прототипичности**, также *прототипический эффект* – асимметрия, при которой центральные члены **категории** проявляют иные когнитивные характеристики, чем периферийные: быстрее опознаются и усваиваются, чаще употребляются, ускоряют решение задач, связанных с идентификацией, т. е. используются при понимании категории в целом.
- языковая картина мира** – отражение реального мира в языке, образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит или понимает (Рахилина 2000b: 11, 338).
- языковая единица** (*linguistic unit*), также *символьная единица* (*symbolic unit*) – автоматически используемая в совершенстве освоенная структура (*thoroughly mastered structure*), соответствует *конструкции* в грамматике конструкций.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя: Николай Кузнецов
Гражданство: Россия
Дата рождения: 29.12.1976
Телефон: 737 6538
E-mail: nikolai.kuznetsov@ut.ee

Образование:

1983–1991 Коквицкая школа (Коми АССР)
1991–1993 Республиканская Гимназия искусств (Республика Коми)
1993–1994 Сыктывкарский государственный университет (Республика Коми)
1994–2000 Тартуский университет, ВА (финно-угорские языки)
2000–2002 Тартуский университет, МА (уральские языки)
2002–... Тартуский университет, докторантура по уралистике

Профессиональный опыт:

2000–2005 Эстонский литературный музей, исполнитель проекта «Мультязычный коми сайт»
2005–... Эстонский литературный музей, научный сотрудник (0,5)
2005–2006 Тартуский университет, экстраординарный научный сотрудник
2006–... Тартуский университет, лектор финно-угорских языков (0,5)

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Nikolay Kuznetsov
Kodakondsus: Venemaa
Sünniaeg: 29.12.1976
Telefon: 737 6538
E-post: nikolai.kuznetsov@ut.ee

Haridus:
1983–1991 Kokvitsõ kool (Komimaa)
1991–1993 Vabariiklik Kunstigümnaasium (Komimaa)
1993–1994 Sõktõvkari riiklik ülikool (Komimaa), komi ja vene filoloogia
1994–2000 Tartu Ülikool, BA (soome-ugri keeled)
2000–2002 Tartu Ülikool, MA (uurali keeled)
2002–... Tartu Ülikool, doktoriõpe uralistikas

Teenistuskäik:
2000–2005 Eesti Kirjandusmuuseum, projektitõtja projekti „Multilingvaalne komi veeb” juures
2005–... Eesti Kirjandusmuuseum, teadur
2005–2006 Tartu Ülikool, erakorraline teadur
2006–... Tartu Ülikool, soome-ugri keelte lektor

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ольга Ерина.** Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997, 150 с.
2. **Людмила Карпова.** Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997, 224 с.
3. **Инна Тимиряева.** Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997, 136 с.
4. **Софья Чеснакова.** Марийская поэма. Тарту, 1998, 162 с.
5. **Triinu Ojamaa.** Glissando nganassaani muusikas. Morfoloogiline, süntaktiline ja semantiline tasand. Tartu, 2000, 176 lk.
6. **Niina Aasmäe.** Stress and quantity in Erzya. Tartu, 2006, 205 p.
7. **Светлана Едыгарова.** Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010, 288 с.
8. **Valts Ernštreits.** Liivi kirjakeele kujunemine. Tartu, 2010, 224 p.
9. **Florian Siegl.** Materials on forest enets, an indigenous language of northern Siberia. Tartu, 2011, 456 p.
10. **Александр Пустяков.** Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ). Тарту, 2011, 281 с.
11. **Елена Рябина.** Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту, 2011, 262 с.